ИЮЛЬ 2012 г. • № 7 (270)

ISSN 2074-2975

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Редакция журнала «Обозреватель-Observer»

Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона

О.САВИНА

Диаспоральная политика России

И.ШИШКИН

Преступный Пакт без преступления

А.СТРОИТЕЛЕВ

Принципы права вооруженных конфликтов

А.РОЗАНОВ

Баскский терроризм: профилактика и опыт

Химическая и биологическая безопасность как часть национальной безопасности России

ISSN 2074–2975 июль 2012 № 7 (270)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона 5

В.Авксентьев, Б.Аксюмов

Рассматривая конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурной специфики региона и его возможной вовлеченности в конфликт цивилизаций, авторы делают вывод о необходимости формирования российской цивилизационной идентичности как фактора интеграции Северного Кавказа в общероссийское социокультурное пространство и условия реализации позитивного конфликтологического сценария в регионе.

Принципы права вооруженных конфликтов и их использование 15

А.Строителев

В статье раскрываются теоретические и методологические подходы к пониманию сущности, содержания и использованию принципов права в вооруженных конфликтах как самостоятельной отрасли международного гуманитарного права; анализируется ряд правовых норм в указанной сфере; характеризуется ответственность субъектов вооруженных конфликтов за совершение военных преступлений.

Химическая и биологическая безопасность как часть национальной безопасности России 23

В.Андреев, В.Бараненко

На основании рассмотрения ключевых аспектов безопасности химического и биотехнологического комплексов (ХБК) России, выявления и идентификации внешних и внут-

ренних угроз, препятствующих инновационному развитию ХБК, авторами предложен проект Национальной системы химической и биологической безопасности страны, обоснована структура системы, приведены характеристики и иерархическая взаимосвязь её основных компонентов. Установлено, что технологическая модернизация является приоритетным компонентом Национальной системы.

Миграционные настроения молодеёжи – индикатор диаспоральной политики России 37

О.Савина

В статье анализируется оценка диаспоральной политики России представителями молодого русскоязычного населения в странах СНГ. Исследуя социально-политические модели поведения этой категории молодёжи, автор выявляет усиливающуюся тенденцию к переезду русской молодежи из бывших республик Советского Союза в страны дальнего зарубежья на учебу, работу и постоянное место жительства. В статье даны некоторые рекомендации для более эффективного сотрудничества России со своей диаспорой.

Баскский терроризм: профилактика и опыт для России 44

А.Розанов

Автор рассматривает баскский терроризм, выявляет его основные особенности и факторы, влияющие на развитие экстремизма в Испании. На основании анализа зарубежного опыта борьбы с терроризмом предложены соответствующие рекомендации для совершенствования российской системы профилактики терроризма.

Современные векторы в международных отношениях России 53

А.Борщ

На основе векторной оценки взаимоотношений России с другими странами в условиях глобализации раскрыты вопросы повышения политических мер предотвращения и урегулирования кризисов, а также всестороннего сотрудничества в обеспечении национальной безопасности страны.

Феномен глобального управления в трактовке западных ученых 60

Д.Трухин

В статье представлен обзор литературы, затрагивающей проблематику глобального управления. В основном рассматриваются исследования, проводимые западноевропейскими и американскими учеными и выделяются особенности их подхода к феномену глобального управления.

Франко-бельгийское трансграничное профсоюзное сотрудничество 68

Э.Ермакова

Трансграничное профсоюзное сотрудничество в рамках Евросоюза в конце XX – начале XXI в. вышло на новый уровень. Общеевропейские интеграционные процессы застави-

ли профсоюзы по-новому посмотреть на свою роль и задачи. За последние десятилетия были созданы новые общеевропейские профсоюзные объединения, призванные гармонизировать сотрудничество между странами – членами ЕС в политической, экономической, юридической и социальной областях. Анализ роли профсоюзов в отношениях между Францией и Бельгией позволяет сделать общие выводы о перспективах, реальных возможностях и об очевидных недостатках общеевропейского трансграничного профсоюзного движения.

Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории 76

А.Фурсов

Отталкиваясь от дискуссии, посвященной отношениям крестьянства и власти, автор анализирует специфику российского крестьянства с учетом особенностей совокупного общественного продукта, создаваемого в русских условиях, а также ряд проблем, связанных со столыпинской реформой и коллективизацией. Особое внимание уделяется негативному воздействию идеологем на научный дискурс.

События и люди

Кого мы победили в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов? 99

А.Цветков

В статье участника Великой Отечественной войны на основе документальных материалов уточняются цели агрессии капиталистической Европы в лице германского фашизма против Советского Союза в 1941 г., захват Гитлером Европы, вынужденное вступление СССР в войну и анализируются корни победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Преступный Пакт без преступления 109

И.Шишкин

Автор считает, что есть все основания утверждать, что Пакт Молотова-Риббентропа в полной мере соответствовал нормам международного права межвоенного периода. Единственное, что ему можно вменить, да и то с большой натяжкой, противоречие «духу» советско-польского договора о ненападении.

Столыпин – образец для подражания или..? 121

Н.Кротов

В статье рассматривается феномен возникновения нового кумира в среде российского чиновничества – А.П.Столыпина, оценивается возможность применения опыта его реформаторской деятельности в условиях модернизации экономики России и показана абсолютная невозможность использования его фигуры как идеала, образца для подражания при реформировании современной России.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; ГУСЕВ А.А. – зам. гл. редактора, д.п.н.; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ГУСЕВ А.А. – д.п.н., проф.; ГУСЬКОВА Е.Ю. – д.и.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯЙС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П.А. – д.ф.н., проф.

Научно-редакционный совет

АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН

ГАБАРАЕВ Б.А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ

ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России

ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор

ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН

ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор

ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор

КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор

ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник

МУРАДОВ Г.Л. – заместитель руководителя Федерального агентства «Россотрудничество»

ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН

ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН

ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН

СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор

ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН

ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН

ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»

ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор

ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона

Виктор Авксентьев
Борис Аксюмов

Юг России по-прежнему остается одним из наиболее проблемных макрорегионов России.

Раздел в 2010 г. «большого» Южного федерального округа на два и выделение из его состава «округа концентрированных проблем» – Северо-Кавказского (СКФО) привели к тому, что территории, выступавшие локомотивами развития всего Юга – Краснодарский край и Ростовская область – остались в одном округе, а наиболее проблемные как в экономическом, так и политическом аспектах – в новом. С другой стороны, это разделение, при наличии многих негативных последствий, имело и позитивные.

Во-первых, государство послало четкий сигнал обществу, что Северный Кавказ является предметом его первоочередной заботы и государство готово предпринимать активные действия и нести необходимые издержки для стабилизации ситуации.

АВКСЕНТЬЕВ Виктор Анатольевич – доктор философских наук, директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. *E-mail:* AvksentievV@rambler.ru

АКСЮМОВ Борис Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета. *E-mail:* aksbor@mail.ru

Ключевые слова: Юг России, Северный Кавказ, конфликтологические сценарии, социокультурное развитие, конфликт цивилизаций, религия, ислам, традиционализм, цивилизационная идентичность.

Во-вторых, создание нового округа и наделение полпреда в СКФО особым статусом и кругом полномочий позволило активизировать экономическую и общественно-политическую жизнь региона.

Не будет преувеличением сказать, что сегодня СКФО – единственный «работающий» округ в России. Тем не менее переломить ситуацию к лучшему не удалось. Преступления террористического характера, обстрелы, нападения на представителей органов власти, убийства религиозных и общественных деятелей происходят в округе ежедневно. Все это ставит под сомнение реалистичность стратегии экономической реконструкции Северного Кавказа и целесообразность больших капиталовложений в развитие туристическо-рекреационной сферы в регионе хронической нестабильности.

«Теоретический ключ» к прогнозированию ситуации на Юге России

С 2005 г. ученые Южного научного центра РАН осуществляют сценарное прогнозирование в Южном макрорегионе. Были разработаны конфликтологические сценарии до конца первого десятилетия XXI в., которые частично подтвердились. Сценарии ежегодно корректировались[1] и обсуждались на встречах с представителями органов власти и других научных мероприятиях (конференции, круглые столы и т. п.). В частности, в 2009 г. нами был сделан вывод о том, что состоялся переход, по крайней мере восточной части Северного Кавказа, от умеренно-негативного (инерционного) сценария к негативному.

На основе экспертного опроса, проведенного на Юге России в 2009 г., был сделан среднесрочный конфликтологический прогноз по региону.

Эксперты прогнозировали пик эскалации напряженности в 2012 г., что обусловлено ключевым политическим событием – выборами Президента России и отсроченными следствиями электоральных процессов 2011 г. На основе факторного анализа этот прогноз был скорректирован и сделан вывод о следующем пике конфликтности в 2014 г.: по мере приближения XXII зимних Олимпийских игр в Сочи становится все более очевидным конфликтогенный и рискогенный характер этого проекта.

Данный прогноз не означает, что после 2014 г. произойдет деэскалация региональных конфликтов и напряжений. Во второй половине второго десятилетия XXI в. будут действовать новые, прогнозируемые уже сегодня, конфликтогенные факторы. Так, через несколько лет наступит новый электоральный цикл: в 2016 г. состоятся очередные выборы в Государственную думу Российской Федерации, а в 2018 г. – Президента России. На эти выборы будет перенесено решение многих проблем модернизации политической системы страны, необходимость которой со всей очевидностью показал электоральный цикл 2011–2012 гг.

Электоральный процесс не единственный конфликтогенный фактор, который может быть спрогнозирован на вторую половину текущего десятилетия. Кризис власти, «вытащенный на поверхность» выборами 2011–2012 гг., явился предвестни-

ком, но пока еще не частью возможного системного кризиса в России. Кризисные процессы в политической сфере протекали на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Цены на российские нефть и газ оставались стабильно высокими, однако колебания цен на энергоресурсы в прошлом порождали политические потрясения.

В исследованиях второй половины нулевых годов неоднократно отмечалось, что любой новый масштабный кризис может оказаться пагубным для Юга России. Так, еще в 2006 г. нами был описан *алармистский конфликтологический сценарий.* При этом было отмечено, что условия для реализации этого сценария недостаточные, а сам он в тех условиях был маловероятным. Далее было показано, что возрастание вероятности этого сценария может быть обусловлено масштабным кризисом российской государственности, эконо- мическим коллапсом, полной утратой геополитического влияния России в Закавказье[2]. В эпоху «тучных лет» эти прогнозы считали довольно абстрактными и гипотетичными – почти что нереальными.

Сегодня, однако, ситуация принципиально иная.

Как отмечал А.Рубцов, «в этом (2011 г. – *Авт.*) году стало светской нормой выступать с алармистскими предупреждениями. Экспертное сообщество гуляет на ярмарке сигналов».

Большой резонанс имел в первой половине 2011 г. доклад Института современного развития «Обретение будущего: стратегия 2012»[3], в котором нарисованы мрачные перспективы российского общества в случае провала модернизационного проекта. Нынешние политики, несмотря на обилие модернизационной риторики, не смогли обеспечить консолидацию сторонников модернизации. Между тем реальная, а не словесная модернизация – фактически последний шанс России сохранить свое геополитическое влияние в предстоящие десятилетия.

Среди фиксированных на временной шкале прогнозов можно назвать разработки Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), согласно которым высокий уровень дефицита, угрожающий кризисом (2%, 2,1%, 2,2%), придется на 2017, 2018 и 2019 гг.[4] Это позволяет рассматривать 2018 г. как проблемный с точки зрения стабильности российского общества: наложение двух мощных конфликтогенных факторов (президентские выборы и возможный эконо- ческий кризис) могут иметь резонансный эффект (рис. 1).

С учетом возможных в 2017, 2018 и 2019 гг. экономических кризисов имеются основания прогнозировать резонансный эффект в виде дестабилизации обстановки в 2018–2019 гг. Пока такой прогноз имеет сугубо предварительный характер и основан на одном из многих экономических прогнозов. Однако в данном случае важна тенденция: вторая половина текущего десятилетия, позиционируемого как «десятилетие стабильности», скорее всего, будет нестабильным.

Прогнозы возможных кризисов общероссийского масштаба являются ключевыми для прогнозирования ситуации на Юге. Проводимые исследования привели к выводу, что затяжной системный кризис в реги-

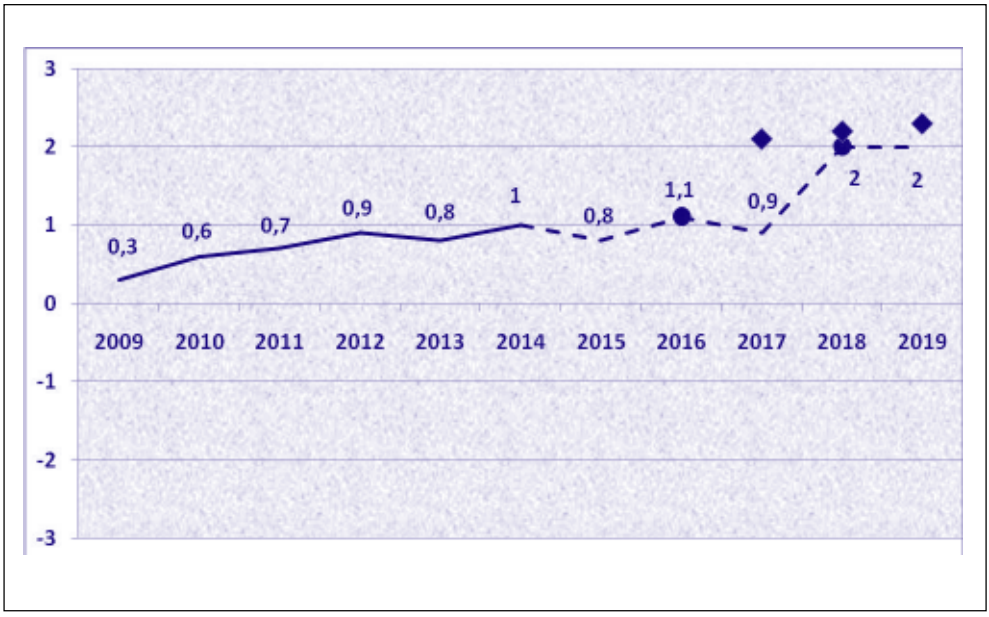

Рис. 1. Конфликтологический прогноз по Югу России с учетом предстоящих электоральных циклов и возможных экономических кризисов[5]

Примечание. Оценка проводилась по шкале, на которой «-3» – значительный уровень стабильности, «+3» – множественные открытые конфликты, «0» – «фоновая» напряженность, конфликты находятся в латентном состоянии

оне – это *специфическое региональное воплощение накапливающихся и нерешающихся проблем современной российской государственности.*

На Северном Кавказе эти проблемы накладываются на реальные и мнимые, длительно вызревавшие и искусственно созданные проблемы в межэтнических и межконфессиональных отношениях, на исторические травмы и обиды, на особую геополитическую значимость региона. Вследствие этого наложения возникает своеобразный резонансный эффект, когда большинство проблем, в той или иной степени свойственных всей России, манифестируются на Северном Кавказе как этнополитические или конфессиональные.

Это не означает, что повседневная работа в Северо-Кавказском регионе по деэскалации конфликтов, этнополитических и этноконфессиональных напряжений бесперспективна или даже бессмысленна, если не будут предварительно решены проблемы на федеральном уровне. Наоборот, только каждодневная работа всех конструктивных сил в регионе может предотвратить его сползание к полномасштабной гражданской войне, развитию событий по наихудшему сценарию.

Социокультурные факторы нестабильности на Юге

Чаще всего большое число конфликтов в Северо-Кавказском регионе пытаются объяснить экономическими причинами.

Однако итоги первых двух лет деятельности СКФО показали, что социально-экономический детерминизм в данном случае не срабатывает как объяснительная модель. Следовательно, системные основания для решения северокавказских проблем определены, по крайней мере, на этапе создания округа, не вполне корректно.

Увидев неэффективность принимаемых решений, федеральная власть в лице полномочного представителя Президента России в СКФО А.Г.Хлопонина серьезно изменила установки.

На совещании с членами Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений (19 января 2011 г.) А.Г.Хлопонин отметил: «Я никогда не соглашусь, что ключом к решению национальных проблем является экономика»[6].

Позднее, на встрече в Кабардино-Балкарском государственном университете (11 февраля 2011 г.) он еще раз заявил о переориентации политики, проводимой в СКФО. Так, полпред категорически опроверг версию о том, что обострение ситуации в округе вызвано высокой безработицей. «На Кавказе в этом отношении не хуже, чем в остальных регионах»[7].

В реальной жизни все взаимосвязано, и не вызывает сомнений тот факт, что экономические проблемы и неурядицы негативно влияют на этнополитические и этноконфессиональные процессы. Однако последние достаточно автономны и требуют самостоятельного управленческого воздействия.

Экономические проблемы во многих регионах России не менее острые, чем на Северном Кавказе, однако там люди не берутся за оружие, не становятся боевиками.

Новый федеральный округ был создан не в силу остроты экономических проблем, а в силу особой концентрации социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных рисков для российской государственности. Смысл создания нового округа – решение именно социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных проблем.

При этом необходимо подробнее остановиться на анализе культурно-идеологических предпосылок конфликтов и напряжений на Северном Кавказе.

Для этого в качестве обобщения можно использовать такое понятие, как «кавказская культура».

Этнические культуры народов Кавказа отличаются друг от друга, однако эти различия не столь велики, чтобы нельзя было представить эти культуры в качестве единого ареала. Кавказская культура выступает на сегодняшний день как часть общероссийской культуры, но как часть малоинтегрированная и неорганическая. Причем культурная дистанция в постсоветский период нарастает.

Идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама. Ислам в разных его вариациях одухотворяет современную (подчеркнем: именно современную) кавказ-

скую культуру, интегрирует ее изнутри и в то же время обособляет от других культурных систем, например, от тех, которые не фундируются на религиозной идее.

Можно согласиться с Е.М.Примаковым, что «волна исламизации – это глобальный феномен. Следует учитывать, что происходящее в течение двух столетий включение Кавказа в Российское государство осуществлялось в условиях не подъема, а спада ислама. Сейчас принципиально другая ситуация. Сейчас происходит подъем ислама, и было бы ошибкой абстрагироваться от влияния взрывного подъема мирового ислама на положение на Северном Кавказе»[8].

В настоящее время особая ценностно-мировоззренческая парадигма, основанная на исламе, превращается в национальную идею народов Кавказа, фиксируя особый статус данного региона в рамках Российской Федерации. Кроме того, идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому миру позволяют говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа. Поэтому становятся понятными трудности интеграции региона в общероссийское социокультурное пространство.

Именно **культурно-цивилизационная неинтегрированность региона является важнейшим основанием системного кризиса на Северном Кавказе.**

Возможен ли конфликт цивилизаций в масштабе Юга России?

Северо-Кавказский регион на современном этапе мало вписывается в тренды социокультурного развития, характерные для других регионов России. Высокий уровень конфликтности указывает на глубинный характер региональных проблем. Это касается прежде всего ценностно-идеологического ряда, отношения к религии, мировоззрения, менталитета. Культурно обусловленная фундированность конфликтов и напряжений на Северном Кавказе позволяет поставить вопрос о вовлеченности региона в конфликт цивилизаций.

Как известно, основоположник концепции «конфликта цивилизаций» С. Хантингтон, фиксируя окончание холодной войны с ее идеологическим противостоянием двух суперсистем, заявил, что будущие конфликты глобального и регионального уровней будут иметь культурную обусловленность, прежде всего связанную с религией. Действительно, крах биполярной системы обусловил острый конфликт между секулярной и религиозной, модернистской и традиционалистской системами мировоззрения и жизнедеятельности.

В докладе «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе», подготовленном экспертами к заседанию Президиума Госсовета в начале 2011 г., отмечается, что «мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий, рост нетерпимости в странах, обладающих высоким качеством жизни, на фоне нарастания миграционных потоков, столкновение в светском обществе религиозной и секулярной парадигм, поиск в демократическом обществе правового выхода из ситуации абсолютизации прав меньшинств в ущерб правам большинства и т. д.

На рубеже XX–XXI вв. оказалось, что ряд концептов и идеологем, выработанных мировой социологией, не способны не только предупредить, но и объяснить межэтнические, этнорелигиозные и социокультурные конфликты и противоречия современного общества»[9].

Общемировые тенденции оказывают влияние и на ситуацию в России, где с уверенностью можно зафиксировать обострение межкультурных, межконфессиональных и межцивилизационных противоречий.

В частности, тезис С. Хантингтона о культурной обусловленности конфликтных противоречий в современном мире находит свое эмпирическое подтверждение в Северо-Кавказском регионе. Главной тенденцией социокультурного становления региона в последние 20 лет стало религиозное возрождение.

Если в более модернизированных районах России религиозный ренессанс принял умеренные формы, то в традиционалистских, особенно на Северном Кавказе, религиозное возрождение стало важнейшим фактором развития многих процессов, из которых не все можно назвать конструктивными. В отдельных случаях произошла радикализация этноконфессиональной идентичности, что способствовало обострению ситуации в регионе. Подавлявшаяся долгое время религиозность населения республик Северного Кавказа «вдруг» стала основой самоопределения и поведения как отдельных субъектов, так и целых социальных групп.

Данный тезис подтверждается, в частности, результатами социологического исследования, проведенного при участии авторов статьи осенью 2009 г. в четырех территориях-«ключах» – Ставропольском и Краснодарском краях, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, входивших на тот момент в Южный федеральный округ (рис. 2).

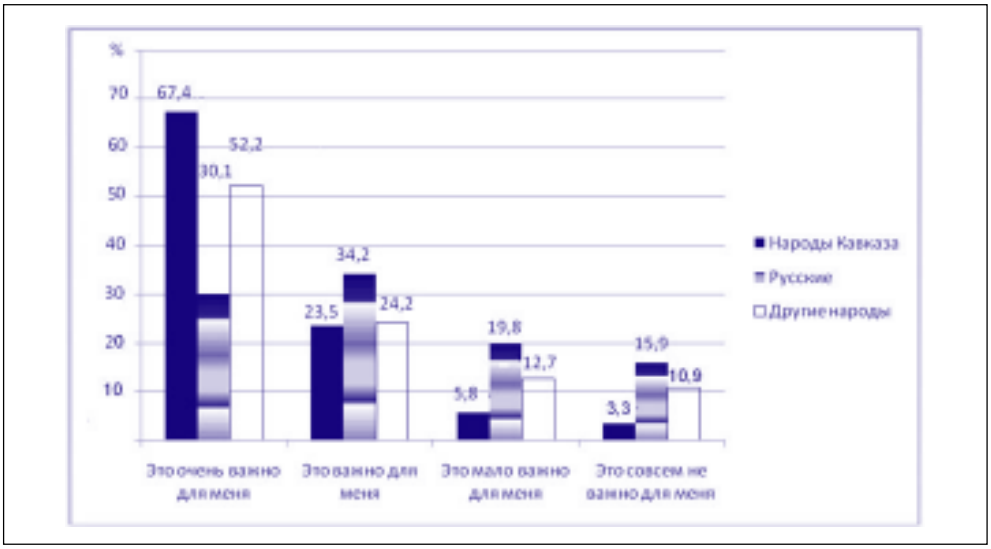

Рис. 2. Значимость конфессиональной идентичности с учетом национальной принадлежности респондента (N = 1407)

Как видно из рисунка, конфессиональная принадлежность очень важна для народов Кавказа (67,4% отметили, что это очень важно, еще 23,5% – что важно, итого 90,9%).

В то же время доля респондентов, относящихся к народам христианского культурного ареала (русские) и отметивших конфессиональную принадлежность как очень важную, составляет 30,1% и как важную – 34,2%, итого 64,3%. И хотя для русских респондентов суммарный результат превышает 50%, он значительно ниже, чем для народов мусульманской культуры (народы Кавказа).

Эти результаты свидетельствуют о противоречивых тенденциях сопротивления и поощрения клерикализации общества. Существенные различия в ответах респондентов в определенной степени можно интерпретировать как противоречие между модернизмом и традиционализмом, между секулярными и религиозными парадигмами мировоззрения[10].

В данном противоречии, проходящем сквозь весь комплекс социокультурных отношений, через важнейшую сферу менталитета, достаточно четко просматриваются элементы «конфликта цивилизаций».

От политики толерантности к политике интеграции

Проводившаяся в постсоветский период социокультурная политика делала акцент на формирование в регионе **общероссийской гражданской идентичности**, и этот проект в целом можно считать успешным.

Однако гражданская идентичность – крайне важная, но относительно несложная конструкция: в ее основании лежит формальный факт гражданства. Она формирует граждан, но еще не создает народ.

Стабильно высокий уровень этнополитической напряженности на Северном Кавказе показывает недостаточность гражданской идентичности как основы национального единства, фактора преодоления межкультурных и межэтнических конфликтов в регионе. Представители различных этнокультурных ареалов по-прежнему ощущают взаимное отчуждение, а иногда и враждебность. Это ведет к разобщенности людей, которые, являясь гражданами одного государства, не понимают, в чем заключается их единство, не видят общих социокультурных ориентиров.

Ставка на формирование гражданской идентичности сочетается сегодня с такими стратегиями гармонизации поликультурного социума, как толерантность и мультикультурализм.

Главная идея концепции толерантности состоит в признании ценности различий. На практике эта установка часто приводит к абсолютизации различий за счет снятия и игнорирования общих консолидирующих моментов, на основе которых только и возможно сформировать единую цивилизационную идентичность, а следовательно, создать единый народ. Что касается мультикультурализма, то он, признавая незыблемость принципа множественности культур и, главное, рассматривая эту множественность как

высшую ценность, уже изначально отказывается от возможности интеграции, построения из различий единства. Политика мультикультурализма, где бы она ни проводилась – в США или в Западной Европе, – всегда приводила к одному и тому же результату: приоритету различий над единством, дезинтеграции над интеграцией.

Сегодня становится очевидным, что ставка на формирование только гражданской идентичности при абсолютизации суверенитета цивилизационного самоопределения, культурной автономии себя не оправдывает. Крах политики мультикультурализма во многих европейских странах подтолкнул ведущих российских политиков к поиску новых возможностей гармонизации межэтнических, межкультурных отношений, достижения подлинного национального единства России. В частности, в статье В.В.Путина «Россия: национальный вопрос» основной акцент делается именно на цивилизационной идентичности.

По словам В.В.Путина, «такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»[11].

В этом смысле очевидно, что современная ситуация на Северном Кавказе подсказывает только один реальный путь выхода из затянувшегося этнополитического кризиса – переход от политики толерантности и мультикультурализма к политике интеграции, которая предполагает формирование единого социально-политического и культурно-цивилизационного пространства России и Северного Кавказа.

Интеграция призвана способствовать росту значимости социокультурной (цивилизационной) идентичности, того вида идентичности, который только и способен обеспечить национальное единство Российской Федерации, снизить уровень этнополитической напряженности в Северо-Кавказском регионе.

Примечания

[1] *Авксентьев В.А.* Федеральные округа и опыт полпредов в решении северокавказских задач // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сб. науч. статей / гл. ред. акад. Г.Г.Матишов. Р. н/Д. ЮНЦ РАН, 2010. С. 67.

[2] *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: экспертное мнение / под ред. чл.-кор. РАН М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2007. С. 102.

[3] Обретение будущего. Стратегия-2012. «Перезапуск» демократии // Институт современного развития // URL: http://www.insor-russia.ru/ru/news/9134

[4] Революция к 2017 году. ЦМАКП прогнозирует социальный кризис в России // URL: http://www.gazeta.ru/financial/2011/02/21/3532169.shtml

[5] *Авксентьев В.А., Дмитриев А.В.* Этнополитическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе: конфликтологический анализ // Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / под ред. акад. Г.Г.Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Р. н/Д.: ЮНЦ РАН, 2011. С. 58–59.

[6] Ставропольский край. Ленты пресс-служб // URL: http://www.governors.ru/?regmode=&region=26&okrug=&razdel=lent&statja=209205

[7] Хлопонин заявил, что готов «решать кадровые вопросы» // URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/search?context=article&pg=21&region_id=47

[8] *Примаков Е.М.* Необходима политическая борьба против интерпретаций ислама как идеологии воинствующего экстремизма. // URL: http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-27176.html

[9] Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия // URL: http://www.kremlin.ru/news/10312

[10] *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Портфель идентичности молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 25.

[11] *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // URL: http://premier.gov.ru/events/news/17831

Подписка на 2012 г.

на журнал “Обозреватель – Observer”

в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Принципы права вооруженных конфликтов и их использование*

Алексей Строителев

Как известно, каждая отрасль международного права характеризуется наличием определенной иерархической системы ее принципов. Однако независимо от выделенной иерархии все принципы конкретной отрасли права находятся в органичном единстве, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Именно в таком сочетании они выполняют роль регулятора общественных отношений на межгосударственном уровне, выражают основополагающие правила поведения участников, находящихся в сфере регулирования норм международного права[1].

Правовед И.И.Лукашук под принципами понимает «фундамент международного правопорядка, которые определяют его политико-правовой облик. Принципы являются критериями международной законности. Принципы исторически обусловлены». С одной стороны, они необходимы для функционирования системы международных отношений и международного права, с другой – их существование и реализация возможны в данных исторических условиях. Принципы отражают коренные интересы государств и международного сообщества в целом. С субъективной стороны они отражают уровень осознания государствами закономерностей системы международных отношений, своих национальных и общих интересов[2].

СТРОИТЕЛЕВ Алексей Николаевич – кандидат юридических наук. *E-mail:* boretz.alexandrer@yandex.ru

Ключевые слова: международное право, принципы права, вооруженные конфликты, Гаагские и Женевские конвенции, средства и методы ведения войны, военные преступления.

* Продолжение. Начало см. «Обозреватель–Observer». 2012. № 6.

Совершенно очевидно, что не все принципы одинаково значимы. Есть принципы и нормы, имеющие первостепенное значение для обеспечения международного мира и развития международных отношений. Другие же принципы и нормы, имеющие меньшее значение, регулируют отношения между государствами по менее важным вопросам.

Вместе с тем есть фундаментальные принципы, на которых зиждется все современное международное право.

Исходя из результатов анализа изложенных точек зрения, автор определяет принципы права вооруженных конфликтов как основные начала правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений. Эти принципы закрепляют ее наиболее существенные свойства.

В этой связи автор считает необходимым упомянуть об одном весьма важном обстоятельстве, оказавшем непосредственное влияние на формирование и развитие принципов права вооруженных конфликтов, каковым является так называемая *оговорка Мартенса*[3].

С момента включения в Преамбулу 2-й Гаагской конвенции (1899 г.) о законах и обычаях сухопутной войны оговорка Мартенса стала частью права вооруженных конфликтов.

Смысл оговорки заключается в следующем: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из законов человечности и требований общественного сознания».

Своим происхождением и названием она связана с заявлением, которое сделал известный русский юрист-международник, профессор Федор Федорович Мартенс на Гаагской конференции мира (1899 г.). Предложенная оговорка была поддержана делегатами и включена в Преамбулу Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г.

Оговорка Мартенса распространила фактически и формально свое действие на все не предусмотренные конвенцией случаи в той мере, в какой они не подвергались регламентации в конкретных нормах, договорных или обычных. Установления оговорки носят императивный характер и подлежат безоговорочному выполнению.

Оговорка Мартенса, сформировав главную идею системы права вооруженных конфликтов, служит фундаментом для формирования многих его основных принципов и одновременно определяет тенденции развития данной правовой системы[4].

В юридической литературе встречаются различные точки зрения относительно классификации принципов права.

Так, например, по мнению А.Фердросса, «право войны» в собственном смысле этого термина базируется на трех основных принципах:

– «военные действия воюющих должны направляться непосредственно только против комбатантов и военных объектов;

– запрещаются все средства борьбы, причиняющие излишние страдания и вред;

– запрещаются коварные средства войны, т.е. средства против воинской чести»[5].

Х.Лаутерпахт в свою очередь обосновывает три других принципа:

– «необходимость, т.е. воюющие применяют средства для покорения противника;

– гуманность, т.е. выбор средств ограничивается необходимостью поражения противника;

– рыцарство, т.е. необходимо проявление уважения и благородства воюющими».

Но наиболее правильной представляется классификация, предложенная Ж.Пикте (Швейцария) и в основном поддержанная И.Н.Арцибасовым, С.А.Егоровым, В.В.Пустогаровым (Россия), В.Ю.Калугиным, Л.В.Павловой, И.В.Фисенко (Республика Беларусь) и др.

Согласно указанной классификации, принципы права вооруженных конфликтов, с учетом их содержания, следует разделить на две основные группы: общие (основные) и специальные (частные).

К общим (основным) относятся принципы гуманизма, равного обращения с участниками вооруженных конфликтов и запрещения их дискриминации.

Принцип гуманизма – это, как известно, старейший принцип рассматриваемой системы правовых норм. Философская мысль так определяет его содержание: «...общечеловеческие ценности имеют безусловный приоритет в сравнении с любыми частными интересами отдельных групп людей, социальных слоев и стран»[6].

Данный принцип детализирован в Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.

Так, ст. 1 Протокола I содержит положение, согласно которому воюющие в своих действиях исходят «из принципов гуманности и из требований общественного сознания».

Другим общим принципом права вооруженных конфликтов является *принцип равного обращения* с участниками вооруженных конфликтов и запрещения их дискриминации.

В п. 3 ст. 1 Устава ООН данный принцип закреплен в качестве цели международного сотрудничества, в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Пункт 1 ст. 4 Пакта о гражданских и политических правах (1966 г.) устанавливает, что во время чрезвычайного положения государства могут принять меры в отступление от своих обязательств по Пакту, если такие меры не влекут *дискриминацию* на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения.

Эти основополагающие установления подлежат безусловному соблюдению и в период вооруженного конфликта.

Например, ст. 16 Женевской конвенции III подчеркивает, что «держащая в плену Держава должна со всеми военнопленными обращаться одинаково, без какой-либо дискриминации по причинам расы, национальности, вероисповедания, политических убеждений» и по другим причинам.

Ст. 12 Женевской конвенции I содержит требование к властям о необходимости обеспечивать раненым и больным «гуманное обращение и уход без какой-либо дискриминации».

Рассматриваемый принцип также нашел свое воплощение в Допол-

нительных протоколах к Женевским конвенциям 1949 г.

Группу специальных (частных) составляют следующие принципы: ограничения; защиты; добропорядочности и законности; ответственности.

Принцип ограничения воюющих в выборе средств ведения войны впервые был сформирован в Петербургской декларации 1868 г., которая постановила, что единственно законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля.

В проекте Брюссельской декларации 1874 г. этот принцип предлагался в следующей формулировке: «Законы войны не признают за воюющими сторонами неограниченной власти в выборе средств нанесения друг другу вреда».

В ст. 22 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. этот принцип был окончательно закреплен в виде правовой формулы, указывающей на то, что «воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю».

Важность этого принципа многократно подтверждалась решениями международных конференций.

Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1968 г. «право сторон, участвующих в конфликте, прибегать к различным средствам поражения противника не является неограниченным».

Ст. 35 Протокола I детализирует формулировку 1907 г. и закрепляет, что запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние страдания».

Аналогичная формулировка содержится в Преамбуле Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1980 г.

Другим специальным принципом является *принцип защиты* жертв войны и гражданских объектов.

Это один из важнейших принципов права вооруженных конфликтов.

Л.Оппенгейм пишет об «основном правиле», запрещающем прямое нападение на некомбатантов[7].

А.Фердросс указывает, что военные действия воюющих могут направляться непосредственно только против комбатантов и военных объектов[5].

Действенность рассматриваемого принципа была подтверждена на XX Международной конференции Красного Креста резолюцией XXVIII 1965 г.[8]

Защита определенных категорий лиц тесно связана с защитой ряда важных объектов. Поэтому было бы целесообразно объединить защиту тех и других в рамках единого принципа.

Проблема защиты мирных жителей от прямого военного насилия является центральной в данной отрасли международного права. Но последнее берет под покровительство не только мирных жителей, но и вообще всех лиц, которые с самого начала не принимали участия в вооруженной борьбе либо прекратили по тем или иным причинам это участие с определенного момента. В первом случае подразумеваются мирные жители, а во втором – военнопленные, больные, раненые и лица, потерпевшие кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море. Эти категории получили наименование жертв войны[4].

Анализ содержания Женевских конвенций 1949 г. показывает, что согласно этому принципу воюющим запрещается:

– применение к гражданским лицам коллективных наказаний, любых мер запугивания и террора; взятие заложников;

– рабство и работорговля во всех формах;

– надругательство над человеческим достоинством;

– грабеж; осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения;

– любое посягательство на жизнь раненых и больных, проведение пыток, биологических опытов;

– подвергать военнопленных физическому калечению, научным и медицинским опытам, репрессалиям;

– применение к военнопленным любых актов насилия, запугивания, а также обязанность защищать от любопытства и оскорбления толпы.

Принцип защиты гражданских объектов закреплен в ст. 52, 53, 54 Протокола I.

Основные положения данного принципа сводятся к следующему:

– гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий, а в случае сомнения относительно характера объекта считать, что он используется в гражданских целях;

– запрещается совершать любые враждебные акты в отношении объектов, которые составляют культурное или духовное наследие народов.

В ст. 54 особенно выделено, что запрещается подвергать нападению или уничтожению, вывозить или приводить в негодность объекты, необходимые для выживания, а именно: запасы продуктов питания, производящие продовольствие сельскохозяйственные районы, посевы, скот, сооружения для снабжения питьевой водой и ее запасы и некоторые другие.

В Протоколе закреплено требование о защите природной среды. Такая защита включает запрещение методов и средств ведения войны, которые имеют целью причинить или дают основания ожидать, что будет причинен ущерб природной среде и тем самым нанесен ущерб здоровью или выживанию населения[9].

Проведенное автором исследование нормативных положений Гаагских и Женевских конвенций позволяет заключить, что *принцип добропорядочности и законности* в период ведения боевых действий вводит строгий запрет на:

– убийство или ранение лиц, принадлежащих к гражданскому населению, а также лиц, которые сложили оружие или не имеют средств для защиты;

– объявление, что никому не будет пощады, а также отдача на разграбление города или местности, даже взятых приступом;

– принуждение населения оккупированной территории воевать против вооруженных сил своего государства, а также принуждать к присяге на верность армии противника;

– покушение на жизнь и честь женщин, семейные права, собственность, религиозные убеждения;

– осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения;

– любые покушения на культурные ценности, памятники архитектуры, храмы, библиотеки, парки, заповедники, зоопарки и ботанические сады.

Одним из важных принципов права вооруженных конфликтов является *принцип ответственности* их участников за военные преступления.

С началом Второй мировой войны идея ответственности военных преступников нашла воплощение в ряде международных документов. В Декларации трех держав (1943 г.), подписанной в Тегеране, была выражена уверенность, что военные преступники понесут наказание и послевоенное урегулирование обеспечит

прочный мир и устранит бедствия и ужасы войны для многих поколений.

Этими положениями руководствовался и Международный военный трибунал в Нюрнберге. Нюрнбергский процесс явился первым историческим прецедентом привлечения к ответственности и наказания наиболее опасных военных преступников. Государственные деятели, должностные лица гитлеровской Германии, виновные в развязывании войны и совершившие другие международные преступления, были осуждены[10].

В обвинительном заключении им инкриминировались следующие военные преступления:

– убийства и жестокое обращение с гражданским населением на оккупированной территории и в открытом море;

– увод гражданского населения оккупированных территорий в рабство и для других целей;

– убийства и жестокое обращение с военнопленными и другими военнослужащими, с которыми Германия находилась в состоянии войны, а также с лицами, находящимися в открытом море;

– убийства заложников;

– наложение грабительских штрафов;

– бесцельное разрушение городов, поселков и деревень и опустошения, неоправданные военной необходимостью;

– принудительная вербовка гражданской рабочей силы;

– германизация оккупированных территорий.

Принципы международного права, содержащиеся в Уставе Международного военного трибунала и нашедшие закрепление в приговоре Нюрнбергского судебного процесса и приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока, 11 декабря 1946 г. были подтверждены Генеральной Ассамблеей ООН.

Заслуживает внимания тот факт, что сразу же после развала СССР и кардинального изменения соотношения сил на международной арене в пользу США и их союзников идея международных трибуналов для преследования неугодных для Запада деятелей была реанимирована.

Так, 25 мая 1993 г. Совет Безопасности ООН принял Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии[11] (далее – МТБЮ), а 8 ноября 1994 г. – Устав Международного трибунала по Руанде[12] (далее – МТР).

Положения этих документов основываются на нормах Устава Международного военного трибунала, развивают и детализируют их применительно к современным обществен- ным отношениям. Однако фактически целью их создания является отнюдь не защита международного гуманитарного права, а формирование правовой основы насильственного свержения законных органов власти Республики Югославия, а затем Союзного государства Сербии и Черногории.

Главной особенностью этих трибуналов являлся порядок их создания и взаимоотношения с национальными юстициями.

МТБЮ создан решением Совета Безопасности ООН на основе доклада Генерального Секретаря ООН, МТР – по решению Совета Безопасности ООН. При этом Устав МТБЮ был оформлен как приложение к резолюции Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 г., Устав МТР – как приложение к Резолюции № 955 от 8 ноября 1994 г. И хотя трибуналы до настояще-

го времени продолжают действовать и выносить решения, но сомнения в юридической правомерности их создания все более усиливаются.

Для подтверждения своего мнения автор предлагает обратиться к Уставу ООН, в частности к его гл. VII, то обнаруживается, что Устав ООН не содержит прямых указаний на правомочие Совета Безопасности ООН создавать международные судебные органы. При этом Совет Безопасности ООН вправе определить существование любой угрозы миру, любого нарушения мира и т.п., и в соответствии со ст. 39 Устава ООН он дает рекомендации или решает, какие меры следует предпринять в соответствии со ст. 41 и 42, в которых речь идет о санкциях, связанных или не связанных с применением вооруженных сил. Подобное расширение полномочий Совета Безопасности ООН политически вполне объяснимо, но не имеет четкого правового обоснования в Уставе ООН.

С учетом изложенного также следует напомнить, что 17 июля 1998 г. на Дипломатической конференции в Риме был принят Статут Международного уголовного суда, который вступил в силу после сдачи 60-й ратификационной грамоты в 2002 г.* Создание постоянно действующего Международного уголовного суда имеет целью осуществлять правосудие по наиболее тяжким преступлениям против международного гуманитарного права.

Согласно Статуту, в основу деятельности Международного уголовного суда положены два принципиальных положения.

Во-первых, это принцип индивидуальной уголовной ответственности, что не влияет на ответственность государств по международному праву. При этом должностное положение как главы государства и правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности и не является основанием для смягчения приговора.

Во-вторых, это принцип комплементарности или дополнительности, суть которого сводится к тому, что уголовное преследование за совершение преступлений, предусмотренных Статутом, должна осуществлять национальная юстиция, а Международный уголовный суд призван дополнить ее в случаях, когда «государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом» (п. а ст. 17 Статута).

Преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, включают наиболее серьезные преступления по международному праву, а именно: преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии.

Наиболее подробно в Статуте перечислены военные преступления, которые насчитывают свыше 20 составов. При этом речь идет о преступлениях, которые совершаются как в международных, так и не международных вооруженных конфликтах.

Рассмотренные подходы к использованию принципов права вооруженных конфликтов имеют прямое отношение к деятельности военных организаций всех без исключения государств.

---

* Российская Федерация голосовала за принятие Статута и подписала его на Саммите тысячелетия в 2000 г.

Осуществляя силовое воздействие на объекты (источники и носители) угроз национальной безопасности в районах вооруженных конфликтов, представители таких организаций обязаны строго следовать указанным выше принципам и предписаниям конкретных норм международно-правовых документов, неся всю полноту ответственности за превышение предоставленных ими полномочий.

Применительно к Российской Федерации наиболее остро эти вопросы встают в период проведения масштабных контртеррористических и миротворческих операций с учетом того, что активно действующие в данных районах незаконные вооруженные и бандитские формирования, как правило, не только игнорируют нормы международного гуманитарного права, но и пытаются вероломно прикрываться ими при совершении террористических и иных преступных акций.

Примечания

[1] *Тункин Г.И.* Право и сила в международной системе. М.: Международные отношения, 1983.

[2] *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть. М., 1996. С. 121.

[3] *Пустогаров В.В.* Федор Федорович Мартенс (1845–1909 гг.) – гуманист нового времени // Международный журнал Красного Креста. 1996. № 16. С. 321–325.

[4] *Полторак А.И.*, *Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. М.: Междунар. отношения, 1976. С. 118–120, 129.

[5] *Фердросс А.* Международное право. М., 1959. С. 429.

[6] Введение в философию / рук. авт. кол. И.Т.Фролов М.: Политиздат, 1989. Т. 2. С. 609.

[7] *Оппенгейм Л.* Международное право: в 2-х томах. М.: ИЛ, 1949. Т. 1. С. 81.

[8] *Кальсховен Ф.* Ограничения методов и средств ведения войны. М.: МККК, 1994. С. 27.

[9] *Земмали А.* Защита водных ресурсов в период вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. 1995. № 6 С. 672–690.

[10] *Кудрявцев В.Н.* Нюрнбергский процесс и проблемы укрепления международного правопорядка // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. М., 1995. С. 7.

[11] Резолюция 827 (1993) от 25 мая 1993 г. Приложение – Устав Международного трибунала // URL: www.un.org

[12] Резолюция 955 (1994) от 8 ноября 1994 г. Приложение – Устав Международного трибунала по Руанде // URL: www.un.org

[13] *Курдюков Г И.* Ответственность за нарушение норм международного гуманитарного права // СПб: Россия–Нева, 2006. С. 112–118.

Химическая и биологическая безопасность как часть национальной безопасности России

Владимир Андреев
Валерий Бараненко

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.[1], основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности сосредоточивает свои усилия и ресурсы государства на следующих приоритетах устойчивого развития:

– повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности, а также высоких стандартов жизнеобеспечения;

– экономический рост, который достигается, прежде всего, путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;

– наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путем укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнерства;

АНДРЕЕВ Владимир Григорьевич – кандидат химических наук, заслуженный изобретатель Российской Федерации, заместитель генерального директора ООО «Инженерно-технический центр “Спецпромтех”». E-mail: promtech-07@mail.ru

БАРАНЕНКО Валерий Владимирович – генеральный директор ООО «Инженерно-технический центр “Спецпромтех”». E-mail: promtech-07@mail.ru

Ключевые слова: национальная система химической и биологической безопасности, химический и биотехнологический комплекс России.

– экология живых систем и рациональное природопользование, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны.

Особую роль в упрочении и развитии приоритетов устойчивого развития России играет химическая и биологическая безопасность страны, которая является важной составной частью национальной безопасности в целом.

Уровень химической и биологической безопасности России во многом определяется состоянием химической и биотехнологической отраслей промышленного комплекса. Повышение безопасности опасных химических и биотехнологических производств до уровня приемлемого риска возможно только на основе принципа устойчивого инновационного развития, который предполагает технологическую модернизацию указанных отраслей промышленности, создание новых высокотехнологичных и значительное сокращение числа устаревших производств.

Модернизация химических и биотехнологических предприятий за счёт повышения их инвестиционной привлекательности и направленного внедрения современных энерго- и ресурсосберегающих технологий даст возможность сохранить окружающую природную среду, предотвратить истощение запасов минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов, приведёт к получению новых материалов с заданными свойствами, что в конечном итоге будет способствовать экономическому росту и повышению качества жизни населения страны.

Однако неудовлетворительное в ряде случаев состояние важнейших государственных ресурсов правового, административного, экономического и иного характера, обусловленное современным уровнем развития социально-экономических и производственных отношений в России, объективно порождает возникновение целого ряда соответствующих внешних угроз, которым подвергается весь промышленный комплекс страны, а также внутренних (специфических) угроз, которые генерируют различные отрасли промышленности под воздействием внешних угроз.

Учитывая недостаточно высокую способность общества и государства противостоять этим угрозам путём их нейтрализации и предупреждения, системное воздействие этих угроз неизбежно приводит к значительному снижению уровней всех видов национальной безопасности, в том числе химической и биологической, что не позволило в достаточной мере реализовать ранее разработанную государственную политику по обеспечению химической и биологической безопасности Российской Федерации[2].

Вместе с тем химический и биотехнологический комплексы России (ХБК России) являются базовыми сегментами российской экономики.

Поручением Президента Российской Федерации от 21 мая 2006 г. Пр-842 важнейшие технологии химического комплекса (технологии создания и обработки композиционных и керамических материалов, кристаллических материалов, полимеров и эластомеров и пр.) и биотехнологического комплекса (технологии биоинженерии, клеточные технологии, технологии создания биосовместимых материалов, мембран и каталитических систем и пр.) включены в Перечень критических технологий Российской Федерации.

Современно состояние химического комплекса Российской Федерации

Химический комплекс России включает в себя два укрупненных вида экономической деятельности: химическое производство и производство резиновых и пластмассовых изделий [3,4].

Потребителями продукции химического комплекса являются практически все отрасли промышленности, транспорта, сельского хозяйства, оборонный и топливно-энергетический комплексы, а также сфера услуг, торговля, наука, культура и образование.

В настоящее время российские предприятия производят около 1,1% мирового объема химической продукции; по общему выпуску химической продукции Россия занимает 20-е место в мире и находится на уровне Канады.

В химической индустрии насчитывается около 1000 крупных и средних промышленных предприятий и около 100 научных и проектно-конструкторских организаций, опытных и экспериментальных заводов.

Предприятия химического комплекса размещены во всех федеральных округах и в 71-м субъекте Федерации.

Крупнейшие химические узлы сформировались в Республиках Татарстан и Башкортостан, Алтайском, Пермском и Красноярском краях, Тульской, Тюменской, Ярославской, Нижегородской, Волгоградской, Самарской, Кемеровской и Иркутской областях, что в значительной степени способствует развитию этих регионов.

Химический комплекс является высоко приватизированной отраслью.

Доля предприятий, имеющих государственную форму собственности, составляет в производствах химической продукции и резино-пластмассовых изделий не более 6% и 3%, соответственно.

В число наиболее крупных корпораций и холдингов химического комплекса входят ЗАО «Сибур Холдинг», ООО «Лукойл-Нефтехим», ОАО «Татнефть», ОАО «Фосагро», ОАО МХК «Еврохим», ОАО «Акрон» и другие, на которых выпускается свыше 50% минеральных удобрений, около 40% полимерных материалов, от 50 до 70% отдельных видов синтетических каучуков.

Химический комплекс представляет собой значительный источник загрязнения окружающей среды. По валовым выбросам вредных веществ в атмосферу химический комплекс занимает десятое место среди отраслей промышленности, по сбросам сточных вод в природные поверхностные водоемы – второе место.

Современное состояние биотехнологического комплекса Российской Федерации

Биотехнологический комплекс, включающий «красную», «белую», «зеленую» и другие виды биотехнологий, является одной из ключевых отраслей промышленности, научный потенциал которой определяет уровень инновационного развития экономики государства в целом[5].

В настоящее время мировой рынок биотехнологической продукции оценивается в 160 млрд долл. США, объём российского рынка составляет всего около 2,5% от мирового (100–150 млрд руб.).

При этом объем производства биотехнологических продуктов в России оценивается не более 15 млрд руб. (менее 0,3% от мирового).

Для сравнения: доля США составляет 42%, Европейского Союза – 22%, Китая – 10%, Индии – 2%.

Современное состояние биотехнологии в России характеризуется, с одной стороны, отставанием объемов производства от уровня и темпов роста стран, являющихся технологическими лидерами в этой области, а с другой – возрастающим спросом на биотехнологическую продукцию со стороны потребителей.

Результатом является высокая импортозависимость по важнейшим традиционным биотехнологическим продуктам – лекарственным препаратам и кормовым добавкам, и отсутствие на российском рынке собственных инновационных биотехнологических продуктов.

Наиболее финансово ёмким является российский рынок продукции «красной» биотехнологии (биофармацевтика и биомедицина).

Объём этого рынка составляет, по экспертным оценкам, от 60 до 90 млрд руб. в год, но спрос удовлетворяется главным образом за счет импорта.

По официальным данным только 5% биотехнологических субстанций, используемых при производстве конечных лекарственных форм, производится в России.

Учитывая общее технологическое отставание отрасли и высокую капиталоёмкость исследований в области «красной» биотехнологии, развитие сектора в России идет по пути создания новых высокотехнологичных производств по выпуску биотехнологических дженериков (заменителей оригинальных лекарственных препаратов) для обеспечения импортозамещения лекарственной продукции.

Наиболее крупные проекты в области «красной» биотехнологии реализуют ЗАО «Генериум» (Владимирская область), Центр по разработке инновационных и импортозамещающих лекарственных препаратов «ХИМРАР» (Московская область), ЗАО «Биокад» (Московская область), Группа компаний «Биопроцесс» (Москва) и др.

Биотехнологической комплекс является высоко приватизированной отраслью промышленности.

Необходимо отметить, что в химической и биотехнологической отраслях промышленности, несмотря на их важное значение для экономики России и высокую степень приватизации, преобладают устаревшие производства, характеризующиеся низким уровнем безопасности.

Так, по данным Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзора)[6] в 2010 г. на поднадзорных объектах химического комплекса произошло 12 аварий (по сравнению с 2009 г. увеличение на 5 случаев).

Количество несчастных случаев со смертельным исходом в указанный период составило 7 (по сравнению с 2009 г. снижение на 2 случая).

Суммарный материальный ущерб от аварий составил 21 156 824 руб.

Основными проблемами, связанными с обеспечением безопасности химически опасных производств, явились: частая смена собственников (руководителей и специалистов), неэффективность работы служб производственного контроля, значительный износ основных производственных фондов, недостаточное финансирование программ по техническому перевооружению и модернизации действующих производств.

При этом наиболее сильное негативное влияние на уровень безопасности оказывает прогрессирующий процесс старения основных фондов, что приводит к существенному рос-

ту количества технологического оборудования с истекшим сроком службы и потере его работоспособности. Поэтому практически половина от общего числа производственных аварий и инцидентов приходится на неисправность и отказ технических устройств.

Как следствие доля продукции ХБК России на мировых рынках является очень низкой, а сама продукция – недостаточно конкурентоспособной.

В этих условиях представляется целесообразным разработать концептуальные основы создания Национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации, методология организации и формирования которой поможет дальнейшему совершенствованию государственной политики в указанной сфере.

Создание Национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации позволит выявить и детализировать основные угрозы, оценить их опасность, определить пути повышения уровней химической и биологической безопасности Российской Федерации, разработать комплекс мер, согласованно обеспечивающих нейтрализацию (предупреждение) выявленных угроз и устойчивое инновационное развитие химической и биотехнологической отраслей промыш- ленности России в целях реализации государственной политики по обеспечению химической и биологической безопасности, а также приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Прилагаемый проект Национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации был представлен к заседанию секции по проблемам оборонно-промышленной и научно-технологической безопасности Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации на тему: «О подходах к формированию основ государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации», которое состоялось 18 мая с.г.

ПРОЕКТ

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ХИМИЧЕСКОЙ И БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Актуальность проблемы

Актуальность создания Национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации определяется системным характером угроз, которым подвергается и которые генерирует химический и биотехнологический комплексы России, их (угроз) возрастающим негативным воздействием на состояние социума, экономики и окружающей среды, а также отсутствием эффективно организованной системы, способной не только предупредить и нейтрализоватьуказанные вышеугрозы, но и придать устойчивый импульс к инновационному развитию и модернизации химического и биотехнологического комплексов России.

2. Основные угрозы, определяющие необходимость повышения уровней химической и биологической безопасности Российской Федерации

Согласно статье 3 Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» деятельность по обеспечению безопасности включает:

1. Прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности;

2. Определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование в области обеспечения безопасности;

3. Правовое регулирование в области обеспечения безопасности и так далее.

При этом угроза безопасности рассматривается как совокупность условий и факторов, негативно влияющих на состояние безопасности и, тем самым, создающих опасность (потенциальную или реальную) жизненно важным интересам личности, общества и государства

В этой связи своевременное обнаружение угроз, их идентификация и реагирование на них со стороны системы безопасности имеют первостепенную важность в практической деятельности, направленной на повышение уровнябезопасности. Характер и уровень угроз определяют основные направления деятельности по их предупреждению и локализации, формы, способы, средства и методы решения задач обеспечения того или иного вида безопасности при рациональном использовании имеющихся ресурсов(как правило, ограниченных).

Исходя из этого, **основные угрозы**, определяющиенеобходимость повышения уровня химической и биологической безопасности Российской Федерации, можно разделить на **внешние угрозы** (т.е. угрозы, которым подвергаются химический и биотехнологический комплексы России) и **внутренние угрозы** (т.е. угрозы, которые непосредственно исходятот химического и биотехнологического комплексов России).

Состав и характер основных угроз, определяющих необходимость повышения уровней химической и биологической безопасности Российской Федерации, представлен на схеме 1.

2.1 Внешние угрозы: характер, классификация, содержание и особенности

Внешние угрозы порождаются неудовлетворительным состоянием ресурсных возможностей государства, которое обусловлено современным уровнем развития социально-экономических отношений и производительных сил России. Внешние угрозы носят общий, системный характер, поскольку косвенно воздействуют на все стороны нашей жизни, в том числе на любую из их отраслей промышленного комплекса России.

* *ОПО-ОХВ* – опасные производственные объекты, на которых обращаются опасные химические вещества

** *ОПО-ОБА* – опасные производственные объекты, на которых обращаются опасные биохимические агенты

Схема 1. Состав и характер основных угроз, определяющих необходимость повышения уровней химической и биологической безопасности Российской Федерации

Применительно к ХБК России внешние угрозы представляют собой совокупность следующих факторов и условий, негативно влияющих на состояние безопасности ХБК:

– *правовой фактор* (отсутствие специального законодательства, регулирующего вопросы обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации и представляющего собой пакет согласованных федеральных и региональных законов, технических регламентов, постановлений, национальных стандартов и других нормативных документов);

– *административный фактор* (недостаточно эффективное государственное управление химическим и биотехнологическим комплексами, а также исполнение функций государственного контроля и надзора, отсутствие программы и механизмов государственно-частного партнёрства, системы саморегулирования процессов развития предприятий ХБК и обеспечения их химической и биологической безопасности и пр.);

– *финансово-экономический фактор* (негибкость налогового регулирования, отсутствие инвестиций в развитие отдельных предприятий и ХБК в целом, недостаточность финансирования мероприятий, обеспечивающих химическую и биологическую безопасность объектов, и пр.);

– *технологический фактор* (износ основных производственных фондов, нарастание числа опасных объектов с исчерпанным технологическим ресурсом, применение устаревших экологически опасных технологий, «старение» специализированного оборудования и технических систем, обеспечивающих аппаратурное оформление химических и биотехнологических процессов и пр.);

– *кадровый фактор* (сокращение числа образовательных учреждений и уровня профессиональной подготовки специалистов среднего звена, снижение квалификации и численности производственного персонала, приводящее к отступлению от технологических норм и требований безопасности, недостаточная ответственность менеджеров высшего звена и пр.);

– *организационно-технический фактор* (отсутствие эффективных систем контроля и мониторинга безопасности объектов, средств и методов противоаварийной защиты – предупреждения, локализации и ликвидации аварий, в том числе при угрозе реализации террористических актов, и пр.);

– *научно-методический фактор* (неэффективность использования результатов НИОКР, отсутствие разработок, направленных на создание и внедрение современных отечественных технологий и оборудования, обеспечивающих экологически безопасное и инновационное развитие ХБК России, отсутствие баз данных и реестров объектов ХБК по категориям их опасности и пр.);

– *информационный фактор* (отсутствие достоверной информации о состоянии химической и биологической безопасности ХБК России, недостаточность ресурсов для сбора, передачи, отображения, обработки и анализа этой информации и пр.).

Особенности внешних угроз проявляются в их многофакторности и поликомпонентности. Воздействие этих угроз на химический и биотехнологический комплексы России в виде совокупности указанных выше факторов и условий приводит к усиленной генерации внутренних угроз, характерных для данных комплексов.

2.2 Внутренние угрозы: характер, классификация, содержание и особенности

Внутренние угрозы носят специфический характер, поскольку обусловлены природой и свойствами образующихся и используемых на объектах ХБК характерных продуктов и материалов – опасных химических веществ и биологических агентов, представляющих серьёзную опасность для человека и окружающей природной среды.

Поскольку внутренние угрозы характеризуются не только химической или биологической природой используемых веществ (агентов), но и характером источников их генерирования, представляется целесообразным провести классификацию этих угроз с учетом указанных обстоятельств.

В этой связи можно выделить следующие внутренние (специфические) угрозы ХБК России:

– угрозы, связанные с обращением на производственных объектах опасных химических веществ (токсичных, горючих, взрывчатых и пр.) и приводящие к химическим авариям (поражению человека, заражению окружающей среды, взрывам, пожарам и т.д.) и прочим чрезвычайным ситуациям;

– угрозы, связанные с обращением на производственных объектах опасных биологических агентов (патогенных микроорганизмов и биогенных загрязнителей, а также продуктов их жизнедеятельности) и приводящие к пандемиям, эпидемиям, эпизоотиям и прочим чрезвычайным ситуациям;

– угрозы, связанные с транспортировкой опасных химических веществ и биологических агентов (аварии на трубопроводах, на железнодорожным, водном и автотранспортах);

– угрозы, связанные с образованием и ростом числа накопителей токсичных химических отходов;

– угрозы, связанные с образованием и ростом числа резервуаров опасных биологических отходов.

Наличие этих угроз, опасность которых увеличивается по мере устаревания и без того экологически опасных технологий (в том числе утилизации токсичных отходов), исчерпания технического ресурса применяющегося технологического оборудования и общей деградации производственной инфраструктуры ХБК, приводит к усиливающемуся загрязнению окружающей природной среды (атмосферы, территорий, акваторий) опасными загрязнителями химической и биологической природы.

При этом предприятия ХБК России являются наиболее интенсивными и перманентными источниками указанных выше угроз.

Поэтому состояние и уровень технологического развития ХБК определяют общий уровень химической и биологической безопасности Российской Федерации.

3. Определение Национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации

Под Национальной системой химической и биологической безопасности Российской Федерации (далее – Национальная система) понимается совокупность базовых, взаимосвязанных между собой компонентов различного (правового, административного, финансово-экономического, технологического, организационно-технического и пр.) характера, согласованно обеспечивающих предупреждение и нейтрализацию внешних (общих) и внутренних (специфических)угроз, а также инновационное, безопасное для человека и окружающей среды развитие химического и биотехнологического комплексов Российской Федерации.

4. Цели создания, принципы организации и функционирования Национальной системы

Целями создания Национальной системы являются:

– повышения уровня химической и биологической безопасности Российской Федерации путём нейтрализации до приемлемого уровня существующих и предупреждение потенциальных угроз;

– технологическая модернизация химического и биотехнологического комплексов России и их структурная диверсификация на основе устойчивого инновационного развития;

– создание специального законодательства, регулирующего вопросы обеспечения химической и биологической безопасности;

– совершенствование механизмов государственного управления процессом обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации;

– создание эффективных мер стимулирования инвестиционной и инновационной активности, а также внедрения методов саморегулирования на предприятиях ХБК России;

– повышение потребительских качеств продукции химического и биотехнологического комплексов России и её конкурентоспособности на мировых рынках.

Национальная система создается и функционирует на основе следующих принципов:

– адекватности структуры Национальной системы и функций её отдельных компонентов внешним и внутренним угрозам, воздействующим на ХБК или генерируемых ХБК России;

– согласованного подхода к развитию всех компонентов Национальной системы, обеспечивающих не только нейтрализацию действующих угроз, но и предупреждение потенциальных вызовов химической и биологической безопасности Российской Федерации;

– оперативности реагирования на существующие и возникающие угрозы;

– безусловной ответственности органов государственной власти и органов управления объектами ХБК за обеспечение химической и биологической безопасности;

– государственно-частного партнёрства в решении задач по привлечению инвестиций и внедрению инновационных технических решений, направленных на устойчивое и ускоренное развитие ХБК России;

– саморегулирования, самофинансирования и страхования мероприятий по обеспечению химической и биологической безопасности объектов ХБК России, ликвидации последствий аварий и чрезвычайных ситуаций;

– открытости и доступности информации о состоянии химической и биологической безопасности Российской Федерации.

5. Структура Национальной системы и краткая характеристика её компонентов

Структура Национальной системы определяется составом и характером существующих угроз химической и биологической безопасности Российской Федерации, а также потребностями общества и государства в устойчивом инновационном развитии химического и биологического комплексов России, безопасном для человека и окружающей среды.

Условная структура Национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации и механизм организации системы приведены на схеме 2.

Особенность Национальной системы проявляется в структурной сложности и многофункциональности каждого из компонентов, их согласованности и взаимосвязанности, что позволяет комплексно решать задачи по нейтрализации как внешних (общих), так и внутренних (специфических) угроз, а также по обеспечению инновационного развития производительных сил ХБК России.

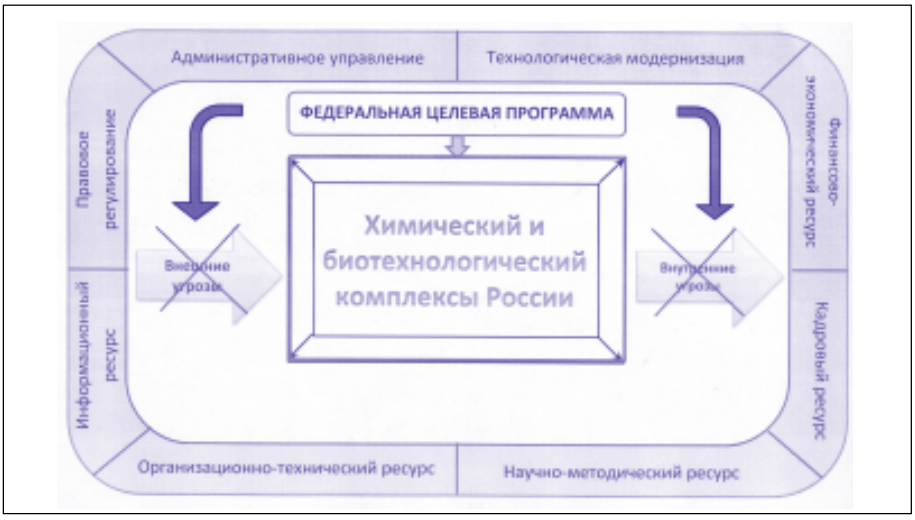

Схема 2. Структура национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации и механизм организации системы

5.1. Компоненты Национальной системы и их назначение

В соответствии с вышеизложенным, различают следующие базовые компоненты, входящие в состав Национальной системы:

– правовой компонент системы (правовое регулирование);
– административный компонент системы (административное управление);
– финансово-экономический компонент системы (финансово-экономический ресурс);
– технологический компонент системы (технологическая модернизация);
– кадровый компонент системы (кадровый ресурс);
– организационно-технический компонент системы (организационно-технический ресурс);
– научно-методический компонент системы (научно-методический ресурс);
– информационный компонент системы (информационный ресурс).

Назначение *правового компонента системы* состоит в:

– разработке проектов федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации, иных нормативных правовых актов в области химической и биологической безопасности, направленной на создание специальной нормативной правовой базы;
– разработке и внедрении технических регламентов, обеспечивающих выполнение требований химической и биологической безопасности хозяйствующими субъектами;
– гармонизации нормативно-правовой базы Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности с нормами международного права и т.д.

Административный компонент системы обеспечивает:

– комплекс мер государственной поддержки для формирования и функционирования Национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации;
– развитие механизмов и структуры государственного управления, в том числе путем законодательного определения полномочий и ответственности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и органов управления объектами ХБК;
– повышение эффективности государственного регулирования и надзора;
– разработку и внедрение программ и механизмов государственно-частного партнерства, системы саморегулирования производственных объектов ХБК и т.д.

Финансово-экономический компонент системы предназначен для:

– определения необходимых объемов и источников (бюджетных и внебюджетных) финансовых ресурсов, их выделение и привлечение на реализацию программ и планов мероприятий в области обеспечения химической и биологической безопасности;
– разработки льготных налоговых и иных экономических механизмов стимулирования инвестиционной и инновационной активности в целях технологической модернизации и структурной диверсификации объектов ХБК и т.д.

Технологический компонент системы предусматривает:

– разработку программ и мер государственной поддержки, направленных на создание и внедрение на предприятиях ХБК современных наукоёмких технологий, обеспечивающих ресурсосбережение, высокий уровень химической и биологической безопасности, высокий выход конечной продукции, рециклинг или эффективную утилизацию образующихся отходов;
– аппаратурное обновление существующих химических и биотехнологических процессов;
– создание условий для модернизации основных производственных фондов ХБК;
– придание развитию ХБК устойчивого инновационного характера и т.д.

Кадровый компонент системы обеспечивает:

– расширение базы действующих образовательных учреждений по подготовке специалистов среднего звена для предприятий ХБК;

– совершенствование системы подготовки, переподготовки и аттестации квалифицированных (в том числе руководящих) кадров для производственных объектов ХБК;

– усиление административной и гражданской ответственности должностных лиц, введение их уголовной ответственности за отступление от технологических норм и требований безопасности, повышение трудовой и технологической дисциплины на всех уровнях и т.д.

Назначение *организационно-технического компонента системы* состоит в разработке:

– комплексных мероприятий, направленных на своевременное выявление угроз в области химической и биологической безопасности, выявление и предотвращение угроз, связанных с возможностью осуществления террористических актов на предприятиях ХБК;

– эффективных систем мониторинга и контроля химической и биологической обстановки на федеральном, региональном и локальном уровнях Национальной системы;

– технических средств и технологий предупреждения, локализации и ликвидации чрезвычайных ситуаций на объектах ХБК;

– модернизацию существующих и разработку новых средств индивидуальной и коллективной защиты производственного персонала и населения в условиях чрезвычайной химической или биологической опасности;

– эффективных технологий утилизации (уничтожения) опасных химических и биологических отходов и т.д.

Научно-методический компонент системы предусматривает:

– интенсификацию проведения фундаментальных НИР и практического использования результатов прикладных НИОКР, направленных на создание наукоёмких инновационных технологий, новых веществ и материалов, безопасных для человека и окружающей среды;

– совершенствование существующих и создание новых аналитических методов и систем мониторинга, предназначенных для методологического, технического и инструментального решения задач обеспечения химической и биологической безопасности;

– разработку и утверждение единых критериев и методической базы по определению и категорированию уровней химической и биологической опасности объектов и территорий и т.д.

Информационный компонент системы обеспечивает:

разработку информационно-аналитических систем контроля, обеспечивающих сбор, передачу, отображение, обработку и анализ достоверной информации о состоянии химической и биологической обстановки на локальном, региональном и федеральном уровнях;

разработку определённых алгоритмов решения возникающих проблем в области обеспечения химической и биологической безопасности объектов ХБК, в том числе при оповещении населения о возникающих угрозах;

разработку программного обеспечения и коммуникационных каналов в целях информационного сопряжения систем обеспечения химической и биологической безопасности объектов с ресурсами федеральных и региональных структур управления.

5.2. Иерархическая структура компонентов Национальной системы

Иерархическая структура компонентов Национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации представлена на схеме 3.

В соответствии с ней различают три структурных уровня Национальной системы:

Первый (высший) уровень занимает технологический компонент системы, поскольку только технологическая модернизация обеспечивает внедрение передовых наукоёмких и ресурсосберегающих технологий, безопасных для человека и окружающей среды, и структурную диверсификацию производств.

Только в результате технологической модернизации способны появиться качественно новые материалы и продукты с повышенными потребительскими свойствами, что даст возможность обеспечить потребности в качественной продукции ХБК на внутреннем рынке и проявить высокую конкурентоспособность этой продукции на рынках мировых.

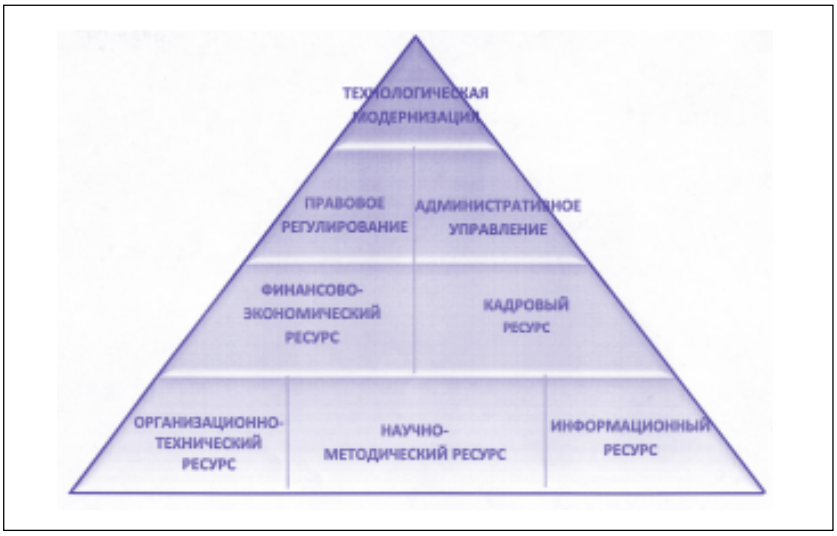

Схема 3. Иерархическая структура компонентов национальной системы химической и биологической безопасности Российской Федерации

Таким образом, именно технологическая модернизация в конечном итоге решает главную задачу Национальной системы – существенное повышение химической и биологической безопасности Российской Федерации на основе устойчивого инновационного развития химического и биологического комплексов России.

Второй уровень Национальной системы составляют правовой и административный компоненты.

Правовое регулирование предполагает создание нормативной правовой основы, условий и четких правил функционирования всей Национальной системы. От качества правового регулирования зависят все иные механизмы, разработанные для достижения целей Национальной системы. При помощи административного управления происходит распределение имеющихся ресурсов и практически реализуются каждый из ниже стоящих компонентов.

Третий уровень состоит из финансово-экономического, кадрового, организационно-технического, научно-методического и информационного компонентов, которые решают важные, но специфические задачи, каждый – в своей области.

По сути, эти компоненты являются ресурсами, обеспечивающими функционирование трех основных компонентов, находящихся на первых двух структурных уровнях Национальной системы.

6. Федеральная целевая программа как механизм реализации Национальной системы

В целях организации, развития и реализации основных направлений Национальной системы разрабатывается Федеральная целевая программ «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации» (далее – ФЦП).

Разделы ФЦП структурно соответствуют компонентам Национальной системы

ФЦП предусматривает конкретные мероприятия государственной поддержки и способы их осуществления, обеспечивающие организацию и эффективное функционирование Национальной системы, достижения её целей и реализации приоритетных направлений путём планомерного и последовательного выполнения мероприятий ФЦП.

Главными целями разработки ФЦП являются нейтрализация (до уровня приемлемого риска) существующих и предупреждение потенциальных внешних и внутренних угроз, а также технологическая модернизация, обеспечивающая устойчивое инновационное развитие производственных объектов ХБК.

Условный механизм организации Национальный системы при помощи ФЦП представлен на схеме 2.

7. Силы и средства обеспечения Национальной системы

В состав системы обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации входят соответствующие силы (организационные структуры) и средства обеспечения химической и биологической безопасности.

На федеральном уровне силами обеспечения химической и биологической безопасности являются федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении химической и биологической безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации. На период проведения широкомасштабных аварийно-спасательных операций и работ по ликвидаций последствий крупных техногенных аварий и стихийных бедствий поддержку силам обеспечения химической и биологической безопасности оказывают соответствующие воинские формирования Министерства обороны РФ и МЧС России.

Координационным органом, обеспечивающим согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, направленные на реализацию государственной политики в области обеспечения биологической и химической безопасности Российской Федерации, является Правительственная комиссия по вопросам биологической и химической безопасности Российской Федерации, созданная Постановлением Правительства Российской Федерации от 09 февраля 2005 г. № 64.

Полный объём полномочий федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения биологической и химической безопасности Российской Федерации установлен Положением о разграничении полномочий федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения биологической и химической безопасности Российской Федерации, утверждённом Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 мая 2005 г. № 303.

Средствами обеспечения химической и биологической безопасности признаются технологии, а также технические, организационные, нормативные, программные и иные средства и системы, используемые в системе обеспечения химической и биологической безопасности для предупреждения загрязнения окружающий среды и возникновения аварийный ситуаций, защиты населения и производственного персонала, ликвидации последствий аварий, а также сбора, обработки, передачи и анализа информации о состоянии химической и биологической безопасности производственных объектов ХБК России.

В соответствии с этим, в состав средств обеспечения химической и биологической безопасности входят:

– правовые нормативные акты, нормативно-технические документы, правила безопасности, методики и пр.;

– средства индивидуальной и коллективной защиты человека, животных и растений от опасных химических веществ и биологических агентов, а также средства их (веществ и агентов) обнаружения;

– системы мониторинга окружающей среды и состояния здоровья населения в районах расположения предприятий ХБК;

– системы предупреждения и оповещения населения о возможных чрезвычайных ситуациях на химических и биологических объектах;

– средства предупреждения, локализации и ликвидации аварийных ситуаций на химических и биологических объектах;

– средства профилактики, диагностики и лечения заболеваний людей, животных и растений, вызываемых опасными химическими веществами и биологическими агентами;

– технологии утилизации опасных химических и биологических бытовых и промышленных отходов;

– программное обеспечение и информационно-аналитические системы, позволяющие оценить опасность, спрогнозировать вероятный сценарий развития ситуаций и разработать предложения по ликвидации аварийных ситуаций на производственных объектах ХБК.

8. Основные показатели состояния химической и биологической безопасности

Основные показатели состояния химической и биологической безопасности предназначены для оценки состояния данных видов безопасности и эффективности функционирования Национальной системы в целом и включают:

– степень модернизации отрасли (соотношение числа современных высокотехнологичных производств к общему числу производств);

– уровни загрязнения окружающей среды и заболеваемости населения в районах расположения опасных химических и биотехнологических производств;

– уровень аварийности на предприятиях химического и биотехнологического комплексов России;

– числонакопителей (резервуаров) токсичных отходов;

– уровень обеспеченности предприятий ХБК инженерно-техническими кадрами;

– уровень замещения импортной продукции конкурентоспособной продукцией отечественного производства;

– доля продукции химического и биотехнологического комплексов России на мировых рынках.

Перечень основных показателей состояния химической и биологической безопасности Российской Федерации уточняется по мере необходимости.

Примечания

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // РГ. 2009. 19 мая. Федеральный выпуск. № 4912.

[2] Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2010 года и дальнейшую перспективу // РГ. 2004. 7 апреля. Федеральный выпуск. № 3448.

[3] Стратегия развития химической и нефтехимической промышленности России на период до 2015 года. Утверждена приказом Минпромэнерго России 2008. 14 марта. № 119 // http://www.minprom.gov.ru/activity/chem/strateg/0

[4] Долгосрочный прогноз развития химической отрасли до 2030 года. М.: изд-во Некоммерческого партнерства по проведению экспертизы в области промышленности и энергетики «Экспертный клуб», 2010.

[5] Стратегия развития биотехнологической отрасли промышленности до 2020 года (рабочие материалы). М.: изд-во Общества биотехнологов России им. Ю.А.Овчинникова и Союза предприятий биотехнологической отрасли, 2009.

[6] Годовой отчет о деятельности Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору в 2010 году. М.: ФСЭТАН, 2011.

Миграционные настроения молодёжи – индикатор диаспоральной политики России

Ольга Савина

Современная диаспоральная политика России, под которой подразумевается работа государства по выстраиванию системы экономических, политических, информационных и культурных связей с соотечественниками, во многом влияет на их выбор своей жизненной стратегии в странах ближнего зарубежья.

По мнению ряда исследователей, распад Советского Союза определил для российских соотечественников в странах СНГ три модели социально-политического поведения:

– ассимиляция в титульную культуру и язык;
– отстаивание равного статуса в новом сообществе;
– отъезд в Россию[1].

Отъезд в Россию как выбор жизненной стратегии пользовался большой популярностью в 90-е годы прошлого века. На современном этапе миграционные настроения русской молодежи по-прежнему сильны в Казахстане, Киргизии, Молдавии и на Украине, однако приток русскоязычного населения из этих государств в Россию заметно сократился[2].

В последнее десятилетие появилась и набирает популярность новая модель поведения российской диаспоры, проживающей на постсоветском пространстве, – отъезд в страны дальнего зарубежья[3].

САВИНА Ольга Вячеславовна – научный сотрудник отдела диаспоры и миграции Института стран СНГ. *E-mail:* olga_polnikova@mail.ru

Ключевые слова: диаспоральная политика, соотечественники, СНГ, молодежь, миграция, образование, гражданство.

Обретением независимости власти стран бывшего Союза взяли курс на построение национальных государств. Современная политика этих стран направлена на принудительную ассимиляцию других этносов в язык и культуру титульных наций. Об этом свидетельствует насильственное сужение сферы использования русского языка: значительное сокращение школ с русским языком обучения, перевод делопроизводства на государственный язык, сокращение теле- и радиопередач на русском языке. В странах, где диаспора в силу массовой миграции русскоязычного населения оказалась малочисленна – Армения, Грузия, Таджикистан, Туркмения, – русский язык вытеснен на бытовой уровень[4].

К странам, где соотечественники в большей или меньшей степени имеют возможность полноценного свободного развития, одни исследователи относят Азербайджан, Белоруссию и Украину[5], другие считают, что наиболее активной общественной силой является российская диаспора в Казахстане, Киргизии и Молдавии[6].

Приняв за основу любую точку зрения, следует заметить, что наиболее объективно оценку эффективности диаспоральной политики России может дать именно пассионарная часть представителей российских соотечественников ближнего зарубежья.

Полагаем, что миграционные настроения в странах проживания российских соотечественников являются одним из важных критериев оценки диаспоральной политики и показателем ее действенности. Ущемление русскоязычного населения в правах, принудительное сужение функционального пространства русского языка, сокращение школ с русским языком обучения соотечественники, как правило, связывают с недостаточно сильной позицией России в странах СНГ и малоэффективной диаспоральной политикой. Проанализируем ситуацию в некоторых странах СНГ.

По результатам опроса 2008 г., желание переехать в Россию среди соотечественников Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана высказали в среднем от 40 до 70% опрошенных[7].

Наиболее высокий миграционный потенциал наблюдался среди русскоязычного населения Киргизии. О желании переезда в Россию на постоянное жительство высказались 72% респондентов, еще 23% опрошенных хотели бы поехать в Россию на работу[8].

В то же время некоторая часть респондентов имела намерение уехать на постоянное место жительство и работу в другие страны, а не в Россию.

Выбор такой жизненной стратегии характерен, в частности, для русской молодежи из Украины, Молдавии, Казахстана, Армении и Узбекистана.

Например, около 10% соотечественников в Казахстане в 2008 г. изъявили желание жить и работать в европейских государствах[7].

Следует учесть, что наиболее активные стратегии в отношении отъезда в другие страны проявляют самые молодые соотечественники.

В 2010 г. в том же Казахстане об этом заявили более 20% опрошенных в возрасте до 24 лет и почти 12% респондентов 25–34 лет. Среди соотечественников старше 55 лет этот показатель не превышает 3%[7].

Результаты опроса говорят о том, что старшее поколение все еще ис-

пытывает чувство принадлежности к России и стремление вернуться на историческую родину, а подрастающее с каждым годом эту связь утрачивает и все чаще устремляет взгляд в сторону Европы и Америки.

Результаты социологического исследования, проведенного по заказу Министерства иностранных дел России (2010 г.) демонстрируют утрату русскоязычной молодежью в странах СНГ (в большей или меньшей степени) ощущения сопричастности к материнскому государству.

Так, на вопрос «Испытываете ли вы чувство принадлежности к России?» треть опрошенных соотечественников в Казахстане, четверть в Киргизии, пятая часть на Украине и Армении и десятая часть в Молдавии ответили отрицательно[4].

Эти представители диаспоры не участвуют в выборах, затрудняются описать внешнюю и внутреннюю политику России и не верят, что их молодежные организации смогут стать реальной политической силой. Очевидно, что отсутствие чувства единения с Россией как с исторической родиной направляет молодых представителей диаспоры в страны Запада.

В целом для населения стран СНГ миграционные стратегии относительно дальнего зарубежья выглядят следующим образом: 29% опрошенных в Молдавии, 23% – в Белоруссии, 22% – на Украине и 21% – в Армении хотели бы жить в Европейском союзе.

Проживать в Содружестве Независимых Государств изъявили желание не более 9% респондентов этих стран[9].

Инструменты значительной корректировки такого положения имеются, в частности, за счет привлечения молодых соотечественников в российские вузы, тем более что падение рождаемости в 90-х годах обернулось существенным недобором абитуриентов в учебные заведения России. И если на ситуацию в Москве этот факт особо не повлиял (в престижных столичных вузах, по данным Федерального агентства по образованию, конкурс достигает 50 чел. на место), то региональные вузы страны пустеют. Чтобы существовать, они вынуждены принимать на учебу более слабых абитуриентов, что может существенно сказаться на качестве образования. А это, в свою очередь, обернется дефицитом профессионалов высокого уровня. Платные вузы при недоборе вынуждены закрываться или объединяться с другими. Бюджетные места уже значительно сокращены. В подавляющем большинстве российских регионов количество выпускников школ уже меньше, чем план приема в государственные вузы. И по прогнозам специалистов, ситуация с каждым годом будет все более усугубляться[10].

В этой связи привлечение на учебу в Россию молодежи из новых независимых государств стало бы реальной поддержкой региональных вузов страны, с одной стороны, и существенным вкладом в развитие отношений между Россией и ее соотечественниками – с другой. К тому же некоторая часть из этих выпускников осела бы в нашей стране, пополнив ее ресурсы ценными квалифицированными кадрами. Безусловно, русскоязычная молодежь стран СНГ – та категория соотечественников, с которой сегодня Россия должна наиболее плотно работать и сотрудничать. Необходимо более ак-

тивно информировать выпускников школ в СНГ о вузах России, привлекать их на учебу и стажировку в российские учебные заведения.

Примером успешного привлечения молодежи в свою страну из других государств на работу и жительство являются Соединенные Штаты Америки.

Десятки тысяч человек из разных стран мира ежегодно становятся участниками интернет-лотереи грин-карта – удостоверения личности, подтверждающего наличие вида на жительство у человека, не являющегося гражданином США, постоянно проживающего на территории этой страны, и предоставляющего право трудоустройства. Количество участников лотереи из СНГ, получивших право на переезд в США, растет с каждым годом.

Так, к примеру, в 2011 г. Украина и Узбекистан стали абсолютными лидерами по иммиграции среди стран бывшего Союза и всей Европы (6000 и 5091 чел. соответственно)[11]. Всего право переезда в 2011 г. получили 31 тыс. участников из 70 стран.

Только из Украины за 15 лет действия лотереи в США уехало более 88 тыс. чел.[11]

Безусловно, нужно оговориться, что статистика лотереи не разграничивает процент участия титульного населения стран и российской диаспоры. Но то, что победители лотереи из СНГ русскоязычные, а это главное, что объединяет российскую диаспору, не оставляет сомнений. Необходимо также учесть, что в лотерее участвуют в основном молодежь и наиболее деятельные представители старшего поколения.

Оценить статус России глазами молодых соотечественников позволяет статистика международной стипендии «Болашак», учреждённой президентом Республики Казахстан. В настоящее время эта стипендия предоставляет возможность обучаться в 200 ведущих вузах в 23 странах мира.

Самой большой популярностью среди казахов пользуются вузы Великобритании, где обучается 29% всех стипендиатов программы.

На втором месте по популярности стоят США – 28% стипендиатов.

В России обучается всего 14% всех «болашаковцев». Столько же казахов учится в Канаде[12].

Помимо программы, сотни казахских абитуриентов самостоятельно отправляются на учебу в Китай, а около трех тысяч студентов ежегодно уезжают на учебу в Великобританию[13].

Необходимо учитывать, что зарубежные вузы пользуются большой популярностью и среди российской молодежи. В одной только Франции в настоящее время обучается более четырех тысяч российских студентов. Каждый год на стипендии для российских студентов правительство этой страны выделяет около 1,5 млн евро[1].

Резюмируя данные факты, можно констатировать, что те молодые соотечественники стран нового зарубежья, которые отправляются на учебу и работу в Европу и Америку, считают западное образование и трудовой стаж более престижными и ценными, чем российские. Можно предположить, что недостаточно эффективная диаспоральная политика в странах СНГ позволяет молодежи, которая нацелена на миграцию из своих государств, усомниться в своей социальной перспективе на территории России.

Как считают отдельные эксперты, переезд в Россию соотечественников из СНГ сегодня совершается только после предварительного выяснения

через переселившихся знакомых возможностей трудоустройства. Некоторая часть русскоязычных соотечественников в настоящее время даже не пытается реализовать себя в России, предпочитая сразу отправляться в дальнее зарубежье[3].

Любопытно, что начиная с 2001 г. в русскоязычной части потока мигрантов снижался удельный вес молодежи и, напротив, повышалась доля преставителей старших возрастов. В иноязычной части потока наблюдался противоположный процесс роста удельного веса молодежи[3]. Этот факт подтверждает усиливающуюся тенденцию того, что представители титульных национальностей, проживающих в Средней Азии (киргизы, казахи, узбеки, таджики), в наибольшей степени рассматривают Россию как страну возможного временного трудоустройства. Представители же славянских национальностей предпочитают в будущем уехать в Россию на постоянное место жительства.

Об этом намерении заявили 35% соотечественников в Узбекистане, 39% – в Казахстане, 49% – в Таджикистане, 72% – в Киргизии[2].

Однако, несмотря на высокий миграционный потенциал, желание последних часто остается нереализованным. Главной причиной этого является сложность оформления российского гражданства и возможность обретения достойного места в обществе. В настоящее время соотечественники лишены возможности получения российского паспорта в короткие сроки.

Действие одного из международных соглашений[14], дающих такое право, было приостановлено в прошлом году, а действие двух других[15] перечеркнул недавний Указ президента[16], обязывающий всех претендентов на получение гражданства по этим соглашениям получать вид на жительство.

А вступившие в силу поправки в Закон о соотечественниках[17], декларирующие право упрощенного приобретения гражданства для представителей российской диаспоры, не могут быть реализованы, пока не внесены соответствующие изменения в Закон о гражданстве. Негативную оценку последних законодательных нововведений в отношении соотечественников можно проследить по обращениям, поступающим в блог президента России[18].

Подытоживая вышесказанное и опираясь на результаты исследований, можно сделать вывод, что в целом соотечественники ближнего зарубежья, в том числе и молодые, оценивают диаспоральную политику России как малоэффективную (в среднем около 60% опрошенных в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане считают, что в отношении русской диаспоры делается очень мало или не делается вообще ничего)[2].

Аргументом такого суждения является активная миграция молодежи из стран проживания: не чувствуя активной поддержки со стороны родины в области защиты прав, статуса русского языка, они уезжают не только в Россию, но и все чаще в дальнее зарубежье. Молодежь в СНГ слабо верит в то, что их организации в странах проживания могут стать реальной политической силой, особенно если действия этих организаций расходятся с официальной линией властей.

Справедливо, в свою очередь, заметить, что и сами молодые соотечественники слабо консолидированы и малоактивны, в результате чего недостаточно информированы о возможностях поддержки со строны Российской Федерации (квоты на обучение в российских вузах, медицинская помощь, проведение различных конкурсов и поездок в Россию).

В условиях сложившейся непростой демографической ситуации, ежегодного сокращения трудоспособного населения Россия крайне нуждается в привлечении молодого русского населения из ближнего зарубежья. Речь идет не о трудовых мигрантах, которые не только не решают демографических проблем (как правило, их семьи остаются в других странах), но и не содействуют развитию российской экономики, уклоняясь от уплаты налогов и отправляя заработанные деньги своим близким на родину, а о полноценной социальной базе предстоящей модернизации страны.

Представители молодого поколения, планирующие и строящие свое будущее, заинтересованы в преодолении актуальных задач современности, они восприимчивы к инновациям, могут предложить новые пути решения многих проблем.

Примечания

[1] *Агранович М.* Сорбонна денег не берет. За какими знаниями российские студенты едут в Европу // РГ. 2010. 1 июня.

[2] Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2010. С. 247, 248, 153.

[3] *Пальников М.* Иммиграция в Россию из постсоветских республик. Часть первая // Фонд исторической перспективы [2009] // URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36435

[4] Молодежь в системе организаций соотечественников в странах СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина). М.: ООО «Лима-консалтинг», 2010. С. 449, 92, 200, 252, 409.

[5] *Матвейцева Н.* Эволюция социально-политического положения российской диаспоры в странах СНГ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2007. С. 89.

[6] *Чибисов О.* Интеграция российской диаспоры в политический процесс стран СНГ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2009. С. 71.

[7] Мониторинг реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в Центрально-Азиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2008. С. 142, 25, 45.

[8] Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2010. С. 137.

[9] Мониторинг социальных настроений населения постсоветского пространства 2010 г. // Проект «Евразийский монитор» // URL: www.eurasiamonitor.org

[10] *Лонская А., Колесниченко А.* Кошмар на улице вузов. Из-за демографической «ямы» наши учебные заведения рискуют недобрать студентов // Новые известия. 2010. 21 июня.

[11] Результаты лотереи Green Card // URL: http://greencard.by/lottery/results/countries

[12] В этом году ожидается самый большой выпуск стипендиатов программы «Болашак» за всю ее историю // URL: http://www.nomad.su/?a=3-200908170037

[13] «Болашак» продолжит подготовку по магистерским программам // URL: http://www.kursiv.kz/1195212256-bolashak-prodolzhit-podgotovku-po-magisterskim-programmam.html

[14] Соглашение от 20 января 1995 года между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «Об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Республику Казахстан, и гражданами Республики Казахстан, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию» // URL: http://www.akdi.ru/gd/proekt/056415GD.SHTM

[15] Соглашение от 26 февраля 1999 года между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией «Об упрощенном порядке приобретения гражданства» и Соглашение от 28 марта 1996 года между Российской Федерацией и Киргизской Республикой «Об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Киргизскую Республику, гражданами Киргизской Республики, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию, и выхода из прежнего гражданства» // URL: http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=6988

[16] Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2011 г. № 1391 «О внесении изменения в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325» // РГ. 2011. 24 окт.

[17] Федеральный закон Российской Федерации от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // РГ. 2011. 27 июля.

[18] Раздел «Соотечественники за рубежом» // URL: http://blog.kremlin.ru/theme/34?page=1

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su E-mail: observer@ru.ru

Баскский терроризм: профилактика и опыт для России

Александр Розанов

Сегодня вряд ли найдется такой человек, который бы не слышал о терроризме, называемом и «бичом современности», и «угрозой глобальной безопасности», и «чумой 21 века»[1]. Однако даже сейчас единого определения терроризма, который сопровождается различными формами проявления насилия и жестокости, не существует, что объясняется сложностью и многоаспектностью данного явления. Так, по мнению В.П.Галицкого, «терроризм – крайняя форма экстремизма»[2]. При этом российский ученый отмечает, что целью и терроризма, и экстремизма является «изменение действующей политической власти или захват её в целях изменения существующего общественно-политического строя, социальной политики для проведения экономических, национальных, конфессиональных преобразований в обществе, являющегося объектом экстремистских и террористических воздействий, по своей политической программе»[2].

С каждым годом появляются все новые и новые формы терроризма, развиваются его идеология и организация, и в настоящее время возникла «угроза со стороны международного терроризма и преступности, которая обнаруживает все признаки перерастания в полномасштабную мировую войну»[3].

Тем не менее основные направления в развитии терроризма не изменились, и его доминирующими видами по-прежнему остаются исламистский и националистический терроризм, существующий не только в странах с развивающейся, но и в странах с развитой экономикой, таких как Испания. В этой стране терроризм является «крайним проявлением национализма»[4].

РОЗАНОВ Александр Сергеевич – аспирант факультета глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова, руководитель научного отдела. *E-mail:* rozanov@fgp.msu.ru

Ключевые слова: баскский терроризм, международный терроризм, националистический терроризм, профилактика терроризма.

В Испании, которая, как и Россия, является многонациональным государством, данная проблема особенно ярко выражена в Стране Басков, что во многом обусловлено современной политико-территориальной организацией государства и существующими там регионально-националистическими конфликтами. Баскский терроризм является результатом проблем именно региональной идентификации и представлен в основном террористической организацией ЭТА (*Euskadi Ta Askatasuna* – «Страна Басков и свобода»), деятельность которой вышла за пределы территории Испании и приобрела международный характер. ЭТА также в списке наиболее опасных международных террористических организаций, составляемый Государственным департаментом США с 1997 г.[5], в который помимо нее входят такие известные террористические организации, как ИРА (Ирландия), «Аум Синрикё» (Япония), «Хезболла» (Ливан) и др.

Так как в современном мире националистический терроризм получает все большее распространение, то растет и необходимость его профилактики не только на территории конкретной страны, но и за ее пределами. Также необходимо учитывать, что опыт борьбы с различными видами экстремизма в Испании может быть использован и в России, где существует проблема терроризма (этнорелигиозный терроризм на Северном Кавказе). Позитивный опыт Испании может быть использован для урегулирования в нашей стране сложных взаимоотношений по линии Федеральный центр – субъекты Федерации.

Терроризм стал наиболее заметным явлением в жизни Испании со второй половины XX в.

В условиях глобализации национальные меньшинства боятся растворить в безликой «мировой» среде и утратить свой язык и традиции, протестуют против «дискриминации» и стремятся к политическому и культурному самоутверждению. В связи с этим возникают два вида национализма – региональный, в котором притязания меньшинств ограничиваются требованиями культурно-языковой и политико-экономической автономии, и сепаратистский, который принимает форму вооруженной террористической борьбы. В Испании, и конкретно в Стране Басков, национализм существует одновременно в двух ипостасях, что и обусловливает сложность баскской проблемы, которую многие исследователи называют «баскским лабиринтом»[6].

Со времен франкистской диктатуры терроризм является неотъемлемой частью политической и общественной жизни Испании, однако наибольшая активность террористов пришлась именно на годы демократии, что подтверждается многочисленной статистикой.

Так, если в 1974, 1975, 1976 и 1977 гг. жертвами ЭТА стали соответственно 19, 11, 16 и 8 чел., то в 1978 и 1979 гг. – 60 и 65.

В 1982 г. это число возросло до 82 чел. – наибольшее количество погибших за все годы существования ЭТА[7].

Затем число убийств стало сокращаться, и в наше время они носят единичный характер (табл.)

Всё это свидетельствует о достаточной эффективности действий

Таблица

Число жертв террористической организации ЭТА

Годы	Количество жертв, чел.
1968	2
1975	20
1980	100
1985	40
1990	20
1995	18
2000	25
2005	8
2009	4

Источник: Министерство внутренних дел Испании, 2009.

правительства в деле противостояния террористам. При этом наряду с национальными силами безопасности важную роль в борьбе с ЭТА играет баскская полиция (эрцайнца).

В декабре 2009 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Испании и соответствующим департаментом в правительстве Страны Басков, предполагающее более тесную координацию их действий в антитеррористической борьбе.

В январе 2011 г. силы безопасности арестовали 10 террористов в Испании, а в марте французские спецслужбы (активно сотрудничают с Испанией) арестовали Алехандро Зобаран Арриола, который считается «новым военным лидером» ЭТА.

Важнейшей причиной столь долгого существования ЭТА являются недостатки созданного после франкистской диктатуры в Испании Государства автономий – формально унитарного государства с чертами федерации.

Кроме того, у баскских террористов на протяжении определенного периода времени действительно была причина для оправдания своих действий. Дело в том, что в силовых структурах страны – многочисленных видах полиции, гражданской гвардии, спецслужб, унаследованных от Франко, – не проходило основательной «чистки», подлинной демократизации, ведь часто в своих действиях они выходили далеко за рамки правового поля, отдавая предпочтение войне с террористами, начатой при франкизме (что позволяло требовать увеличения государственных расходов и быстрого продвижения по службе).

В начале 80-х годов были созданы так называемые антитеррористические освободительные группы, применявшие противозаконные методы и находившиеся вне контроля правовых органов. В итоге около 30 чел., не имевших никакого отношения к ЭТА, были замучены в тюрьмах. При этом реальные боевики выступили в качестве жертв, их поддержка среди населения возросла[6], а террористические атаки для них стали «оправданны». Это в принципе неудивительно, ведь насилие не может породить ничего, кроме насилия.

К счастью, правительство Испании вовремя одумалось: состоялся целый ряд судебных разбирательств, в результате которых пришлось уйти в отставку бывшему заместителю председателя правительства и ряду министров, многие высокопоставленные чиновники побывали в тюрь-

мах и были выпущены под большой залог с подпиской о невыезде[6].

Постепенно система судопроизводства в стране была налажена, и теперь террористы не могут оправдывать свои действия тем, что в Испании отсутствует подлинная демократия. Этому также способствует широкая просветительская и общественная деятельность на территории Страны Басков организации «Баста йа» (*Basta ya* – досл. «хватит»), которая не только осуждает терроризм с морально-этических позиций, но и организовывает массовые политические манифестации против терроризма в защиту демократии и свобод.

Следует отметить, что в Испании борьба властей с терроризмом не ограничивается противостоянием с ЭТА: правительство сталкивается с намного более беспощадным исламистским экстремизмом, интерес которого к Испании во многом вызван тем, что здесь проживает и постоянно увеличивается мусульманская община, в рядах которой исламисты надеются найти своих союзников. И это вполне возможно, ведь среди мусульман Испании есть люди, считающие ее «своей землей», на которой их предки проживали семь веков назад. Среди них существуют реваншистские настроения после закончившейся много лет назад Реконкисты, и они считают, что лишь теперь «вернулись на историческую Родину».

Борьба властей с исламистским экстремизмом началась после 11 марта 2004 г., когда в Мадриде произошли теракты в электропоездах, в организации которых сначала обвинили представителей ЭТА, однако 13 марта «Аль-Каида» взяла на себя ответственность за эти взрывы*.

Именно необходимость борьбы с терроризмом на два фронта и привела к тому, что в мае 2004 г. был создан Национальный антитеррористический центр, который объединил силы полиции, гражданской гвардии и спецслужб для более эффективного противодействия террористической угрозе. Таким образом, численность формирований по борьбе с терроризмом увеличилась, а их члены проходили специальную подготовку.

Еще 27 июня 2002 г. был принят Закон о политических партиях, в соответствии с которым запрещались организации, связанные с террористами и поддерживающие их акции, а в марте 2003 г. Верховный суд Испании санкционировал решение о запрете партии Батасуна, поддерживавшей ЭТА.

Это стало успешным шагом по противодействию баскскому терроризму, хотя во многом данная мера осталась лишь формальностью**.

Существует множество негативных моментов, препятствующих эффективной профилактике терроризма в Испании, и главным из них является эксплуатация темы терро-

---

* Судебный вердикт о непричастности ЭТА к трагедии в Мадриде был вынесен лишь в мае 2007 г.

** Батасуна не была уничтожена и продолжала существовать под другими названиями, а националисты из баскского парламента отказались признать правомерность данного решения Верховного суда Испании.

ризма ведущими политическими партиями страны – Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП) и Народной партией (НП).

Мадридская трагедия марта 2004 г. стимулировала резкое обострение соперничества между этими партиями, и социалисты стали обвинять консерваторов НП, приписывавших авторство во взрывах ЭТА, в искажении истины и манипулировании массовым сознанием, а консерваторы, бывшие тогда у власти, критиковали социалистов за разжигание антиправительственных манифестаций и участие в них, хотя еще в 2000 г. обе партии заключили Соглашение о поддержке свобод против терроризма[6].

Противостояние двух партий ещё более усилилось в 2006 г., когда правительство ИСРП во главе с Х.Л.Родригесом Сапатеро начало переговоры с ЭТА. Тогда все испанское общество разделилось по вопросу о допустимости контактов с террористами, а в самой Стране Басков за диалог с ЭТА высказались 62% опрошенных, а против – 32%. Даже Папа Римский Бенедикт XVI поддержал данную инициативу Сапатеро[8], но не Народная партия, обвинившая правительство в «мягкотелости и спекулянтстве». После же того как в конце декабря 2006 г. ЭТА нарушила перемирие, обвинять в терактах стали не террористов, а ИСРП.

По сути дела, впервые в Испании оппозиция попыталась использовать промахи (реальные или мнимые) власти для получения дополнительных политических очков. Конечно, при подлинной демократии должна существовать сильная оппозиция, способная критиковать правительство и указывать на его ошибки, но при этом узкопартийные интересы не должны ставиться выше национальных, а именно это и произошло в Испании.

Тем не менее эксплуатация консерваторами темы терроризма принесла определенные плоды, ведь по результатам выборов в местные органы власти (май 2007 г.), где многие предрекали уверенную победу социалистам, произошла ничья при небольшом преимуществе ИСРП по числу проведенных муниципальных советников и небольшом преимуществе НП в голосах. Таким образом, ЭТА сыграла решающую роль в исходе голосования[8], ведь она даже самим фактом своего существования способна влиять на политический процесс.

Правительство Испании применяет достаточно эффективные меры по борьбе с экстремизмом и его главной разновидностью – терроризмом. В частности, постоянно развивается и совершенствуется уголовное законодательство, испанские службы безопасности активно взаимодействуют с коллегами из Франции, на территории которой зачастую укрываются боевики ЭТА. Однако пока проблему баскского национа- лизма и терроризма не удается полностью разрешить ввиду ее сложности и многоаспектности, поэтому необходимо разрабатывать альтернативные варианты для ее урегули- рования.

Во-первых, естественно, что самым радикальным вариантом разрешения проблемы является сецессия, или отделение проблемного региона от Испании.

Но данный способ является не только не самым лучшим, но еще и не самым рациональным. Мало того что реализация данного плана окажется выгодной только крайним националистам, которые планируют создать в Стране Басков фактически авторитарное государство, но она будет способствовать еще и значительному ухудшению экономического состояния баскской территории, которая пока является одной из самых преуспевающих в Испании благодаря запасам угля, черной металлургии и крупнейшим банкам. Если же отделение состоится, то из региона начнется отток капиталов, потеря десятков тысяч рабочих мест и как следствие – общее обнищание населения. Кроме того, создание новых государственных органов, новой валюты и т.д. повлечет за собой огромные финансовые расходы, что будет невыгодно как для элиты, так и для простых граждан.

Конечно, после сецессии новообразованное «Баскское государство» планирует войти в Европейский союз, но при этом радикальные националисты не хотят учитывать, что правовые нормы ЕС не предусматривают вступления в него отдельных регионов, которые захотят отделиться от стран-членов[6]. В случае если это и произойдет, то ЕС предполагает наличие интеграции, единого экономического рынка, открытости границ, что ведет к укреплению наднациональных, а не национальных органов (добровольное ограничение государственного суверенитета). При сохранении «жесткой» позиции крайних националистов это вряд ли представляется возможным, поэтому сценарий потенциального отделения Страны Басков от Испании в настоящий момент выглядит достаточно нереалистичным.

Однако есть и *другой вариант* – изменение территориально-государственного устройства Испании, так как недостатки существующего «Государства автономий» признаются многими национальными и международными экспертами.

По этому вопросу также нет единого мнения. В мае 2010 г. в Стране Басков был проведен опрос, согласно которому 36% респондентов высказались за автономное устройство страны, 28% – за федерацию, 6% – за централизованное государство и 25% – за независимость региона[9]. При этом 66% опрошенных были довольны статусом региона (30% полностью, 36% частично), 27% были им недовольны[9].

В целом националистический лагерь требует большей, чем есть сегодня, степени самоуправления, считая его историческим правом басков. Националисты настаивают, ссылаясь на международные нормы, на том, чтобы в конституцию Испании было внесено положение о праве автономных областей на самоопределение. Однако они не учитывают того, что в случае сецессии Страны Басков будет нарушен один из ключевых принципов международного права – принцип территориальной целостности. При этом большая часть тех, кто настаивает на внесении в конституцию положения о самоопределении, вовсе не собирается отделяться.

Их логику в свое время выразил один баскский политик: «Я не хочу разводиться со своей женой, с которой прожил всю жизнь. Но и

не желаю, чтобы закон не признал за мной права на развод»[10].

И если во время принятия конституции в 1978 г. на таком праве никто не настаивал, опасаясь, что его признание, и как следствие – возможность распада страны, спровоцирует армию на переворот, то сейчас, когда армия в Испании выполняет лишь свои функции и не участвует в политике, теоретически такая поправка в конституцию могла бы быть внесена и способствовала бы лишению ЭТА ее важнейших аргументов, но гарантий, что это приведет к прекращению террора, нет. Власти Мадрида отказываются рассматривать вопрос о признании за басками права на самоопределение. Они заявляют, что конституция Испании неприкосновенна[6].

Конечно, упорство властей в сохранении существующей организации государства вполне объяснимо, хотя превращение Испании в федерацию было бы все же менее радикальной попыткой решения баскской проблемы, чем план Ибарретче (по сути, настаивал на независимости через конфедерацию), непринятый ни правительством Испании, ни большей частью населения Страны Басков, а провинция Алава даже заявила о возможности своего выхода из Страны Басков при попытке его реализации.

Таким образом, федерация пока является наиболее приемлемым и возможным вариантом реорганизации политико-территориального устройства Испании, хотя и у него имеется множество недостатков и противоречий.

Анализ проблем баскского терроризма показывает, что для совершенствования системы его профилактики в Испании необходимо:

1. Прекратить эксплуатацию темы терроризма ведущими противоборствующими партиями Испании (националистической и социалистической).

2. Еще больше демократизировать силовые структуры по борьбе с терроризмом за счёт более частой смены кадров (через каждые 2 года).

3. Вести постоянную информационно-разъяснительную работу с личным составом антитеррористических ведомств.

4. Привлекать молодёжь к работе в правоохранительных органах путём проведения различных учебных семинаров, тренировок, совместного мониторинга экстремистских проявлений в отдельных регионах Испании.

5. Обеспечить формирование механизмов политической эволюции исламистских политических движений трансформистской направленности, выражающих интересы и культурную идентичность самых различных слоев мусульманского социума, в открытые гражданские институты, которые бы действовали, в том числе, на мировой арене.

Основываясь на опыте Испании, можно предложить следующие меры по совершенствованию системы профилактики международного терроризма в России:

1. Необходимо обеспечить всестороннюю пропаганду в рамках любых средств массовой информации, направленную против террористических движений и экстремизма (опыт испанской организации *Basta ya*).

2. Внести поправку в ФЗ РФ от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму», включив в текст

нормативного акта понятие «профилактика терроризма» как систему мер, направленных на выявление потенциальных источников развития терроризма и своевременное их устранение.

3. Ужесточить правила приостановления/ликвидации политических партий (внести соответствующую поправку в ФЗ РФ от 11 июля 2001 г. № 95 «О политических партиях»).

4. Обеспечить конструктивный диалог между чиновниками и населением, основанный на принципах демократии и прозрачности деятельности чиновников.

5. Проводить всесторонний мониторинг проявлений экстремизма, а также противодействие использованию средств массовой информации и религиозной аудитории для пропаганды его идей.

6. Выявить в общем потоке исламистских политических идей и теорий те силы, которые могут сбалансировать довольно заметный рост авторитарных и радикальных концепций и составить «полюс умеренности».

Наконец, необходимо также отметить, что профилактика терроризма – это ещё и разработка так называемой «антитеррористической идеологии», способной объединить международное сообщество для реализации общей цели: противодействие любым террористическим проявлениям и искоренение источников распространения экстремистских идей.

В основу антитеррористической идеологии было бы целесообразно заложить следующие ключевые положения:

– отторжение любых идей экстремистского толка;

– недопущение использования религиозных, культурных и иных различий для разжигания межнациональной розни;

– широкую пропаганду идей толерантности и неприемлемости применения насилия при разрешении международных конфликтов;

– недопущение сочувствия действиям террористов со стороны широкой общественности;

– информационно-пропагандистское воздействие на отдельные категории граждан, потенциально наиболее подверженных радикализации (молодежь, мигранты из мусульманских стран, амнистированные боевики);

– развитие правовой культуры в обществе, устранение правовой неграмотности среди граждан в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

Примечания

[1] *Чапарро Х.Д.* Терроризм – чума XX–XXI столетий // Развитие личности, 2004. № 2.

[2] *Галицкий В.П.* Государственная идеология в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Обозреватель–Observer. 2010. № 12.

[3] *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2010. С. 34.

[4] *Орлов А.А.* Историческая основа терроризма в Испании // Обозреватель–Observer. 2009. № 10.

[5] Patterns of Global Terrorism – 2010 Released the Office of the Coordinator for Counterterrorism (January 19, 2010) // Foreign Terrorist Organizations // URL: www.state.gov. U.S. State Department. Retrieved 17 June 2010.

[6] *Хенкин С.М., Самсонкина Е.С.* Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. М.: МГИМО(У) МИД России, 2011. С. 248, 254, 339, 301.

[7] *Calleja J. M., Sanchez-Cuenca I.* La derrota de ETA. De la primera a la ultima victima. Madrid, 2006. (Цит. по: *Хенкин С.М., Самсонкина Е.С.* Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. М.: МГИМО(У) МИД России, 2011. С. 207).

[8] *Орлов А.А.* Проблема терроризма в Испании. ЭТА – «ударный отряд» баскского национализма. М., 2009. С. 136.

[9] Euscobarometro. Estudio periodico de la opinion publica vasca. Universidad del Pais Vasco, Mayo 2010. P. 43, 44.

[10] *Кобо Х.* Баскский узел: рубить или развязывать? // НГ. 2000. 8 дек. С. 8.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: **E-mail: observer@ru.ru** или предоставляется на дискете в программе Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кг. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество полностью, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

http://www.rau.su

Современные векторы в международных отношениях России

Александр Борщ

Обеспечению национальной безопасности России в период глобализации способствует ее активная внешняя политика, основное внимание которой в настоящее время сосредоточено на поиске согласования позиций и совпадающих интересов с другими государствами на основе системы двусторонних и многосторонних взаимовыгодных партнерских отношений.

Формирование благоприятных условий для устойчивого развития России на долгосрочную перспективу может быть достигнуто прежде всего за счет обеспечения стратегической стабильности, в том числе при сохранении ядерного паритета и последовательного продвижения к миру, свободному от ядерного оружия, и создания условий равной безопасности для всех[1].

Позицию России по этому вопросу изложил в одном из своих выступлений (январь 2012 г.) министр иностранных дел С.Лавров, который отметил, что мир вступил в полосу глубоких преобразований, в результате чего радикально меняется геополитический ландшафт. Эти перемены сопровождаются возрастающей турбулентностью на глобальном и региональном уровнях, накоплением кризисных явлений в мировой экономике и политике.

Россия в этих условиях действует в интересах международной стабильности, активизации поиска коллективных решений тех проблем, с которыми

БОРЩ Александр Александрович – кандидат юридических наук. *E-mail:* boretz.alexandrer@yandex.ru

Ключевые слова: многовекторность, безопасность и сотрудничество в Европе и Азии, организация Азиатского договора.

сталкивается мировое сообщество. Исходя из этого, министр в качестве основополагающих принципов внешней политики России в современных условиях указал на многовекторность, прагматизм, открытость, настойчивое, но без конфронтации отстаивание интересов национальной безопасности[2].

Многовекторность внешней политики России объясняется ее геостратегическим положением как евразийского государства и необходимостью защиты своих политических, экономических и военных интересов как на западе, так на юге и востоке.

Это объясняется прежде всего тем, что Россия обладает самой большой в мире территорией, которая служит своеобразным мостом между Европой и Азией. Ее недра хранят значительную часть мировых минеральных ресурсов. Население России имеет весьма высокий образовательный уровень. В современных условиях это обстоятельство весьма существенно для стратегического позиционирования страны. Не следует забывать и о том, что Россия, наряду с США, обладает самым большим ядерным потенциалом[3].

Среди новых глобальных вызовов и угроз стабильного развития человечества особо следует выделить:

- природные катаклизмы;
- угрозу техносуицида;
- кризис мировоззрений;
- геодемографические вызовы;
- противоборство вокруг Евразии;
- информационную войну;
- «традиционные» войны и терроризм[4].

На западном векторе обеспечение национальной безопасности России в значительной степени зависит от ее отношений с НАТО и Европейским союзом, на Востоке –связано со становлением и развитием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и БРИКС.

На западном направлении уже сейчас у России налажен интенсивный диалог по широкому спектру вопросов.

Под эгидой Совета Россия – НАТО работают на постоянной основе около 20 специализированных групп, перед каждой из которых стоит цель достижения конкретных результатов.

Наиболее перспективным представляется сотрудничество России с Североатлантическим альянсом по проблемам противоракетной обороны (ПРО); нераспространения оружия массового поражения и средств его доставки; кризисного регулирования; оперативной совместимости. Ведется активная работа в области военных реформ; разработан и реализуется совместный план действий России и НАТО по борьбе с терроризмом, который предусматривает три уровня взаимодействия: предотвращение террористических угроз, непосредственную борьбу с террористическими организациями, а также ликвидацию последствий террористических актов[5]. О необходимости усиления борьбы с международным

терроризмом говорил и Президент России Д.А.Медведев в (март 2012 г.)[6].

В то же время в отношениях между сторонами существует ряд противоречий и проблем. Россия, например, не видит смысла в продвижении альянса на Восток и создании ПРО в Европе.

Принципиально разный у России и НАТО подход и к ратификации Договора об обычных вооруженных силах в Европе[7].

Российская Федерация ратифицировала этот Договор, в то время как НАТО продолжает настаивать на увязке ратификации с выполнением Россией Стамбульских соглашений[8], касающихся вывода российских военных баз с территории Грузии и Молдавии.

Кроме того, сторонам не удалось достичь более высокого уровня координации действий в борьбе с международным терроризмом.

На восточном направлении назрела необходимость активизации внешнеполитической и политико-экономической деятельности России в рамках таких организаций региона, как: Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности, Организация содружества Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики.

Особую роль здесь играет Шанхайская организация сотрудничества, которая основана в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Еще в 1996–1997 гг. страны ШОС, за исключением Узбекистана, подписали соглашение об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы. ШОС не является чисто военным блоком, а занимает промежуточную позицию[9].

Дальнейшему укреплению ШОС должен поспособствовать намеченный на 6–7 июня 2012 г. саммит государств-участников в Пекине[10], а также предстоящая рабочая встреча министров иностранных дел, на которой должны быть подготовлены и согласованы основные документы для Пекинской встречи.

На саммите предполагается обсудить проблемы международного характера и принять итоговую Декларацию, в которой определить шаги ШОС по укреплению безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и стабилизации положения на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

На саммите будет также принята к рассмотрению Программа дальнейшего укрепления сотрудничества государств ШОС по борьбе с существующими угрозами на период до 2015 г., а также взаимодействия государств Организации в сфере обеспечения международной безопасности, в частности противодействие терроризму. Предполагается предоставить Афганистану статус наблюдателя при ШОС, а Турции – статус партнера по диалогу.

На саммите будет рассмотрен вопрос о проведении международной встречи по Афганистану 14 июня 2012 г. в Кабуле, а также одобрено предложение о принятии в ШОС Индии и Пакистана.

Отдельно на саммите намечается обсудить ситуацию в Сирии и Ираке, которая, по мнению участников Саммита, может быть разрешена только

на переговорах с участием заинтересованных сторон.

Пекинский саммит ставит своей целью еще раз подтвердить возможность и необходимость дальнейших усилий стран Азиатско-Тихоокеанского региона в стабилизации обстановки не только на Дальнем Востоке, но и в мире.

Деятельное участие принимает России и в Организации Договора о коллективной безопасности. Этот военно-политический союз был создан государствами СНГ на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ) еще 15 мая 1992 г. В настоящее время основными задачами ОДКБ является защита территориально-экономического пространства стран – участниц Договора совместными усилиями вооруженных сил и вспомогательных подразделений от любых внешних военно-политических агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба.

В качестве примера успешной деятельности ОДКБ по оказанию взаимной помощи следует отметить ситуацию в Киргизии (июнь 2011 г.), вызванную противостоянием киргизской и узбекской диаспор и фактически приведшую к гражданской войне.

Тогда был экстренно созван Комитет секретарей Советов безопасности стран ОДКБ, где был решен вопрос об оказании военной помощи Киргизии путем введения в страну объединенного военного контингента. С этой просьбой к Президенту России Д.А.Медведеву обратилась Президент Киргизии переходного периода Роза Отунбаева. Но в связи с затуханием конфликта необходмость в этом отпала.

ОДКБ оказала Киргизской Республике помощь в:

– поиске организаторов беспорядков;

– осуществлении координации работы по пресечению деятельности террористических групп, которые из Афганистана фактически влияли на ситуацию в стране;

– активизации борьбы с наркомафией, обосновавшейся на юге Киргизии;

– организации контроля всех информационных источников, работавших на юге страны[11].

Важным событием для развития и совершенствования деятельности ОДКБ явилась десятая, юбилейная встреча глав государств Организации (Москва, 15 мая 2012 г.)[12].

На встрече были подведены итоги деятельности ОДКБ по укреплению безопасности в Евразийском регионе, проанализированы некоторые просчеты и определены задачи по повышению эффективности деятельности Организации в будущем. Конкретные мероприятия по противодействию глобальным и региональным вызовам и угрозам государствам – участникам Организации были сформулированы в принятой на встрече Декларации глав государств – членов ОДКБ, в которой дана коллективная оценка основных тенденций развития и углубления союзнических отношений во внешнеполитической, военной и научно-технической областях, в сфере противодействия угрозам и укрепления стабильности.

Главы государств также приняли решение об учреждении Почетного знака ОДКБ как формулы поощрения государственных и общественных деятелей, внесших большой вклад в укрепление ОДКБ.

Весьма существенную и своевременную роль в обеспечении национальной безопасности России играют ее отношения с членами БРИКС* – группой из пяти быстроразвивающихся стран (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика).

Еще на третьем саммите БРИК (13–14 апреля 2011 г., Санья, КНР) было принято решение включить в группу пятого ее члена – ЮАР.

По итогам саммита была подписана совместная декларация, в которой были сформированы основные направления мировой политики и план действий на ближайший год. Очередной саммит БРИКС состоялся весной 2012 г. в Индии[13].

По мнению *Goldman Sachs*, к 2050 г. суммарные объемы экономики стран этой группы превысят объемы экономики самых богатых стран мира («Большой семёрки»). Уже в 2012 г. страны БРИКС заняли довольно высокие позиции во многих экономических, социальных, политических и военных рейтингах.

Например, экономика Китая является второй по величине в мире, в то время как Индия – четвертая по темпам роста ВВП. Высокие позиции в экономике, занимают и другие страны БРИКС.

Следует отметить, что основными стратегическими партнерами России на Востоке являются прежде всего Китай и Индия.

В июне 2005 г. во Владивостоке состоялась неформальная встреча министров иностранных дел трех стран, на которой обсуждались, в том числе, и вопросы обеспечения международной безопасности[14].

В Совместном коммюнике по итогам встречи было отмечено: «Министры заявили о намерении России, Индии и Китая сотрудничать в трехстороннем формате в борьбе с новыми угрозами и вызовами. Они подчеркнули, что терроризм во всех формах и проявлениях и независимо от его истоков и мотивов представляет собой одну из самых серьезных угроз международному миру и безопасности. Они согласились в том, что борьба с ним должна вестись на долгосрочной и последовательной основе, без применения двойных стандартов. Стороны отметили необходимость скоординированных действий правоохранительных органов трех стран в борьбе с наркотрафиком и другими проявлениями трансграничной преступности»[15].

Но сегодня существование упомянутых организаций уже недостаточно.

Есть целый комплекс международно-правовых и политико-экономических вопросов в Азиатском регионе, которые пока выпадают из поля зрения существующих организаций. Поэтому реально назревает необходимость создания в Азии новой международной структуры, например, – Организации Азиатского договора (*Asian Treaty Organization – ATO*). Создание новой организации – это не противостояние ее каким-либо уже существующим военно-политическим блокам[16].

Создание новой международной, политической и экономической организации с включением в нее, помимо России, Китая и Индии еще, например, Вьетнама, Пакистана, Таиланда и Южной Кореи могло бы

---

* До 2011 г. использовалась аббревиатура БРИК. После присоединения ЮАР (18 февраля 2011 г.) группа стала носить название БРИКС – *BRICS*.

послужить углублению сотрудничества азиатских стран.

Главенствующую роль в новом союзе могла бы играть Россия, располагающая существенным политическим авторитетом, а также экономическим и военным потенциалом. Кроме того, она пользуется определенным влиянием в Азии как евразийское государство.

Цель такой организации – защита политических и экономических интересов стран-участниц в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сохранение здесь стабильности, в том числе военной.

В политическом отношении предлагаемая организация могла бы обеспечить стабильность политического положения стран на Азиатском континенте; недопущение вмешательства других государств во внутреннюю политику ее членов; укрепление культурных связей стран-участниц.

В экономическом отношении создание такой организации может способствовать увеличению взаимовыгодного товарообмена не только между членами организации, но и между другими странами; укреплению национальных валют, вплоть до создания единой валюты региона (подобно евро); более рациональному использованию сырьевых ресурсов стран-участниц; созданию здоровой конкуренции со странами Запада.

Возможность и целесообразность создания такой организации подтверждает активная экономическая деятельность Китая. В частности, он к началу 2012 г. в основном закончил второй евразийский (железнодорожный) «сухопутный мост» из Китая в Европу через Среднюю Азию и Турцию. Это главный ключ к завоеванию обширных экономических рынков в Евразии. Эта дорога значительно сократила стоимость грузоперевозок и время на их осуществление[17].

Подводя итог взаимоотношений России с другими странами в эпоху глобализма, следует отметить, что наша страна последовательно проводит курс на повышение превентивной и стабилизирующей роли политических мер предотвращения и урегулирования кризисов, а также всестороннее сотрудничество.

Непременным условием обеспечения национальной безопасности России является скорейшее урегулирование ситуации в кризисных регионах как за рубежом, так и в России.

Наша страна выступает гарантом и посредником в урегулировании локальных конфликтов на постсоветском пространстве (приднестровского, нагорно-карабахского, грузино-абхазского, грузино-осетинского).

Одним из важных условий обеспечения национальной безопасности России в период глобализации является расширение ее взаимоотношений со странами как на Западе, так и на Востоке, при котором обеспечивается поддержание международного мира, противодействие актам агрессии и другим угрозам безопасности.

Национальная безопасность России может быть усилена за счет дальнейшего укрепления сотрудничества России с ООН, региональными организациями в сфере безопасности, а также двустороннего и многостороннего сотрудничества в области безопасности. Но России для укрепления ее евразий-

ских позиций, прежде на Востоке, следует рассмотреть вопрос о возможности создания новой международной политической и экономической организации – Организации Азиатского договора.

Примечания

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // РГ. 2009. № 4912. 19 мая.

[2] РГ. 2012. 19 января. № 5683.

[3] *Щербаков А.Ю.* Современная компьютерная безопасность. Теоретические основы. Практические аспекты. М.: Книжный мир, 2009. С. 352.

[4] *Небренчин С.* Глобальные вызовы и угрозы национальной безопасности // URL: http://www.csef.ru/studies/defence/projects/military_strategy_revew/articles/1447

[5] *Штоль В.В.* Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ. 2010. С. 76, 233; *Максимычев И.* НАТО и Россия в начале третьего тысячелетия // Обозреватель–Observer. 2006. № 9. С. 12–25; *Кириллов В.* Россия и НАТО: геостратегические реалии // Военная мысль. 2007. № 9. С. 2–12; *Андреев Е.* Россия и НАТО: развитие стратегического партнёрства // Обозреватель–Observer. 2004. № 12. С. 90–95; *Богомолов В.* Россия – НАТО // ПГ. 2008. 10 апр. № 24/25.

[6] Пресс-конференция по итогам саммита по ядерной безопасности // URL: http://kremlin.ru/transcripts

[7] Вашингтон засекретил информацию. Но Россия сможет получить ее от союзников // РГ. 2011. № 5640(264). 24 ноября.

[8] Мифы и реальность стамбульских договоренностей // РГ. 2005. № 3738. 6 апр.

[9] *Комиссина И.Н., Куртов А.А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М.: Российский институт стратегических исследований, 2005. С. 17; *Болятко А.В.* Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. Материалы круглого стола. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. С. 12–41.

[10] РГ. 2012. 8 июля.

[11] Организация Договора о коллективной безопасности (2002–2009 гг.). Минск, 2010. С. 40.

[12] Красная звезда. 2012. 16 мая.

[13] URL: http://www2.goldmansachs.com/our-thinking

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su E-mail: observer@ru.ru

Феномен глобального управления в трактовке западных ученых

Денис Трухин

В течение последних десяти лет представление о проблематике глобального регулирования международных отношений претерпело значительные изменения. Основной причиной этого стал пересмотр структуры системы мировой политики в начале 90-х годов XX в. Общественные и политические потрясения той поры привели к оживлению дискуссий о необходимости глобального регулирования.

Постепенно сложилось в довольно общем виде следующее понимание регулирования: регулирование – это управление отдельными международными процессами с целью предотвращения их потенциальных отрицательных последствий для мирового сообщества. Тем не менее говорить о глобальном управлении как об общепринятом понятии в настоящее время оснований нет, частично по причине продолжения активного процесса изучения как практики регулирования, так и отдельных черт самого регулирования.

Следует признать, что отсутствие единого общепринятого научного определения какого-либо феномена международной жизни в теории международных отношений не является редкостью. Например, до сих пор в науке нет строгих формулировок, определяющих такие понятия, как «стабильность» или «глобализация»[1]. Многие исследователи в настоящее время признают существование регулирования, однако они не согласны между собой по ряду связанных вопросов:

– кто, как и на каком уровне способен осуществлять международное регулирование;

– глобальное управление является следствие деятельности отдельных субъектов (акторов) международных отношений или же всей системы в целом;

ТРУХИН Денис Владимирович – аспирант факультета глобальных процессов, МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: dennis.trukhin@gmail.com

Ключевые слова: глобальное управление, глобальное регулирование, глобализация, мировое управление.

– какова действительная форма глобального регулирования в современном мире и к какому типу его можно отнести.

Global governance: регулирование или управление?

Исследователи, рассматривая сущность регулирования, заняли кардинально различные позиции. Одни из них не считают поиск подходящего феномену определения сколь-нибудь важной задачей; другие признают проблематику регулирования частью общих проблем «новой повестки дня мировой политики»; третьи, критикуя предыдущую позицию, предлагают авторам концепции регулирования выявить основные характеристики изучаемого явления и дать ему строгое определение.

Некоторые авторы считают невозможным найти своеобразную точку отсчета для подтверждения факта самого существования регулирования, объясняя ее сложностью применения дисциплинарного подхода: концепция регулирования несет в себе значительную долю философской проблематики, что дало основания критиковать ее как «неточную» и «надуманную»[2].

В зарубежной политологии понятие «мировое регулирование» обозначается с помощью термина *global governance*.

Как указывает Дж.Фридрихс, «очень сложно перевести слово *governance* на другие европейские языки, хотя данное понятие и появилось в Европе еще в XIV веке».

Европейские научные школы трактуют этот термин сообразно с собственным культурным и научным контекстом, понимая под глобальным управлением «поступательный процесс, посредством которого интересы субъектов могут быть суммированы и реализованы на основе согласованных действий в рамках формальных или неформальных институтов или режимов, созданных индивидами или государствами на добровольной основе в целях, отвечающих их интересам»[3].

Культурологический контекст понятия *governance*, сформированного под влиянием англосаксонских традиций, для использования его в русском языке требует некоторых пояснений.

Точным переводом термина *governance* является «управление», при этом выражение *global governance* правильнее было бы трактовать как «глобальное управление». Однако в английском языке слово «управление» имеет значение скорее устройства или механизма, которое обеспечивает порядок, а в русском оно более соотносится с процессом, в рамках которого субъект управляет объектом. Для российской ментальности ключевым моментом управления является не само устройство системы управления, а распределение ролей: кто управляет и кто является управляемым.

«Мировое регулирование» в российском понимании – это регулирование международных процессов в широком смысле, существующее независимо от однородности мира в ценностном отношении. В этом смысле проблема мирорегулирования становится более фундаментальной академически и более нейтраль-

ной политически. Если западных исследователей волнуют вопросы, при помощи каких инструментов, правовых и этических норм сделать мир более либеральным и однородным, то отечественные исследователи задаются следующими вопросами: кем, как, в интересах каких субъектов и на каких условиях происходит регулирование международных процессов. Лишь только в последнее десятилетие стало возможным говорить о сближении подходов зарубежных и российских ученых.

Именно поэтому в российской научной литературе более распространенным и часто используемым является термин «регулирование», а не «управление». Тем не менее недопустимо говорить о тождественности этих понятий. «Глобальное регулирование» связывается с уменьшением неуправляемости глобальных процессов, приданием некой упорядоченности процессам развития международных отношений как системы. В этом значении наиболее уместным представляется использование термина *regulation*, однако он будет требовать необходимых пояснений, поскольку в сознании зарубежных исследователей он, скорее всего, не будет ассоциирован с привычной для них тематикой исследований.

Основные подходы к интерпретации управления международными отношениями

С точки зрения прикладного анализа можно выявить два подхода к интерпретации международных отношений – реалистический и институциональный.

Интерпретации регулирования в **реалистической** (а затем и в неореалистической) традиции берут свое начало в классических трудах Р.Арона и К.Уолтца.

Регулирование рассматривалось как механизм, позволяющий управлять международным порядком, который в любой момент времени мог быть представлен как соотношение потенциалов основных акторов. Кроме того, регулирование трактовалось ими как «неинституционализированное материально-силовое воздействие», периодически направляемое в адрес тех или иных акторов посредством формальных и неформальных каналов.

Этот принцип материально-силового воздействия в реалистической школе понимается как механизм уравновешивания потенциалов государств и может быть реализован, основываясь либо на равновесии сил, либо на гегемонии.

Идеология **институционального** подхода была сформирована в конце 80-х годов XX в. под определяющим влиянием теории режимов. Сторонники этого подхода (Р.Кохейн, М.Леви, Дж.Рагги, Э.Хаас, О.Янг) давали определение регулирования через призму режимов. Режимы трактовались как «набор правил и норм, регулирующих взаимодействие субъектов»[4], а регулирование – как «институционализированный способ воздействия на поведение субъектов посредством созданных ими же режимов»[4].

Для институционального подхода характерен акцент на инструментарий регулирования, в качестве кото-

рого выступают международные институты, а также интерес к вопросам становления универсального многостороннего глобального управления за счет уменьшения роли государственного регулирования на базе двусторонних отношений и сотрудничества узкого круга государств.

Дальнейшие попытки систематизировать теорию режимов привели к формированию **неолиберального институционализма** (неоинституционализма), для которого характерным является синтетический конструктивистский взгляд на проблематику глобального регулирования.

Неолиберальный институционализм трактует понятие «институт» как «набор правил, определяющих способы сосуществования государств в условиях сотрудничества или конкуренции»[5].

Под регулированием же понимается «совокупность формальных и(или) неформальных инструментов и механизмов, организующих и координирующих социально-экономические отношения субъектов»[5] на различных уровнях.

Позже в работе Дж.Айкенбери «После победы: институты, стратегическая сдержанность и перестройка порядка после больших войн» была предпринята попытка теоретически оформить неолиберальное видение проблемы институционализма. Айкенбери попытался объединить сильные стороны существовавших к тому времени методологических школ: реализма, неолиберализма, теории режимов.

По мнению Айкенбери, «создание институтов как механизмов политического контроля определяется двумя переменными: различиями в силовом потенциале и типах правления»[6].

Чем больше разница между потенциалами двух государств, тем сильнее становится стремление более сильного государства закрепить существующий порядок вещей посредством внедрения соответствующих институтов (с одной стороны), и тем активнее становится деятельность других государств по ограничению потенциала гегемона другим набором институтов (с другой стороны). Кроме того, Айкенбери также отмечал, что в случае демократического устройства стран, создающих данные институты, формирование этих институтов значительно облегчается. Демократическое устройство также способствует расширению и углублению сотрудничества между государствами и препятствует осуществлению альтернативных политических идей и утопий[6].

Одним из принципиальных вопросов в концепции регулирования является вопрос о суверенитете, так как международные акторы, формирующие и в дальнейшем реализующие правила поведения на глобальном уровне, неизбежно заимствуют часть суверенитета у государственных акторов.

Как считает Дж.Розенау, в условиях необходимости создания таких правил принцип суверенитета перестает отвечать изменяющимся потребностям современности. В условиях увеличения числа и активности негосударственных акторов, стремящихся принимать участие в регулировании наравне с государственными акторами, «вертикальному» регулированию (выстроенному соответственно с иерархией матери-

ально-силовых потенциалов государств) приходит на смену «горизонтальное», осуществляющееся либо независимо от иерархии, либо вопреки ей[7].

Как считает Дж.Фридрихс, глобальное регулирование может осуществляться только глобальным гражданским обществом. «Государство участвует в управлении; гражданское общество – в регулировании»[3].

Регулирование является свойством социальной системы, служащее упорядочиванию взаимодействий в совокупности социальных, политических и экономических акторов, не имеющей собственной иерархии. Субъектом регулирования в таком случае выступает не столько отдельно взятое государство, сколько система всех международных акторов или, согласно теории Х.Булла и Дж.Фридрихса, глобальное гражданское общество, действующее рамках норм и правил, заданных институтами гражданского общества.

На практике, однако, роль такого общества до 2000 г. играла неформальная полуинституционализированная «Группа восьми» *(G8)*. События и войны 2000–2003 гг. внесли дополнительную дисгармонию в видение проблематики регулирования. Начался новый цикл обсуждений, связанный с кризисом «неолиберализма» и частичной «деинституционализацией» международных отношений. Исследование проблематики регулирования стало смещаться в область анализа идей «американской империи».

Идея «американской империи»

Идея «американской империи» зародилась в 40-х годах XX в. и во многом связана с интервенционализмом, присущим внешней политике США.

Как считает Ч.Купчан, во время президентского срока Ф.Д.Рузвельта республиканцы и демократы достигли консенсуса в отношении основополагающих принципов государственной внешнеполитической стратегии. В практическом плане выработанный подход стал основой того, что сегодня принято называть реалистическим и либеральным компонентами, составляющими внешнюю политику США.

Реалистический компонент имеет в своей основе механизмы сдерживания, устрашения потенциального противника и поддержания глобального баланса сил (эти механизмы известны как *«доктрина Вулфовица»*).

Либеральный компонент внешней политики делает акцент на сотрудничестве с международными негосударственными акторами, открытость в отношении глобальных рынков и «расширение демократии» посредством экспорта культурных и моральных ценностей, свойственных американскому обществу (этот компонент известен как *«доктрина Лейка»*)[8].

В 2000 г., после прихода к власти в США республиканской администрации Дж. Буша-младшего, внешнеполитическая стратегия страны претерпела серьезные изменения, которые позволяют говорить о преобладании концепции «жесткой» гегемонии во внешней политике США.

Одним из шагов к практической реализации этой гегемонии можно считать военные действия США против Ирака (март 2003 г.), не подкрепленные мандатом ООН.

Основной идеей данной концепции является утверждение глобального лидерства США и создание такого международного порядка, при котором США могли бы оказаться единственным государством, имеющим возможности и обладающим потенциалом для регулирования системы международных отношений.

Многие исследователи скептически настроены по отношению к идее «американской империи». Большая часть американского населения, а также политиков, государственных служащих, научных сотрудников, аналитиков и журналистов никогда не считала США империалистическим государством и отрицала любые утверждения о том, что их государство стремится стать таковым. По мнению большинства американцев, их государство – это наиболее развитая форма демократии, которой чужды любые попытки и стремления превратиться в империю. В американской культурной матрице слово «империя» имеет отрицательную коннотацию, так как в период «холодной войны» империей было принято считать СССР. Официальный Вашингтон сохраняет аналогичную позицию, придерживаясь принципа политкорректности.

Точно такой же позиции придерживаются и исследователи-«интернационалисты».

По неоднократным заявлениям американского исследователя международных отношений, близкого к администрации президента, Лоуренса Саммерса, США – это «единственная в истории неимпериалистическая супердержава».

По мнению Дж.Ная, применение термина «империя» в отношении современных США нельзя считать полностью оправданным. В настоящее время США владеют гораздо более значительными материальными и силовыми ресурсами по сравнению с Британской империей (по состоянию на период расцвета ее могущества), однако США не обладают столь же обширным влиянием, какое Британская империя оказывала в XIX в. едва ли не на четвертую часть мира.

Как считает Най, современный мир представляет собой трехуровневую шахматную доску:

– верхний уровень является однополярным и находится под управлением США;

– второй уровень доски многополярен: на нем Европейский союз и Япония составляют США конкуренцию в экономической сфере;

– на третьем уровне представлены транснациональные акторы мировой политики, и понятие полярности для него неприменимо.

Изучая возможности США в контексте каждого из уровней, Дж.Най высказывает критику в адрес американской администрации, что та пытается решить проблемы, свойственные третьему уровню, инструментами и методами первого уровня. Международный терроризм, оборот наркотиков, международная преступность – все эти глобальные проблемы, возникающие на третьем уровне, нельзя решить, пользуясь только лишь превосходством в военной силе. Против них следует использовать так называемую «мягкую» силу, координируя свои действия с другими международными акторами, как государственными, так и негосударственными.

Согласно Дж.Наю, «США устранили иракского тирана, но одновременно предоставили «Аль-

Каиде» возможность пополнения своих рядов за счет новых иракских рекрутов, недовольных американской операцией в Ираке»[9].

Подобные идеи можно найти в работах политолога Бенджамина Барбера. По его мнению, в попытке оказать сопротивление терроризму США нарушают сложившийся международный нормативно-правовой порядок. Кроме того, глобализационные процессы не позволят Америке превратиться в империю в полном значении этого термина, поскольку мир слишком сложен, а его части настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, что управление ими из одного центра не представляется возможным. Далее, силовые методы США в построении международного порядка могут привести к увеличению числа государств, враждебно настроенных как по отношению к США, так и к самой идее централизованного управления, что в итоге вызовет в первую очередь разрушение «американской империи», а затем и американской республики как таковой.

В качестве альтернативы данному сценарию развития Б.Барбер называет создание «космополитического порядка универсального права». По мнению исследователя, такой порядок предполагает создание универсальной нормативно-правовой системы, существующей в рамках многостороннего политического, экономического и культурного сотрудничества. Не исключается и применение военной силы, которая тем не менее должна действовать исключительно по мандату какого-либо высшего органа на основании многостороннего договора[10].

Несмотря на то что за последние два десятка лет имеется огромная библиография литературы по проблематике глобального управления международными отношениями, говорить о формировании целостной и непротиворечивой теории глобального управления представляется пока довольно поспешным. Это объясняется, в первую очередь, сложностью определения явления глобального регулирования и существованием ряда конкретных вопросов, уводящих внимание исследователей от непосредственного решения методологических задач. Также можно говорить о том, что в настоящее время при исследовании проблематики глобального регулирования преобладает конкретно-прикладное начало. Американской науке этот аспект свойственен в гораздо большей степени, нежели западноевропейской или российской.

Необходимо также отметить, что в связи с социально-политическими потрясениями, с которыми России пришлось сталкиваться на протяжении последних 20 лет (смена государственного строя, идеологии и во многом самой цивилизационной матрицы), можно говорить только лишь о начальном периоде вхождения России в складывающуюся систему глобального управления, характеризующимся философским и научным осмыслением самого феномена и связанной с ним проблематики.

Примечания

[1] *Темников Д.М.* Проблемы мирового регулирования в современной зарубежной политологии // Международные процессы. 2011. № 2(26).

[2] *Rosenau J.* Governance in the Twenty-first Century // Global Governance. 1995. Vol. 1.
[3] *Friedrichs J.* Global Governance as the Hegemonic Project of Liberal Global Civil Society // URL: www.cpogg.org
[4] *Young O.* Political Leadership and Regime Formation: On the Development of Institutions in International Society // International Organization. 1991. Vol. 45. № 3. P. 282.
[5] *Mearsheimer J.* Neoliberal Institutionalism: A Perspective on World Politics // International Institutions and State Power: Essays in International Relations Theory. R. Keohane (ed.). Boulder, 1989. P. 163.
[6] *Ikenberry G.* After Victory. Institutions, Strategic Restrain, and Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton, 2001. P. 5.
[7] *Rosenau J.N.* Globalization, Security, And The Nation-State: Paradigms In Transition. State University of New York Press, 2005.
[8] *Ikenberry J.* America's Imperial Ambition // Foreign Affairs. 2002. Sept./Oct. P. 45–47.
[9] *Nye J.S. Jr.* Global Competition After the Cold War: A Reassessment of Trilateralism, co-authored with Kurt Biedenkopf and Motoo Shiina. N.Y.: The Trilateral Commission, 1991.
[10] *Barber B.* Fear's Empire: War, Terrorism, and Democracy. N.Y.: Norton, 2003.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Франко-бельгийское трансграничное профсоюзное сотрудничество

Элла Ермакова

Профсоюзное движение в западноевропейских странах всегда ассоциировалось у нас с крупномасштабными манифестациями трудящихся, спокойно и размеренно проходивших по главным улицам больших городов под красными знаменами. Организованность и эффективность этих демонстраций сплоченности рабочего класса зачастую вызывали смешанные чувства, от некоторой тревоги до восхищения, которые обычно вызывают явления малопонятные.

С появлением и развитием Европейского союза профсоюзное движение в европейских странах вышло на новые рубежи, постепенно приобретая единые общеевропейские черты. Процесс этот длительный и сложный, поскольку предполагает своего рода гармонизацию организационного, структурного и юридического опыта разных стран в этой области.

В данном контексте трансграничное профсоюзное сотрудничество между Францией и Бельгией, этими двумя странами в самом сердце Европы, обычно исследуется по двум главным направлениям. *Первое* касается типичного для приграничных территорий несоответствия в заработной плате и в законодательных базах, регулирующих трудовые отношения. *Второе* направление связано с медленным, но настойчивым появлением такого типичного для современности явления, как евросиндикализм, появившегося в результате стирания границ в новой

ЕРМАКОВА Элла Владимировна – соискатель кафедры социологии МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* ella_ermakov@mail.ru

Ключевые слова: франко-бельгийское трансграничное сотрудничество, европейские профсоюзы, Международная конфедерация профсоюзов (МКФ).

Европе свободного перемещения товаров, капиталов и людей[1].

Существуют две географические зоны, где трансграничное франко-бельгийское профсоюзное сотрудничество проходит своеобразное тестирование на возможность социального диалога между всеми участниками процесса – это: регион Нор-Па-де-Кале (Франция) – Эно – Фландрия (Бельгия) – Кент (Великобритания) и регион Трех границ Лонгви (Франция) – Роданж (Люксембург) – Атюс (Бельгия).

Однако анализ процесса интеграции профсоюзного движения Франции и Бельгии невозможен без хотя бы краткого исторического экскурса, который объясняет логику и закономерность современного этапа этого явления.

Зона Нор-Па-де-Кале – Эно – Фландрия – Кент стала еще в конце XIX в. своего рода пионером свободного приграничного обмена рабочей силой.

Об этом, в частности, свидетельствуют архивные материалы французских департаментов и местные газеты того времени, которые с негодованием писали о засилии бельгийских рабочих-иммигрантов (валлонов и фламандцев) в приграничных зонах, и о том, какие драматические последствия можно ожидать от использования иностранной рабочей силы в период всеобщей бедности и кризиса[2].

Особенность такого притока дешевой рабочей силы из Бельгии во Францию объяснялось тем, что рабочие и их семьи предпочитали окончательно поселиться во Франции, а не возвращаться домой после завершения контрактов. Это особенно устраивало французских промышленников, заинтересованных в недорогой, спокойной и квалифицированной рабочей силе, которую можно было с успехом использовать в таких отраслях промышленности, как текстильная, а также в сельском хозяйстве и на общественных работах. Подобное явление не могло не вызвать протеста французов, особенно в годы кризиса (1846–1852 гг.), что привело к открытому противостоянию между ними и бельгийскими иммигрантами[1].

Трансграничное сотрудничество между Францией и Бельгией перешло на новый уровень в связи с общим экономическим подъемом в Западной Европе и, в частности, с бурным развитием общественного транспорта в 80-х годах XIX в.

Именно общественный транспорт предопределил совершенно новую структуру использования рабочей силы, отдалив территориально трудящихся от места работы. В этот период в наиболее развитых странах Европы впервые появились доступные всем проездные билеты, а также транспортные железнодорожные абонементы для более длительных поездок[1].

Трансграничные контакты становились все более разнообразными, давая возможность все большему количеству людей участвовать в этом процессе. Следует отметить, что во франко-бельгийском профсоюзном сотрудничестве в приграничных зонах были прежде всего заинтересованы бельгийские профсоюзы, что закономерно, если учитывать демографический фактор и различный уровень экономического развития этих соседних стран. Динамично

развивающаяся Франция страдала от нехватки рабочих рук, тогда как в Бельгии положительная демографическая динамика на рубеже XIX–XX вв. значительно опережала экономическую составляющую. Отсюда вытекает и значительная разница в заработной плате, которая во Франции была намного выше, а условия труда лучше. В то же время французские промышленники и финансисты заинтересовались бельгийским приграничным городом Мускрон и его окрестностями на предмет размещения там филиалов своих предприятий[3].

Подобное развитие событий повлекло за собой необходимость создания по обе стороны границы консультативного органа, который получил название комитета пропагандистов.

Его целью было урегулирование возникающих трудовых споров. Роль профсоюзов возрастает в период между Первой и Второй мировыми войнами. В эти сложные годы Бельгия переживает и ряд финансовых кризисов, вынудивших еще большее количество рабочих искать работу во Франции. Со своей стороны, французы резко ужесточают отношение к иностранным рабочим. Бельгийские профсоюзы активнее пытаются отстаивать интересы своих граждан на приграничных территориях, а их французские коллеги со своей стороны направляют все усилия на защиту прав своих трудящихся.

После Второй мировой войны ослабевшая Франция вновь стала нуждаться в дополнительных рабочих ресурсах. Франко-бельгийское сотрудничество в приграничной зоне снова оживилось.

Однако быстро развивающаяся во Франции система социального страхования увеличивала пропасть между местными и приезжими трудящимися. Разные уровни развития двух стран требовали все более согласованной системы социальной защиты, действующей по обе стороны границы[4]. Итоги этих профсоюзных усилий на десятилетия вперед изменили соотношение сил между соседями.

Так, французские предприниматели под напором местных профсоюзов были вынуждены заморозить, а в некоторых случаях даже значительно сократить использование бельгийских рабочих на таких предприятиях в приграничных зонах, как текстильные и металлургические.

Напротив, с бельгийской стороны на приграничных с Францией территориях наблюдается резкий рост экономики, приведший впоследствии к появлению во Фландрии крупных промышленных предприятий и, как следствие, к увеличению заработной платы, улучшению условий труда и социального страхования. К тому же неоднократное обесценивание французского франка неизбежно вело к ослаблению потребностей французской экономики.

Ситуация на франко-бельгийской границе к 50-м годам XX в. стала меняться. К 1948 г. движение бельгийцев в сторону Франции достигло своего максимального показателя. Затем в результате серьезного финансового кризиса 1949 г. наступил ощутимый спад.

Ситуация вновь выровнялась к 1953–1955 г. и достигла наивысшего уровня в 1958 г.

В 60-е годы XX в., когда Франция перешла к наращиванию собственной рабочей силы в

приграничных районах, поток бельгийцев во Францию вновь существенно уменьшился, упав с 21 718 чел. в 1970 г. до 5380 в 2000 г. Количество работающих в приграничных зонах Бельгии французов выросло с 1998 чел. в 70-м году до 18242 чел. в 2000 г.[1]

Изменения трудовых потоков между Бельгией и Францией ясно отражают те новые направления, которые происходили на рынке труда в приграничных территориях и определялись двумя основными факторами экономического плана: занятостью и оплатой труда. Поэтому резкий взлет заработной платы в Бельгии, начиная с 70-х годов, сразу же отразился на характере обмена трудовыми ресурсами.

Так, к примеру, в 1990 г. рабочий, занятый в промышленности во Франции, мог увеличить свою заработную плату на 30% в аналогичном секторе на бельгийской стороне[5].

Особенности подобных трансграничных контактов между двумя странами с их взлетами и падениями сразу же попали в поле зрения профсоюзов по обе стороны границы. По их мнению, подобная нестабильность объясняется прежде всего отсутствием системы общеевропейской гармонизации в области трудового законодательства, социального обеспечения и налогообложения.

Статус трансграничного трудящегося, определенный Конвенцией между Францией и Бельгией от 10 мая 1964 г. об устранении двойного налогообложения, ставит его в сложное положение, ибо он платит налоги в своей собственной стране, а подчиняется трудовому законодательству по месту работы в части заработной платы, взносов на социальное страхование и пр. Этот основополагающий документ, регулирующий трансграничное сотрудничество между двумя странами в области трудовых отношений, претерпел немало дополнений под воздействием, в частности, профсоюзного давления с обеих сторон[6]. Современное законодательство по вопросам социального страхования и налогообложения как во Франции, так и в Бельгии сыграло непоследнюю роль в кардинальных изменениях трудовых потоков в трансграничной зоне.

В середине 60-х годов, когда поток бельгийцев, работающих в приграничных районах Франции, резко сократился, валлонское сообщество открыто заявило о своем скептицизме в отношении роли Евросоюза в решении трансграничных проблем. В свою очередь, такие крупные бельгийские профсоюзы, как Конфедерация христианских профсоюзов (КХП), основанная в 1908 г., и Всеобщая федерация труда Бельгии (ВФТБ), основанная в 1898 г., продолжали предпринимать усилия для достижения большей сбалансированности франко-бельгийских трансграничных обменов в трудовой сфере[7].

Эта работа, начавшаяся сразу после Второй мировой войны, в 50-х годах XX в. приобрела формат регулярных двусторонних встреч. Важным результатом такого постоянного сотрудничества между двумя странами стала встреча, состоявшаяся 7 декабря 1966 г. во французском городе Лилле, представителей одного из крупнейших профсоюзов Французской демократической конфедерации труда (ФДКТ) округа Нор-Паде-Кале и Конфедерации христиан-

ских профсоюзов (КХП) Эно (Бельгия). Французские и бельгийские профсоюзные лидеры договорились об увеличении трансграничных трудовых потоков, а также о предоставлении французским трудящимся социального стандарта их бельгийских коллег[1]. По мнению двух профсоюзов экономическая ситуация трансграничных округов Нор-Па-де-Кале со стороны Франции и Валлонии со стороны Бельгии во многом была схожа из-за их параллельной индустриализации. Поэтому профсоюзные деятели как Франции, так и Бельгии пришли к выводу о необходимости и в дальнейшем способствовать гармоничному экономическому развитию этих трансграничных территорий. Отдельно рассматривался вопрос о трансграничном сотрудничестве в области образования, которое уже давно развивалось достаточно успешно. К тому же, по мнению профсоюзов, было бы неразумно организовывать аналогичные образовательные институты по обе стороны границы. В данном случае речь шла о создании единой для обоих округов системы координации учебных процессов, целью которой стало бы создание единых программ и требований для французских и бельгийских учащихся. В дальнейшем многие элементы франко-бельгийского опыта обмена студентами и организации их образования, предложенные профсоюзами, легли в основу общеевропейской концепции единого формата образования для всех стран Евросоюза.

Важным этапом в развитии профсоюзного европейского движения во второй половине XX и начале XXI в. можно считать создание в 1982 г. шестой по счету Международной конфедерации профсоюзов (МКП) на территории округа Нор-Па-де-Кале – Эно.

МКП достаточно быстро расширилась, объединив такие серьезные профсоюзы со стороны Бельгии, как Конфедерация христианских профсоюзов (КХП) и Всеобщая федерация труда Бельгии (ВФТБ), а со стороны Франции – «Форс увриер» (ФО), Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ), а с 1999 г. Всеобщая конфедерация труда (ВКТ), а также Британская конфедерация труда (БКТ)[8].

В начале 80-х годов прошлого столетия Международная конфедерация профсоюзов столкнулась с множеством трудностей, связанных с осуществлением совместной программы гармонизации трансграничного сотрудничества в области свободного перемещения рабочей силы. Необходимо отметить, что положительную роль в стабилизации трансграничных контактов в этой сфере сыграла в то время общая политика Европейского экономического сообщества (ЕЭС), направленная на сглаживание различий между странами-членами.

Так, в феврале 1986 г. всеми членами ЕЭС был подписан Единый европейский акт, который вступил в силу в 1987 г.[9] Этот документ внес поправки в Римский договор и другие соответствующие договоры и структурно оформил программу Единого рынка ЕС и реформу процессов принятия решений, что привело, в частности, к исчезновению таможенных барьеров между ними. Эти общеевропейские решения постепенно привели к усилению трансграничного профсоюзного сотрудничества. Главной целью Международной

конфедерации профсоюзов в этой новой обстановке стало создание так называемого единого социального еврооокна округа Нор–Па-де-Кале – Эно – Кент.

Эта консультативная организация была призвана помогать решать все вопросы, связанные с занятостью в трансграничном секторе труда по обе стороны границы. Подобный орган стал первым опытом такого рода в рамках Евросоюза.

В июле 1991 г. была подписана трехсторонняя Конвенция между французским Национальным агентством занятости, государственной валлонской службой занятости и образования и ЕЭС при участии профсоюзных и патрональных организаций. В январе 1992 г. к этой новой структуре примкнула Государственная служба занятости Фландрии и фламандские социальные партнеры[1].

Расширенная организация представляла собой первый общеевропейский опыт по обмену информацией о занятости, социальному и трудовому законодательству, профессиональной подготовке в странах – членах Евросоюза. Проект был представлен на рассмотрение в Европейскую комиссию ЕС* Конфедерацией европейских профсоюзов.

Эта организация была основана в 1973 г. и активно действует и сегодня в 36 европейских странах[10].

Однако эта пилотная инициатива вызвала с самого начала немало критических замечаний. Главным недостатком считалось отсутствии ясных целей как на уровне участия Евросоюза, так и на уровне определения общих задач. Участие крупных предпринимателей тоже оказалось достаточно формальным, чтобы можно было говорить об их реальном вкладе в общее дело. Тем не менее создание единого социального еврооокна, которое объединило всех социальных партнеров трансграничного сотрудничества в свободном перемещении рабочей силы, по-прежнему остается единственным опытом подобного рода.

Регион Трех границ Лонгви (Франция) – Роданж (Люксембург) – и Атюс (Бельгия) также представляет собой определенный интерес с точки зрения анализа трансграничного профсоюзного сотрудничества в Европе.

Экономическая и социальная обстановка в Западной Европе в 80-е годы прошлого столетия подтолкнула региональные профсоюзные организации, действующие в городах Лонгви, Роданж и Атюс, объединиться для защиты интересов трудящихся этих пограничных областей. Так родилась идея создания Межрегионального профсоюзного объединения (МПО), который начиная с 1987 г. объединяет 9 профсоюзов наемных работников трех стран[11]. С 1991 г. МПО совместно с другими социальными партнерами создает единое социальное еврооокно для округа Трех границ Логви – Роданж – Атюс, которое стало вторым после анало-

* Европейская комиссия ЕС – это высший орган исполнительной власти Евросоюза, отвечающий за выполнение решений ЕС, контролирующий соблюдение его законов в странах-членах и, если требуется, возбуждающий в суде Евросоюза иски против стран-членов за нарушение принятых обязательств.

гичной структуры региона Нор–Паде Кале – Эно – Кент.

Положительным итогом деятельности можно считать реализацию совместно с Еврокомиссией двух широкомасштабных проектов:

– анализ реального положения предприятий и преодоление различий между национальными законодательствами;

– создание системы профессионального обучения на предприятиях для наиболее уязвимых категорий рабочих.

Амбициозность вышеуказанных инициатив определяется прежде всего конечными целями, сформулированными Межрегиональным профсоюзным объединением: преобразовать три обычных приграничных города и прилежащие к ним территории в нечто похожее на «европейский перекресток», а также уничтожить все национальные границы между ними для создания единого трехнационального города, что стало бы логическим завершением всех предыдущих интеграционных усилий[12].

Однако на сегодняшний день даже сами участники вышеперечисленных проектов вынуждены признать, что далеко не все задачи были выполнены, а перспективные формулировки остались лишь на бумаге в силу объективных причин, связанных со сложностями взаимодействия культур, традиций, систем государственного управления и систем экономики различных стран Евросоюза. До сих пор психологический фактор границы, несмотря на ее формальную прозрачность, имеет для европейцев большое значение. Соседи одного возраста, одной профессии и квалификации, живущие в непосредственной близости друг от друга в приграничных районах, попрежнему значительно отличаются друг от друга в материальном и психологическом плане. Этот фактор остается пока непреодолимым, несмотря на серьезные усилия профсоюзных организаций, ищущих точки соприкосновения для гармонизации свободного перемещения рабочей силы.

Еще одно слабое место трансграничного профсоюзного сотрудничества выявилось еще в 80-е – 90-е годы XX в. и перешло в век двадцать первый, – это нереализованные возможности занять место лидера в собственных авангардных проектах в области свободного перемещения рабочей силы и перейти от деклараций к конкретным широким соглашениям, открытым для всех заинтересованных сторон. До сих пор европейским профсоюзам, работающим на трансграничном направлении, не удается от защиты местных, национальных интересов перейти к общеевропейскому видению проблемы в социальном, экономическом и юридическом плане. Трудности, с которыми сталкивается Евросоюз в целом, переносятся на трансграничное сотрудничество между субнациональными образованиями. В ситуации, когда предприниматели не заинтересованы в заключении трансграничных соглашений, а европейские профсоюзы на практике так и не демонстрируют единства в этом вопросе, предпочитая действовать скорее на национальном уровне, чем на общеевропейском, перспективы их влияния на трансграничное сотрудничество в области свободного перемещения рабочей силы остаются проблематичными.

С появлением еще в конце прошлого века новых еврорегионов особое значение в социальной политике в рамках трансграничного сотрудничества приобретают профсоюзы.

Эти новые территориально-политические структуры так или иначе подталкивают всех участников трансграничного сотрудничества в ЕС к решению проблемы децентрализации, ставив во главу угла большую подвижность, сетевую работу, изучение иностранных языков. Без реализации всех этих задач европейские профсоюзы вряд ли смогут достичь своей главной цели в условиях новой Европы – создания нового типа трансграничной солидарности трудящихся расширенной Европы, равных в своих политических, экономических и юридических правах.

Современный глобальный экономический и финансовый кризис все сильнее подталкивает профсоюзные организации к более согласованным действиям. В условиях политики жесткой экономии, которую принимает все большее количество стран и которая прежде всего затрагивает простых людей, ответственность профсоюзов за защиту интересов трудящихся выходит на первый план.

В этой связи профсоюзное региональное сотрудничество, имеющее глубокие исторические традиции, может сыграть новую консолидирующую роль в объединении Европы.

Примечания

[1] Ces chers voisins. Etudes sur l'histoire de l'integration europйenne.Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. P. 282, 285, 290, 292.

[2] *Lentaker F.* Les ouvriers belges dans le dйpartement du Nord au milieu du XIXe siиcle. Revue du Nord. T. XXXVII, 1955. P. 9.

[3] *Bach D., Leresche J-P.* Frontiиres et espaces transfrontaliers. Politique internationale de politique comparйe, 1995. Vol. 2. No 3. P. 307–322.

[4] *Verger S.* Les chemins multiples de la coopйration transfrontaliиre franco-belge // URL: http://tel.archives-ouvertes.fr/docs/00/64/92/38

[5] OCDE. La situation des ouvriers au rega l'impфt et des transferts sociaux. Rapport annuel, Paris, 1993.

[6] Convention fiscal franco-belge du 10 mai 1964 // URL: http://www.impot.gouv.fr/portal/deploiement/p1/fichedescriptive_1425/fichedescriptive_1425.pdf

[7] Syndicats en Belgique // http://www.fsa.ulaval.ca/personnel/vernag/syndicat/syndicats_de_belgique.htm

[8] *Sagnes J.* Histoire du syndicalisme dans le monde des origines a nos jours. Privat, 1994. P. 115.

[9] Единый европейский акт // URL: http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex13982.htm

[10] Confédération europйenne des syndicats (CES) // URL: http://www.etuc.org/fr

[11] InterRégionale Syndicale des 3 Frontières // URL: http://www.syndicats3frontieres.org/fr/irs/presentation.php

[12] L'Est Républicain. 1991. 20 Sept. P. 4.

Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории*

Русское крестьянство, столыпинская реформа и коллективизация: спорные вопросы сквозь призму науки и идеологии

Андрей Фурсов

Общественный продукт в России и мобилизационно-кризисный режим русской жизни

Специфическое положение русского крестьянства, когда его общинность диктовалась не только его интересами, но также интересами и давлением власти, обусловило парадоксальную специфику русского крестьянства, который не столько коллективист, сколько антииндивидуалист, и не столько индивидуалист, сколько антиколлективист, причем оба анти, одновременно.

Тему этой специфики, заключающейся в том, что русский крестьянин жил на стыке сопротивления коллективу и власти и преодоления индивидуализма – своего и общинников, т.е.

ФУРСОВ Андрей Ильич – директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). *E-mail:* rusint@bk.ru

Ключевые слова: совокупный общественный продукт, столыпинская реформа, коллективизация, идеология.

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2012. № 6.

на кончике негативного диалектического противоречия, поднял на круглом столе В.П.Булдаков[1].

Мысль о природе русского человека как не коллективиста и не индивидуалиста, а антиколлективиста и антииндивидуалиста одновременно высказал кто-то из наших ученых XIX в. Мысль интересная и немало может объяснить, но дело в том, что минус на минус дает плюс, и мы получаем весьма интересный социальный и психоисторический тип коллективистского антиколлективиста и антииндивидуалистического индивидуалиста. Не эту ли черту имел в виду А.Платонов, говоря, что русский человек может жить в одну сторону и в другую, и в обоих случаях останется цел и невредим?

И дело здесь вовсе не в приспособленчестве, а в чем-то ином, в некой простой сложности. Не она ли объясняет пластичность русского человека вообще («Назови хоть горшком, только в печь не ставь») и в смутах и революциях в частности. К сожалению, тема специфики русского психоисторического типа как фактора смут/революций не прозвучала в дискуссии, но очень важно, что она обозначена Булдаковым, и я могу лишь согласиться с его констатацией двойного анти-.

Нельзя не согласиться с Булдаковым и в том, что «весь уклад жизни великорусского населения Европейской России носил четко выраженный “мобилизационно-кризисный характер”[2] причем как по природно-производственным (евразийское неудобье, зона рискованного земледелия со средней урожайностью сам-3, сам-4), так и по историческим причинам (набеги, постоянные войны). И это тоже придавало русскому крестьянству такие черты, которых не было ни у одного другого крестьянского типа. При этом единственным защитником и организатором крестьянства выступала опять же власть, причем защитником не только от внешнего супостата, но и от своих же господ.

Одна из особенностей русского хозяйства, и это прекрасно показали Л.В.Милов и представители его школы, заключается в том, что оно создает незначительный по объему общественный продукт, а следовательно, и прибавочный продукт – много меньше, чем, например, в Западной Европе. На Руси всегда было меньше вещественной субстанции, чем на Западе, всегда меньше накопленного, овеществленного труда, который при самовозрастании и в обмене на рабочую силу превращается в капитал. По части обладания потенциалом накопленного труда, т.е. спрессованного времени, Россия всегда находилась в другой лиге по сравнению с Западной Европой.

На это как на факт, поражающий русский глаз и русский ум, указывали наши мыслители.

Так, пораженный «буйством вещности» Л.Н.Тихомиров, бывший народоволец, а затем искренний монархист, писал: «Перед нами открылось свободное пространство у подножия Салев, и мы узнали, что здесь проходит уже граница Франции.

Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей, высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем. Я сначала не понимал загадки, которую мне все это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это капитал, миллиарды миллиардов, в сравнении с кото-

рыми ничтожество наличный труд поколения.

Что такое у нас, в России, прошлый труд?

Дичь, гладь, ничего нет, никто не живет в доме деда, потому что он при самом деде два-три раза сгорел.

Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла.

А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное... И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут, как моллюски в коралловом рифе».

Тихомиров совершенно верно уловил, что капитализм – это лишь верхушка, надстройка над той массой вещества, которая создана задолго до него – в Средневековье. Прав он и в том, что в России масса, унаследованная от хронологически той же эпохи, несравнимо меньше.

Неслучайно русское развитие шло не вглубь, а вширь. При таком развитии собственность не может быть прочной, равно как и основанная на ней система. Овеществленный (прошлый) труд всегда менее значим по сравнению с живым трудом и землей. Поэтому контроль над людьми и пространством здесь всегда важнее контроля над вещами и временем. В связи с чем капитал, который по сути есть овеществленный труд, никогда не будет играть в «руссосфере» системообразующую роль, как и классы.

Собственно, классовое деление общества в России всегда, будь то даже пореформенная или постсоветская эпохи, носило в значительной степени искусственный характер ввиду его неорганичного с социосистемной точки зрения, а то и криминального происхождения.

С учетом сказанного ясно, что Россия не могла позволить себе ни господствующие группы «западоидного» типа (будь то феодалы или буржуазия), ни бюрократию западного образца. Отсюда – бедность основной массы как русского дворянства, так и русского чиновничества. Формирование на русской почве групп западного или даже квазизападного типа возможно только в том случае, если помимо прибавочного продукта «новые господа» начинают присваивать и определенную часть необходимого продукта, т.е., называя вещи своими именами, жизнь; «западоидный» прогресс верхов становился регрессом низов, выталкиванием их из социального, а то и из физического времени.

Новые «западоподобные» господствующие группы растут в буквальном смысле на костях населения – «питерский принцип» или «питерская версия» русской истории: город и страна, построенные на костях их строителей при резко сокращающемся населении.

Разумеется, подобное «социальное оборзение» верхов чревато:

– *во-первых*, сопротивлением, бунтами, а то и восстанием низов;

– *во-вторых*, острым конфликтом внутри самих господствующих групп, среди которых развивается конкуренция за продукт, причем объективно объектом эксплуатации или, как минимум, отсечения от прежней доли «общественного пирога» становится и нижняя часть господствующих групп: «большие рыбы» (то бишь троекуровы) начинают пожирать «малых» (то бишь дубровских). Результат – поляризация, обострение всех противоречий, угроза распада страны.

В связи с этим одной из главных функций центральной власти в России было ограничение эксплуататорских аппетитов верхов. И не потому что власть так уж любила низы – отнюдь нет. Учет и контроль в сфере эксплуатации был средством общего социального контроля, с одной стороны, и поддержания иерархии внутри самих господствующих групп– с другой.

Неудивительно, что низы и нижняя часть господствующих групп, как правило, поддерживали центральную власть, центроверх в борьбе с «боярством», как бы оно ни называлось. Но не потому что эти группы любили власть, их отношение к ним можно охарактеризовать как *hassliebe*, а потому что чувствовали: эта власть, по сути, единственное, что может защитить их от произвола, дать укорот алчной верхушке, посягающей на необходимый продукт.

В то же время такое посягательство как систематическое явление было невозможно как минимум без прямой или косвенной поддержки государства, а то и без его активного участия.

В русской истории было два случая, когда центральная власть срывалась таким образом, нарушала главное учетно-контрольное правило русской власти (тем самым превращаясь во власть в России) и, вступая в союз с верхушкой господствующих групп, переплетаясь с ними, «олигархизируясь», начинала вместе с ними эксплуатировать, а то и просто грабить население. Эти два случая – период 1861–1917 гг. (по инерции некоторые черты его сохранялись до 1929 г., пока не «прихлопнули» НЭП) и период, начавшийся на рубеже 80-х – 90-х годов.

Оба периода характеризуются:

– ухудшением положения низов;

– расслоением господствующих групп;

– появлением наряду со старыми господствующими группами новых, «капиталистическое» качество которых носило спекулятивный, грабительский, а то и просто криминальный характер;

– разбуханием чиновничьего аппарата (люди стремились в него за своей «пайкой» необходимого продукта);

– олигархизацией власти.

Кстати, олигархизация власти в России в капиталистическую эпоху – это всегда ориентация на сырьевую, а следовательно, финансово-зависимую модель включения в мировую систему.

Первопроходец здесь – Александр II, затем линия протягивается к Горбачеву, Ельцину и далее. Этим сравнением я не хочу оскорбить Александра II, а просто фиксирую типологическое сходство: Российская импе- рия как зависимый элемент мировой системы (1860–1920 гг.) и Российская Федерация как зависимый элемент глобальной системы (1990–2000 гг.) *versus* Россия как мир-система (1450–1850 гг.) и Россия/СССР как мировая (системный антикапитализм) система (1930–1980 гг.).

Возвращаясь к выступлению Булдакова, не могу не отметить и несогласие с рядом его тезисов. Например, он пишет о неких условиях выхода «из исторического безвременья аграрного общества»[2].

Да почему же безвременья? У нас что, вся тысячелетняя аграрная эпо-

ха – это безвременье? А эпоха до возникновения земледелия – супербезвременье?

Я не цепляюсь к словам – формула «безвременье аграрного общества» носит оценочный характер, с которым не могу согласиться. Не могу согласиться и с трактовкой идеологических и геополитических факторов как субъективных, противопоставляемых объективным[2]; под последними, по-видимому, имеются в виду экономические.

Полагаю, что и идеология (идеи, овладевшие массами или хотя бы элитой, – это материальная сила) и уж тем более геополитика, за которой стоят долгосрочные экономические интересы – самые что ни на есть объективные факторы по данной классификации.

Что значит, «субъективный»? Имеющий отношение к представлениям кого-то о чем-то, причем чаще всего индивидуальные.

Человек оказался в сложной ситуации, объективно обстановка складывается определенным образом, но субъективно данный человек воспринимает и оценивает ее иначе и, руководствуясь этими субъективными представлениями, действует и допускает ошибку.

Думаю, пошедшее с легкой руки Ленина (с него спрос малый, он практик, а не теоретик, тем более с оценкой «хорошо» по логике в школьном аттестате) разделение факторов на объективные и субъективные.

Правильно, на мой взгляд, говорить о системных факторах и субъектных. Под последними я понимаю те, что связаны с вполне объективными целями, представлениями и ценностями основных коллективных субъектов, действующих в той или иной стране или в мире. Воля и интерес правящего слоя той или иной страны – это что, не объективный фактор? Не менее объективный, чем экономические показатели этой страны – системный объективный фактор.

Когда Булдаков пишет, что империя, базирующаяся на аграрном обществе, уязвима по определению[2], у меня возникает вопрос: а империи, базирующиеся на индустриальном обществе, неуязвимы?

Дело в том, что уязвима по определению любая империя – чем сложнее организация, чем длиннее и многочисленнее связи, тем система уязвимее. И уж совсем странным выглядит следующий тезис: «Не удивительно, что наша постсоветская современность пронизана крестьянской ментальностью в ее колхозно-деформированном виде. Если известно, что в крестьянской среде насилие считалось наиболее действен- ным регулятором взаимоотношений и внутри общины, и вне ее, то стоит ли удивляться, что XX век в истории России оказался столь пронизан насилием»[2].

Постсоветская современность пронизана крестьянской ментальностью? Где доказательства? Социологи, например, говорят о ментальности маргиналов и отчасти криминалитета, охватившей в той или иной степени значительную часть населения.

В крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений? Если бы это было так, то крестьянский быт был бы сплошным мордобоем и резней, но это совершенно не так. Обычай, сход и иные вполне ненасильственные формы регуляции

отношений хорошо описаны антропологами. Сказать, что насилие считалось у крестьян наиболее действенным регулятором отношений, значит, забыть о том, что у крестьян существовала социальная организация, что сам крестьянский мир был элементом властно («государственно») организованного целого. Другое дело, что в периоды кризисов, разложения этой организации, ослабления социального контроля и социальных норм, не говоря уже о периодах смут и революций, насилие действительно выходит на первый план, происходит брутализация жизни – порой до ее социобиологизации.

Эти аномальные процессы хорошо исследованы на Западе Э.Бэнфилдом, у нас – самим В.П.Булдаковым, но не стоит экстремальную ситуацию и ее характеристики переносить на общество, находящееся в стабильном состоянии.

XX в. в истории России оказался пронизан насилием? Здесь у меня два вопроса:

1. Весь XX век? 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е годы?

На первую половину XX в. у нас приходятся кризис, Первая мировая и Великая Отечественная войны; последнее десятилетие XX в. – тоже кризис. Кризисы и войны всегда полны насилия, которое вовсе не характеризует эпоху 50-х – 80-х годов.

2. Только в России XX в. был пронизан насилием?

Агрессивные войны Британской империи, Третьего рейха, США – это насилие, обусловленное крестьянской ментальностью? Классовые битвы в ядре капиталистической системы – тоже?

На мой взгляд:

а) крестьяне не более, а возможно, и менее склонный к насилию слой, чем иные;

б) крестьянская ментальность в СССР с трудом пережила Великую Отечественную войну, почти исчезла в 60-е – 70-е годы – для ее сохранения не было социально-экономической базы; списывать насилие 90-х годов на реликт сознания крестьян, их привычки к насилию – значит нарушать элементарные правила логики и научного анализа, не говоря уж о правде фактов;

в) XX в. был веком насилия во всем мире, и Россия/СССР не были его чемпионами в этом плане.

Вообще нужно сказать, что по части насилия Россию постоянно обгоняли многие другие страны. Достаточно взглянуть на историю Франции, Англии, Китая, Индии, страны арабского мира в XVI–XX вв.

Крестьянство, столыпинская реформа и советская коллективизация

Интересный поворот в дискуссии связан с обсуждением реформы П.А.Столыпина, ее оценкой.

По мнению В.П.Безгина, столыпинская реформа была направлена на интенсификацию экономики крестьянского хозяйства[2].

Думаю, на самом деле эта цель была даже не второстепенной, а третьестепенной, главные цели носили классовый, социально-политический характер – создать в деревне слой-волнорез зажиточного крестьянства, который станет опорой власти в деревне.

На это совершенно справедливо указывает В. В. Кондрашин: цель реформы Столыпина – создание в деревне прочной опоры самодержавия в лице крестьянина-частника[2].

Затея эта провалилась: помимо прочего, именно «справные», хозяйственные мужики, на которых так рассчитывал умный горожанин XIX в. Столыпин, в 1916–1917 гг. повели за собой деревенскую голытьбу грабить усадьбы. Пока голытьба жгла библиотеки, гадила в гостиных, тащила рояль на улицу:

«Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовским фокстрот»

(С. Есенин),

а потом топила его в пруду, хозяйственные мужики под шумок грузили барское имущество и свозили его к себе во двор.

Это русский крестьянский ответ Столыпину – ничего личного.

Показательно и то, что:

– *во-первых*, Гражданская война «полыхала от темна до темна» именно в тех частях России, где столыпинская реформа достигла наибольших успехов (количественных);

– *во-вторых*, как показывают исследования (в том числе израильского историка М.Конфино), к 1920 г. крестьяне вернули в общинную собственность 99% земли;

– *в-третьих*, самое главное, Столыпину не удалось сломать общину.

Как отмечают участники дискуссии В.А.Бондарев и А.С.Левакин, в 1927 г. общинное устройство в РСФСР охватывало 95,5% земель.

Ответ тем, кто видит в общине и общинной собственности только черты архаики и отсталости, содержится в выступлении В.Э.Багдасаряна. Он подчеркивает: община была социально сильным организмом, имела производственные преимущества над единоличным хозяйствованием, поскольку уравнительный передел земель и чересполосица обеспечивали устойчивость от воздействия природно-климатических факторов. Очень важно, что технико-инновационный потенциал в общинных великорусских районах был выше, чем в единоличных малороссийских[2].

В.В.Кондрашин отмечает, что русская деревня страдала от малоземелья, которое, естественно, сохранялось и в 20-е годы и которое в начале века вместе с коммерциализацией стало фактором, обусловившим массовое крестьянское движение начала XX века[2], – такую мощную серию крестьянских бунтов, по сравнению с которой, как отметил Д.И.Люкшин, «пугачевщина казалась едва ли не невинным развлечением»[2]. И эта стихийная общинная крестьянская революция стала, согласно Кондрашину, частью Великой русской революции. Более того, согласно В. В. Бабашкину, именно крестьянская революция 1902–1922 гг. отдала власть в городе большевикам, а затем коммунально-организованное крестьянство (как тут не вспомнить «коммунальную», или коммунитарную социальность из работ А.А.Зиновьева. – *Авт.*) заставило большевиков в декабре 1922 г. признать де-факто победу общинной революции[2].

Здесь необходимо добавить: признать временно. Пользуясь терминологией Дж.Скотта, можно сказать, что во время Гражданской войны параллельно развивались две разные

революции – «революция комиссаров» в городах и «революция крестьян» в деревне. Причем эта «зеленая» революция била и по красным, и по белым, что отражалось и в лозунге «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют» и в равной распространенности «белопогонного супа» и «комиссарского» – это когда варят живьем.

Несмотря на то что антоновское восстание было подавлено, большевикам действительно пришлось пойти на «брестский мир» с собственным народом и ввести НЭП. Но Ленин, заявив, что НЭП вводится надолго (имелось в виду не на одну хлебозаготовительную кампанию, как полагали многие), на несколько лет, сразу же честно предупредил: но мы еще вернемся к террору, в том числе к экономическому. Так оно и вышло – в 1929 г. началась коллективизация.

По поводу коллективизации участники круглого стола высказали разные мнения.

Так, Н.Л.Рогалина считает сталинское раскрестьянивание принудительным, проводившимся административными методами, а столыпинское – естественным[2]. Думаю, русские крестьяне времен столыпинской реформы вряд ли бы согласились с Рогалиной, потому что слишком хорошо знали, как власть проводила ту реформу.

Бабашкин, опровергая тезис Рогалиной, заметил, что столыпинская реформа была обречена на неуспех именно из-за того, что проводилась самым негодным из всех возможных способов – через задействование административного ресурса, что вызывало в качестве реакции укрепление общины; а это, в свою очередь, обрекало политические теории и политические партии европейского образца на банкротство[2].

Иначе и быть не могло. Наличие, сохранение общины, ее укрепление как реакция на модернизационное давление вырабатывали совершенно иное представление о собственности, чем на Западе.

Это и зафиксировал Багдасарян: «Если для Запада формула П.Ж.Прудона "Собственность – это кража" звучала как радикальный вызов, то для русских общинников она служила догматом»[2].

А.П.Скорик подчеркнул, что форсированная коллективизация «устранила из деревни наиболее активных, инициативных и предприимчивых крестьян и ввергла остальных в состояние стресса и хозяйственной апатии»[2].

Участник круглого стола прав: коллективизация, проведенная руками бедноты и, во многом – об этом надо говорить прямо, деревенских лентяев, горлопанов и бездельников, т.е. сволочи в старом строгом смысле этого слова*.

В то же время уже к концу 30-х годов деревня в целом восстановилась. Выходит, стресс и апатия прошли? И самое главное, стальной, как и хотел Есенин, стала бедная нищая Русь – потому и сломала хребет вермахту. Без коллективизации росписи на рейхстаге были бы невозможны.

---

* Сравните у Пушкина в «Капитанской дочке»: «Пугачев, собрав несколько сотен сволочи…». Кстати, коллективизация – это ведь во многом институциализированная пугачевщина, только объект не барин, а свой, такой же мужик, а потому ненавидимый еще больше. Объяснение см. у Н.С.Лескова и А. А.Зиновьева.

Главная, пожалуй, проблема советского раскрестьянивания заключается в том, что если раскрестьянивание английской деревни растянулось на два с лишним столетия, а французской вообще завершилось в 80-е годы (этот процесс хорошо показан в работе А.Мандра «Вторая французская революция, 1965–1984»[3]), то в СССР решение крестьянского вопроса, который самодержавие так и не смогло решить почти за столетие, заняло менее 10 лет. Это, как и неизбежность коллективизации, было обусловлено и аграрно-крестьянскими, и внеаграрными, и вообще внешними причинами.

Аграрной причиной, обусловившей необходимость скорейшего проведения коллективизации, было, как верно отмечает Кондрашин, именно малоземелье, тупиковость мелкого крестьянского хозяйства России в конце 20-х годов[2]. Еще более категоричен Бабашкин: у коллективизации не было альтернатив[2].

А.Н.Медушевский считает столыпинскую реформу примером эффективной модернизации, которую противопоставляет коллективизации в СССР.

Впрочем, выступление Медушевского заслуживает отдельного рассмотрения, как пример влияния идеологии, идеологических мемов на научный анализ, на разрушение научности.

Багдасарян сопоставил столыпинскую реформу с советскими преобразованиями в деревне таким образом: «Большевистская революция была в известном смысле контрреволюцией. Она представляла собой реакцию на столыпинское разрушение общинного уклада.

Именно реформы Столыпина имели инновационный характер, выводили Россию за рамки цивилизационной модели, а потому и являлись подлинной революцией. Напротив, большевистская система колхозов восстанавливала, по сути, под иным идеологическим обрамлением общинные связи»[2].

Не буду здесь оспаривать ни тезис об инновационном характере столыпинской аграрной реформы, несмотря на факт его труднодоказуемости, ни тезис о том, что большевики восстановили общинные связи, – это тоже не так. В СССР был создан иной, необщинный тип коллективной социальной организации, основанный на совершенно ином типе собственности, кстати, исключающем общинность, и на совершенно ином типе отношений с властью. Кто не слеп, тот видит, как говаривал один из крупнейших деятелей советской эпохи.

Меня в интерпретации Багдасаряна зацепило другое.

Во-первых, революцию он отождествляет с буржуазным типом, путем развития. Так что же, получается, революции бывают только буржуазные? Такой подход надо обосновывать. А как же социалистические революции, это что, миф?

Во-вторых, революцией, по Багдасаряну, является выход России за рамки прежней цивилизационной модели. Получается, что столыпинские революционные реформы обещали покончить с тысячелетней цивилизационной моделью России, а большевики своей эту модель сохранили, и это не что иное, как контрреволюция.

Таким образом, подлинный цивилизационный рывок связывается с уничтожением русской циви-

лизационной модели и установлением буржуазного строя – новой цивилизации.

Подобного рода тезис Багдасаряна опасно близко подходит к позиции двух известных русофобов – печальной памяти «прораба перестройки» А.Яковлева и полуобразованного спекулянта на исторические темы А.Янова.

Первый в своих «омутных» мемуарах выразился в том смысле, что своими действиями перестройщики сломали хребет парадигме тысячелетней русской истории, а второй в одном из последних номеров журнала «Сноб» сообщил о том, что русской цивилизации осталось 3–4 года.

Я уверен в том, что Багдасарян не солидарен с двумя этими персонажами, однако, согласно логике его аргументации, революционным изменением оказывается именно цивилизационный слом.

Я полагаю, что смена цивилизационной модели – это не революция, это крах и гибель. Революция – это смена типа собственности и власти. При этом различные революции оказывают различное влияние на те или иные цивилизации.

В России буржуазная революция – это слом цивилизации (мы это наблюдаем с 1991 г.), путь к неоварварству, упадку и социальному одичанию.

Антикапиталистическая революция в России создает новую систему в рамках одной и той же цивилизации, к которой, кстати, относилось и самодержавие, рухнувшее в 1917 г. И только антикапиталистические революции решают проблемы России, спасая ее органику от небытия.

Политэкономия пореформенной России не позволяла решить аграрно-крестьянский вопрос не только по причинам, которые коренились в аграрном секторе, но и по причинам, связанным с логикой развития капитализма в России. На одну из таких причин указывает Люкшин: в России процессы капитализации и процессы развития национального рынка оставались относительно автономными[2], и это оказывало влияние на аграрную сферу, блокируя возможности развития по западным образцам, столь любезным некоторым нашим историкам.

Добавлю еще одну причину подобного рода, связанную с принципиальной деформацией капиталистического развития в России. В ядре капиталистической системы первоначальное накопление капитала, некапиталистическое по своей сути (силовой передел собственности), предшествует собственно капиталистическому. Однако на периферии и полупериферии капсистемы отношения между этими процессами носит не диахронический, а синхронический характер, причем первоначальное накопление деформирует, подсекает, а то и блокирует развитие капиталистических отношений. Происходя в масштабе экономики в целом, это оказывает воздействие и на аграрную сферу, в результате чего нередко происходит разложение старого без возникновения нового, а реакцией на разложение одних сегментов становится консервация других. В таких условиях товарное развитие аграрной сферы если и происходит, то, во-первых, в очень ограниченных рамках, а во-вторых, чаще ведет к регрессу, чем прогрессу.

Это и была ситуация русской пореформенной деревни, оставившая

только один выход – форсированной коллективизации, создания крупного коллективного хозяйства.

Коллективизация была последним актом Большой Смуты 1860–1920 гг. и, что еще важнее, Гражданской войны.

Обычно пишут о том, что режим таким образом решал зашедшую в тупик проблему товарообмена между городом и деревней, который он не смог организовать экономическими методами, о задаче ликвидации властью массового слоя частных собственников общества, построенном на отрицании частной собственности, о неприязни режима к крестьянству как отсталой и серой массе, о том, что в коллективизацию жестоко ломали деревню, часто вырывая из нее лучших работников, не желавших, задрав штаны, бегать в одном строю с деревенскими лоботрясами и пьяницами.

Все это так, но это лишь самый поверхностный уровень. Это одна правда, причем самый видимый ее слой. Но есть и другая правда – правда не краткосрочной конъюнктуры, а долгосрочной истории, правда не отдельного слоя, а социального, государственного целого. Собственно, трагедии в истории и происходят, когда сталкиваются стороны, у которых своя правда. Еще более трагично то, что историческую, целостную правду нередко персонифицируют мерзавцы.

У коллективизации как одной из русских трагедий несколько источников и составных частей. Она была резким, почти одномоментным (5–7 лет), жестоким решением сразу нескольких проблем различной исторической длительности и различного масштаба (аграрная сфера, система в целом, страна, мировой уровень) проблем, без решения которых прекратил бы свое существование не только СССР, но русский цивилизационный комплекс.

Проблемами значительной исторической длительности были аграрная и крестьянская.

Чтобы в Центральной России жить с земли, нужно иметь 4 дес. на человека. В 1913 г. было 0,4 дес. – то был финал относительного аграрного перенаселения, стартовавший еще вначале XIX в.

Выход из зашедшего в тупик мелкого землевладения один – крупное землевладение. Крупное индивидуальное землевладение – столыпинский вариант – русский мужик отверг, реформа провалилась: даже под нажимом властей только 25% крестьян вышли из общины, а к 1920 г. крестьяне силовым путем вернули в общинную собственность 99% земли.

В таких условиях оставался только вариант крупного коллективного хозяйства, который в целом соответствовал традициям русского крестьянина и был реализован посредством коллективизации при поддержке основной массы крестьян, но вопреки воле значительной (до 25%) и вовсе не худшей части самого крестьянства.

Еще одна долгосрочная проблема – социальный контроль над крестьянством, утраченный властью после 1861 г.

Тогда на место внеэкономических производственных отношений пришли экономические. Дело, однако, в том, что внеэкономические производственные отношения выполняли еще и важнейшую внепроизвод-

ственную функцию – социального контроля, которая после 1861 г. провисла: у позднего самодержавия не было институтов, способных обеспечить эффективный социальный контроль над огромной массой крестьянства.

Положение о земских участковых начальниках (1889 г.) не решило проблемы, которая начала обостряться, достигнув кульминации в начале XX в.

Крестьянская проблема была решена большевистским режимом за счет раскрестьянивания. Но так решался крестьянский вопрос в XIX–XX вв. во всем мире. Особенность раскрестьянивания в СССР не в его жестокости – здесь все рекорды бьют англосаксы, а в его сжатых сроках и проведении на антикапиталистической основе, т.е. в ориентации на интересы не кучки сельских и городских богатеев, а основной массы сельского населения.

Да, у сопротивлявшихся коллективизации крестьян была своя правда – правда маленького мирка, которому плевать на большой мир национального целого.

Фон Раупах в мемуарах вспоминает, как в 1915 г. беседовал не то с костромским, не то с вологодским крестьянином, отказывавшимся платить налоги. На вопрос фон Раупаха, что будет, если все перестанут платить налоги, войну Россия проиграет и немец дойдет до Костромы/Вологды, крестьянин ответил: не дойдет, а если дойдет, тогда ему налог и заплатим.

Невозможно представить, чтобы немецкий бауэр мог произнести такие слова – он мыслил себя элементом национального целого.

Не будь коллективизации, не встреть русский крестьянин войну в качестве советского человека, трансформированного коллективизацией, пусть и не до конца, мировые проблемы в лице Гитлера и зондеркоманд, выполняющих план «Ост», достали бы русского крестьянина.

В войне победил не русский крестьянин, а русский советский человек, советская – сталинская – система, создавшая государственное целое с помощью коллективизации.

И здесь мы подходим к самому главному.

Коллективизация стала радикальным прорывом из интернационал-социалистической клетки, в которой Россия отбыла десятилетний срок между 7 ноября 1917 г. и 7 ноября 1927 г. (попытка троцкистского путча) к государству квазиимперского типа, которое строит социализм в своих пределах, а не несет мировую революцию вовне, расшатывая мир в интересах фининтерна.

Коллективизация стала логическим следствием перехода от интернационал-социализма к национал-большевистской, импер-социалистической стратегии, ориентированной на создание современного промышленного общества, в которое сельское население интегрировано в качестве элемента целого.

Начало коллективизации (1929 г.) не случайно совпало по времени с разгромом бухаринской команды, высылкой Троцкого из СССР, резкой активизацией британцев в продвижении Гитлера к власти, закрытием Британской империи (25% мирового рынка) от «остального» мирового рынка стараниями директора Центрального банка Великобритании Монтегю Нормана и началом мирового экономического кризиса.

Надежды банкиров Нью-Йорка и Лондона, о которых Троцкий говорил, что они-то и есть главные революционеры, на переустройство мира

посредством мировой революции рухнули – Россия вышла из «проекта». Теперь расчет «Мировых хозяев» был на мировую войну, началом подготовки к которой и стал 1929 г., войне, которая, помимо прочего, должна была стереть русский народ с лица земли.

В таких условиях советский режим должен был резко ускорить коллективизацию, причем главным образом не в экономических целях (хотя и в них тоже – в условиях мирового кризиса упали цены на промышленное оборудование, которое, ловя момент, следовало закупать), а в социальных, социосистемных, в целях сохранения и развития национального целого. Только дом, не разделившийся в самом себе и к тому же современный по конструкции, мог рассчитывать на победу в войне с англосаксонско-германскими хищниками.

Коллективизация вытаскивала страну из ловушки 20-х годов, из комплекса проблем, возникших в XIX в., была единственным способом, хотя и жестоким, спасти СССР и русскую цивилизацию – по трагической диалектике истории – ценой раскрестьянивания русского крестьянства, ценой нескольких миллионов жизней.

Была ли коллективизация жестокой? Без сомнения. Как и многое в России, да и не только в ней.

Во-первых, все переломы в истории вообще и раскрестьянивания в частности – штука жестокая, но например, до жестокостей английского раскрестьянивания России ох как далеко.

Кроме того, как стало известно из недавно рассекреченных в США документов, во время Великой депрессии 1929–1933 гг. (т.е. одновременно с советской коллективизацией) в богатой Америке от голода умерло 5 млн американцев. А ведь США начала 30-х годов не были истерзаны мировой и гражданской войнами. Но почему-то англичанам и американцам счет не предъявляется.

Во-вторых, у массовых процессов – своя логика, и логика жестокая, и центральная власть сделала немало, чтобы эту жестокость умерить.

В-третьих, чем дольше откладываются социальные/управленческие решения, чем больше копится проблем (а самодержавие с 60-х годов XIX в. накопило их достаточно много), тем больше социальное напряжение, социальная ненависть, социальный гнев, которые и рванули во время коллективизации. О социальном динамите, который вырабатывался уже непосредственно НЭП, я уже не говорю.

Во время коллективизации одна часть народа экспроприировала другую, при этом, как всегда бывает в таких ситуациях, в первых рядах экспроприаторов было много тех, кого И.Солоневич называл биологическими подонками человечества, – революции так и совершаются (мораль – не надо доводить до ситуаций, когда революция оказывается единственным способом решения проблем).

Результатами коллективизации, которые были уже вполне очевидны к концу 30-х годов, пользовалось практически все население страны, включая прежде всего коллективизированных.

Какой контраст с экспроприацией 90-х годов, когда кучка социопатов экспроприировала народ в це-

лом, реализовав на криминально-капиталистический правоглобалистский манер троцкистский интернационал-социалистический проект превращения России в сырьевой придаток Запада; в хворост, но только не для мировой революции, а для мировой неолиберальной контрреволюции. Последняя в условиях конца XX в. решала иным способом те задачи, которые не решили для верхушки мирового капиталистического класса интернационал-социализм и национал-социализм.

В постсоветский период советское обществоведение неоднократно (и часто справедливо) подвергалось критике за его идеологизированный характер, который деформировал научные исследования, подменяя научность коммунистической идеологией[4].

Прошедшее двадцатилетие показало: идеология никуда не ушла из научной сферы, она сменилась на либеральную, причем, как правило, в самом что ни на есть примитивном, вульгарном варианте. Впрочем, это неудивительно: сегодняшние вульгарные либералы – это вчерашние вульгарные марксисты, нередко с партбилетом в кармане, т.е. цирк уехал – клоуны остались, неважно, марксист или либерал, осталась вульгарность.

Среди выступлений круглого стола есть одно, в значительной степени пронизанное идеологией и в этом плане – модельное, ярко показывающее, как примат идеологичности над научностью деформирует научный дискурс, снижает его уровень, по сути, разрушает, демонстрируя то, что М.Булгаков называл «разрухой в головах».

Либеральная идеология в одном отдельно взятом выступлении, или «Разруха в головах»

Речь идет о выступлении А.Н.Медушевского, которое посвящено проблеме альтернативности решения аграрного вопроса в предреволюционной России[5]. Почти одновременно с участием в круглом столе Медушевский выступил с одноименным докладом на крестьяноведческом семинаре, в котором есть некоторые добавления к «круглостольному» тексту[6]. Выступление и доклад представляют собой единый концептуальный блок.

Начну с определения докладчиком сути аграрного вопроса. По мнению Медушевского, аграрный вопрос «есть теоретическая *(sic! – Авт.)* конструкция *(sic! – Авт.)*, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений»[2]. В докладе Медушевский добавляет, что аграрный вопрос существует там, где осознается несправедливость в распределении земельных ресурсов **независимо от реальной ситуации в экономике страны** (выд.– *Авт.*).

Обращают на себя внимание три момента, причем все связаны не только с научно-теоретической проблематикой, но и с элементарной логикой.

Первый заключается в том, что аграрный вопрос трактуется прежде всего как теоретическая конструкция, а не как реальность.

Это как в анекдоте: слово, обозначающее определенную часть тела есть, а самой этой части нет.

Далее, аграрный вопрос преподносится как теоретическая конструкция, а такие конструкции, как известно, создают ученые. Но Медушевский утверждает, что аграрный вопрос существует там, где **осознается** несправедливость распределения земли. А осознаваться-то она может прежде всего самими крестьянами.

Выходит, это крестьяне создают теоретическую конструкцию «аграрный вопрос»?

Или ученые (например, Медушевский), чутко чувствующие ощущение крестьянами несправедливости и превращающие его в теоретическую конструкцию?

Вот только одна загвоздка: как, не будучи крестьянином, ученый может влезть в его шкуру? Или поверит на слово?

Так не у кого спросить – 100 лет назад как померли. Статистика осталась? Но это уже объективный показатель.

Далее. Как сам крестьянин определяет, справедливо или несправедливо распределение земли? Предупредил же докладчик, что осознание несправедливости распределения ресурсов не зависит от реальной экономической ситуации, т.е. от объективных условий. Но ведь как-то крестьяне самим себе должны объяснять, справедлив тот или иной порядок или нет? Должны же быть хоть какие-то объективные реально-экономические критерии, пусть примитивные, приземленные. Ведь не с бухты-барахты крестьяне определяют нечто как несправедливое и в этом случае могут начать пассивное или активное сопротивление, – серьезный выбор, ставящий на кон многое, а порой все.

Представить иное, значит, посчитать крестьян идиотами в исходном греческом смысле слова: идиот – это человек, который живет так, будто окружающего мира не существует. Разумеется, есть люди, которые так и живут, их немало, например, среди ученых, профессоров (классика – жюль-верновский Паганель, да и не только он). Крестьянин себе такой роскоши позволить не может – рискует умереть от голода вместе с семьей.

Конечно же, есть у крестьян вполне объективные критерии, но только они свои, крестьянские, а не городские и капиталистически-рациональные. Дж. Скотт заметил, что для крестьянина, например, важно не сколько взяли, а сколько осталось.

Поэтому если у него взяли один мешок зерна, а было всего два, он может взяться за вилы, а если взяли пять, но из десяти – лишь огрызнется.

Не только разные типы хозяйства, но и разные социальные группы диктуют разные представления о рациональности и ценностях. Дж. Оруэлл как-то написал, что если для интеллектуала социализм – это вопрос теоретических штудий (или, как мы слышали, конструкций), то для работяги – это лишняя бутылка молока для его ребенка (и дополним его Р.Ларднером – кусочек мяса для самого работяги).

Второй момент. По Медушевскому выходит, что аграрный вопрос – это проблема сферы сознания, субъективной сферы. Перед нами обычное для последних десятилетий выворачивание вульгарного марксизма наизнанку: в вульгарном марксизме главная роль отводилась экономическим факторам, понятым и трак-

туемым на капиталоцентричный манер.

Акцентирование сферы сознания, субъективного, культуры есть всего лишь изнанка вульгарного марксизма, а изнанка, как известно, всегда хуже лицевой стороны. Это как с цивилизационным подходом, противопоставляемым сегодня формационному.

Известный представитель цивилизационного подхода как-то объяснял мне: формационный подход акцентирует значение базиса, а цивилизационный – надстройки. Ясно, что на самом деле это никакой не цивилизационный подход, перед нами «надстроечная версия» вульгарного марксизма, которая пришла ему на смену. И еще перед нами неодогматизм, отличающийся от палеодогматизма лишь расстановкой акцентов, тогда как исходные положения и определения (что такое экономика, культура и т. д.) остаются прежними. В этом смысле дискуссии двух последних десятилетий между палеодогматиками и неодогматиками это нечто вроде схватки скелетов над пропастью.

Третий момент. В качестве теоретической конструкции аграрный вопрос относится Медушевским к эпохам кризиса традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. Значит ли это, что аграрный вопрос возникает только в условиях кризиса перехода от доиндустриального, традиционного (феодализм) к индустриальному (капитализм) обществу? А что, в доиндустриальных, а точнее, докапиталистических, обществах кризисов не бывает и аграрный вопрос не возникает? А как же аграрные кризисы античного общества? китайского? исламских?

По логике докладчика, во всех этих обществах аграрный вопрос возникнуть не может. Как говорит молодежь, это круто.

Например, ось всей истории Китая – это аграрные кризисы, сметавшие династии; так что же, не было там аграрного вопроса? Так сказать, кризис без вопроса или безвопросный аграрный кризис.

В чань-дзен-буддизме это называется «хлопок одной ладонью». Но мы же не чань- и не дзен-буддисты.

Показательно, что на правильно поставленный в ходе обсуждения доклада А.В.Гордоном вопрос об аграрном вопросе в Риме времен Гракхов докладчик, по сути, не смог убедительно ответить.

Вот какое определение аграрного вопроса дает Большая советская энциклопедия 1949 г.: «Аграрный вопрос – вопрос о земельных отношениях, классах и классовой борьбе в деревне, об экономических законах сельского хозяйства». Абсолютно четкое определение, в котором нет ничего лишнего.

Ведь помимо прочего, своими «завитушками» о том, что аграрный вопрос это типа кризис традиционного общества в условиях модернизации, и о том, что он существует там, где осознается несправедливость, Медушевский нарушает базовый принцип научного исследования – правило «бритвы Оккама»: *entia non sunt multiplicanda praeter necessitate* («не следует умножать сущностей сверх необходимого»). О субъективизации проблемы я уже не говорю.

На самом деле аграрный вопрос это, конечно же, не субъективная, а вполне объективная проблема. Опре-

деляется он соотношением аграрного населения и земельных ресурсов (площадь земли, ее урожайности) в условиях определенного типа собственности, а выражается в том, что называется *subsistence minimum*, т.е. минимум существования. Речь идет о том, уважает ли существующая система право крестьянина на жизнь, – этим и оценивается, справедлива она или нет.

Теперь о терминологии. Медушевский, особенно в докладе, пользуется терминами «доиндустриальное общество», «индустриальное общество». А ведь это что ни на есть экономоцентричные термины, отражающие сферу труда, т.е. присваивающего отношения человека к природе, а не отношения человека к человеку в процессе этого присвоения; для определения этого отношения нужны другие термины, например, «капитализм».

Капитализм, кстати, возникает на 150–200 лет раньше индустриальной системы производства, «индустриальное общество» развивается из него, а не из «традиционного общества» – об этом, особенно в последние десятилетия, написан целый пласт исследований, которые надо знать. Кстати, «индустриальных обществ» (производственно-технический тип) было два – капиталистическое и социалистическое (антикапиталистическое), т.е. на одной производственной основе два принципиально разных типа собственности, присвоения продукта. О том, что в рамках так называемых «традиционных обществ» было несколько **качественно и стадиально** различных типов, я уже и не говорю.

Маркс определял социальную систему не через сферу труда (процесса действительного производства), а через логически предшествующую ей сферу распределения факторов производства. Именно она определяет совокупный процесс общественного производства, придавая ему то или иное социосистемное качество – рабовладельческое, феодальное или капиталистическое.

Это лишний раз свидетельствует о том, насколько вульгарно-экономическими и вульгарно-материалистическими являются теории «традиционного» и «индустриального» обществ вообще и с точки зрения изучения крестьянства в частности. Не было никакого «индустриального общества» – был капитализм, породивший индустриальный тип производства. Не было «традиционного общества» – были различные типы докапиталистических обществ, и только одно из них – феодальное – породило капитализм (причем именно в аграрной сфере!) в результате кризиса «длинного XVI века» (1453–1648 гг.).

Жаль, что в начале XXI в. исследователи пользуются схемами, устаревшими уже в 60-е – 70-е годы. Ну что ж, до сих пор актуальны и Пушкин с его «мы ленивы и нелюбопытны», и Михайловский с его фразой о том, что Россия в идейном плане ведет себя по отношению к Европе как служанка, донашивающая за госпожой вышедшие из моды шляпки. К счастью, не вся Россия.

Рассуждая о модернизации, Медушевский сравнивает два варианта – «путем “революции снизу” (реализовавшейся в России, Китае, Мексике) и “революции сверху” в других странах XX в., позволившей избежать конвульсивного революционного взрыва»[2], явно отдавая предпочтение

первым (об этом свидетельствует определение «конвульсивный»), но не называя их. С учетом того что отталкивается Медушевский здесь от схемы Б.Мура, изложенной им в работе «Социальное происхождение диктатуры и демократии» (1966 г.), речь может идти только о Германии, Италии и Японии. Впрочем, это и без отсылки к Муру ясно – по логике вещей.

Здесь два момента – содержательный и методологический (или, если угодно, историко-научный).

Содержательный момент заключается в следующем. Действительно, революции в России, Китае и Мексике были жестокими и кровавыми, как это вообще бывает с революциями – достаточно вспомнить Французскую (1789–1799 гг.), а если добавить к двум этим «пятилеткам» еще и «экспортный вариант» Французской революции – наполеоновские войны, то это вообще будет «этюд в багровых тонах». Дело, однако, в том, что режимы, которые Медушевский противопоставляет «конвульсивно-революционным», оказались намного более конвульсивными – все они суть агрессоры Второй мировой войны, которые ввергли мир в такую суперконвульсию, которая русским, китайским и мексиканским революционерам и не снилась; революции в этих трех странах в целом не вышли за границы этих стран. А вот «революции сверху» в странах будущей оси «Берлин – Рим – Токио» превратились во Вторую мировую войну, в которую они логически перетекли.

Методологическая сторона дела заключается в следующем. Мур написал сильную работу, причем наиболее сильное в ней вовсе не типология, которую использует докладчик. Эта работа почти полувековой давности. Многое в ней не устарело, однако за прошедшие десятилетия написано немало веховых работ по проблеме революций, коммунизма и национал-социализма, которые побуждают по-новому взглянуть на крупнейшие революции современной эпохи. К сожалению, отставание от мирового научного информпотока вообще и концептуального в частности остается серьезной проблемой российских исследователей. В известном смысле ситуация хуже, чем в советское время – проявлений научного провинциализма сегодня стало значительно больше.

Помимо методологических ошибок среди тезисов Медушевского есть просто легковесные заключения, которые, будучи обусловлены, на мой взгляд, скорее вненаучными, идеологическими пристрастиями, не делают чести профессионалу. Например, тезис о том, что реформы Столыпина, фигуру которого у нас по вполне понятным идеологическим причинам раздувают, предотвратили революцию. В реальности все наоборот: они ее ускорили. Были те, кто предупреждал Столыпина о вероятности именно такого развития событий, но он, умный городской человек XIX в., так и не понявший, что наступил век XX, и не очень хорошо осознававший деревенские реалии, не послушал.

Разумеется, здесь можно запеть любимую песню как либералов, так и марксистских модернизаторов-«прогрессоров» о косном или даже иррациональном или наивном сознании крестьян, не понимающих своего буржуазного счастья и капиталистического светлого будущего,

сознания, которому противопоставляется некий здравый смысл (опять же буржуазный).

Думаю, в научном плане после выхода книги Скотта «Моральная экономика крестьянина» и дискуссии «моральный крестьянин» *versus* «рациональный крестьянин» *versus* «религиозный крестьянин»[7], это просто невозможно. За «здравым смыслом», противопоставляемым крестьянской «иррациональности» (последняя на самом деле есть рациональность хозяйства, которое представляет собой единицу производства и потребления одновременно), скрываются представления о частной собственности и рынке как универсальных нормах исторического развития, т.е. налицо нарушение принципов историзма и системности. Европейский буржуазный *meum* навязывается в качестве *verum:* да здравствует капиталоцентризм!

Удивление вызывает и тезис из Медушевского о том, что такие реформаторы, как Бисмарк, «а позднее Карранса и Кемаль, показали, каким образом радикальные социальные реформы выступают эффективной альтернативой революционной модели образца 1905 г. "Революция сверху", которая в России планировала в сравнительной перспективе значительно более конструктивные правовые возможности, решения аграрного вопроса, нежели революционная модель, основанная на наивных представлениях масс об уравнительной справедливости, но ведущая к ретрадиционализации общества и фактически отказу от полноценной аграрной модернизации»[2].

О том, насколько наивными были представления крестьян, обусловленные реальностью тяжелой крестьянской жизни, а не тем, что думает об этом Медушевский, сидя за письменным столом, я уже сказал, здесь же отмечу лишь следующее. Полноценной аграрной модернизацией Медушевский считает ту, которая не основана на наивных представлениях крестьян, т.е. такую, которая может быть только навязана крестьянству силой вопреки их представлениям. Хорош либерал?!

За что же тогда пинать советскую коллективизацию, которая тоже проводилась насильственно (правда, это насилие поддержала значительная часть жителей деревни). Налицо явный когнитивный диссонанс докладчика, во-первых, а во-вторых, предпочтение, которое он отдает капиталистической, фермерской модернизации как единственно эффективной перед социалистической. Ну что ж, эту «эффективную» аграрную модернизацию мы хлебаем уже 20 лет. К тому же Медушевскому почему-то не приходит в голову мысль о том, что далеко не все сельхозсистемы поддаются капиталистической модернизации и что кроме экономической эффективности есть еще социальная эффективность.

Теперь о фактах. Бисмарк действительно был реформатором, правда, вовсе не радикальным. Но главное не в этом. Немецкое сельское хозяйство, аграрный строй Германии были принципиально иными, чем таковые в России. Иным были и крестьянство (необщинное), и господствующий класс, и его отношения с крестьянством. Эта аналогия проваливается.

Что касается Каррансы, то, по-видимому, Медушевский его с кем-то

явно спутал. Вступив на пост президента в 1917 г. Карранса пренебрег обещаниями реформ, в том числе аграрной, о которой говорил во время гражданской войны. Крестьяне так и не получили обещанную им землю. Национальная аграрная комиссия раздала лишь 450 тыс. акров 48 тыс. семьям – насмешка над аграрной реформой. Если Медушевскому это представляется успехом, то что такое неудача? То, именем чего Мадеро свергал Диаса, а Карранса – Уэрту, не было выполнено (это не говоря уж об убийстве Сапаты в 1919 г. и подавлении крестьянского и рабочего движения).

В результате в 1920 г. Карранса был убит, а последние сапатисты согласились сложить оружие только после того, как правительство обещало предоставить в их владение захваченные в Морелосе земли, – Морелос был первой областью, добившейся проведения аграрной реформы. Добившейся в результате революционной борьбы, а не реформы сверху.

Аграрная реформа Кемаля в Турции действительно была относительно успешной, но можно ли сравнивать Турцию, кардинально отличающуюся в природно-хозяйственном и историческом плане от России? Если да, то сначала надо обосновать принципы и критерии сравнения. А так, по принципу «черного ящика» можно сравнивать и человека с утюгом – управляемые системы (кибернетика).

Курьезным выглядит методика сравнения: сравниваются осуществившиеся **в реальности** результаты того, что Медушевский назвал «революцией сверху», и то, что **планировал** Столыпин, но то, что не осуществилось в реальности.

Как же можно сравнивать сбывшееся и несбывшееся?

И еще одно: для Медушевского одно и то же «революционная модель образца 1905 г.» и модель, которая привела к «ретрадиционализации общества», т.е. советская коллективизация. Но ведь это совершенно разные вещи, к тому же опять, в 1905 г. «наивные» чаяния крестьян не реализовались (откуда в таком случае «модель»?), а вот в 1929–1933 гг. действительно реализовалась некая модель, которую Медушевский признает соответствующей крестьянским представлениям.

Не выдерживает, на мой взгляд, интерпретация результатов преобразования деревни в СССР как ретрадиционализации. Что значит ретрадиционализация? В СССР что, было восстановлено крепостничество? Нет. Общинная организация? Нет.

Попытки трактовать советское общество, которое со всей очевидностью было обществом Модерна, как восстановление докапиталистических порядков, не новы. Об этом писали К.Витфогель, Р.Гароди и др. Вот только аргументов нет – как и ответов на вопрос, что же «ретрадиционного» было в советском обществе? Индустрия? Современное образование? Семья современного типа?

Что касается эксплуатации со стороны государства, то, например, при государственно-капиталистическом капитализме (надеюсь, не «традиционное общество»?) государство выступает субъектом эксплуатации. И что – это ретрадиционализация? Некапиталистический и аграрный почему-то воспринимается как «тради-

ционный» или «ретрадиционализированный». А почему не «посткапиталистический», «посттрадиционный»?

Совершенно бездоказателен тезис доклада о том, что коллективизация – это тупик. Тупик – это столыпинская деревня и вымирающая постсоветская. Советская деревня жила. Я уже не говорю о роли коллективизации с точки зрения социального целого, о том, что без этого невозможно было создать современное общество. Но если брать только аграрный сегмент социума, то нелишне вспомнить, как русский крестьянин отреагировал на столыпинскую реформу и к каким результатам она привела. Хочется еще раз спросить: а что не тупик в русских условиях? Фермерское хозяйство? И разве не показательно, что после двадцатилетия либеральных реформ нормально живет именно та часть деревни, где сохранились колхозы. Напомню также о поразительных успехах колхозно-совхозного хозяйства в 1990–1991 гг. по сравнению с плюгавством постсоветского сельского хозяйства.

Ну и три мелочи напоследок.

Тезис о политических системах Наполеона III, Бисмарка и Столыпина как прообразах тех режимов, которые «становились реальной альтернативой стратегии Коминтерна в других регионах мира»[2]. Это, что называется, сапоги всмятку. Отменили большевики преподавание в школе логики как одной из буржуазных дисциплин, а последствия ощущаются до сих пор. Ну как можно ставить в один сравнительный ряд режимы и стратегии, т.е. структуры и процессы? Это, *во-первых*.

Во-вторых, политические системы Наполеона III и Бисмарка действительно имели место быть, а вот «политической системы Столыпина» не существовало – существовало самодержавие, исключавшее какую бы то ни было властную систему, кроме себя самого.

В-третьих, «реальной альтернативой стратегии Коминтерна» и советскому режиму были стратегии и режимы национал-социалистического и фашистского типа (Германия, Италия, Япония), а вовсе не кемалистский, гоминьдановский и (совсем уж смех) каудильистские и авторитарные режимы Латинской Америки. Надо называть вещи своими именами.

Тезис доклада о том, что Коминтерн пытался экспортировать аграрную революцию. У меня вопрос: куда? Где он собирался организовать «черный передел»? В Германии в 1923 г.? Во Франции? Может, в США? В странах, где победили «крестьянские революции», например, в Китае и Вьетнаме, аграрная реформа (по сути – революция) была проведена без всякого Коминтерна.

Тезис о том, что Дэн Сяопин и его преемники в Китае сделали то, что недоделал Столыпин в России, вообще трудно комментировать. Россия начала XX в. и Китай конца XX в., русская и китайская формы крестьянской организации, Россия и Китай как типы социума, эпохи – все это настолько различно, что тезис просто повисает. Как говорил классик советской эстрады, «тщательнйе надо, тщательнйе».

Доклад А.Н.Медушевского – частное проявление того, что «переходная» фаза в нашем обществоведении, по крайней мере, для некоторых ее представителей, затянулась. Налицо

комбинация стремления отказаться от научной программы марксизма (без адекватного понимания и предварительного выяснения, что это такое) и некритического – до бессознательности – восприятия капиталоцентричного дискурса устаревших и сданных в утиль несколько десятилетий назад западных идеологем «традиционное общество», «модернизация», «индустриальное общество» вкупе с неспособностью или нежеланием понять, что это не столько научные теории, сколько именно идеологемы[8]. А замешано все это на неприятии советского опыта развития без какой-либо попытки понять этот опыт системно-исторически.

И, наконец, последнее: на постсоветском (он же антисоветский) «либерализме» лежит тяжелая печать худших образцов советского коммунизма, порождением которого он является. Эта печать – сочетание догматизма, идеологизированность (место «научного коммунизма» занял «научный либерализм»), слабой профессиональной подготовки, отставание от мирового научного информпотока и нелады с логикой.

При этом если у советского коммунизма была пусть примитивная, но самостоятельная мысль, то у его внебрачного дитяти «антисоветского либерализма» – коррелята гайдарочубайсовщины в экономике – ничего своего, все заемное, все с чужого плеча: и традиция, и модернизация, и прочая сданная на самом Западе в утильсырье продукция.

Post Scriptum

Подводя итог, можно сказать, что организаторы и участники второй крестьяноведческой дискуссии постарались удержать профессиональную и интеллектуальную планку на той высоте, на которой «сработала» первая дискуссия.

Что особенно важно – был поднят ряд проблем, выходящих за рамки крестьянского вопроса и максимально приближающих споры к сегодняшнему дню.

Дискуссия также показала, что рано говорить о конце идеологии вообще и о конце идеологии в науке в частности: место коммунистического дискурса в качестве мейнстрима занял либеральный с большим количеством «родимых пятен» коммунистического эдакий коммунизан-либерализм, неофиты которого, как это всегда бывает с неофитами, стремятся быть святее папы – со всеми вытекающими отсюда издержками для собственно научного исследования.

Появление либерально-антикоммунистической, антисоветской версии социальной науки и исторического дискурса не удивительно – ни конформизма, ни желания угодить власти никто не отменял.

Воланд прав: люди не меняются, меняются времена, которые ставят новые научные задачи.

Вот их и надо решать. Идеологии приходят и уходят, научный поиск остается, и можно лишь поздравить организаторов круглого стола, что такого поиска было больше, чем дешевой идеологии.

Примечания

[1] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 182–184.

[2] Крестьянство и власть в истории России XX века. Сб. науч. статей / под ред. П.П.Марченя, С.Ю.Разина. М.: АПР, 2011. С. 134, 128, 89, 226, 81, 225, 253, 73, 314, 71, 87, 324, 230, 263, 266, 280, 281 // URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=2416

[3] *Mendra H.* La seconde révolution francaise. 1965–1984. P., 1994.

[4] *Foursov A.* Social Times, Social Space, and Their Dilemmas // Ideology "in One Country". Он же. Review. Binghamton (N. Y.). 1997. Vol. XX. № 3/4. P. 345–420; *Фурсов А. И.* Манифест коммунистической партии, или 150 лет спустя // Русский исторический журнал. 1998. Т. I. № 1. С. 267–300; Он же. Биг Чарли, или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория // Русский исторический журнал. 1998. Т. I. № 2. С. 335–429; Он же. Идеология и идеология // *Кустарев А.* Нервные люди. М., 2006. С. 7–47; Он же. Интеллигенция и интеллектуалы // Там же. С. 48–86.

[5] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века». 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 163–164.

[6] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель–Observer. 2011. № 11. С. 31–37, 40–42.

[7] *Фурсов А.И.* Проблемы социальной истории крестьянства Азии. М., 1986. С. 122–159.

[8] *Фурсов А.И.* «Традиционное общество» или «мировая экономика»? Конфликтующие парадигмы развития азиатских обществ в новое и новейшее время // Традиционное общество и мировая экономика: Критика теорий модернизации. М., 1981. С. 80–141; Он же. Развитие азиатских обществ XVII – начала XX в. // Современные западные теории. М., 1990–1991. Вып.1–3.

Подписка на 2012 г.

на журнал "Обозреватель – Observer"

в каталоге «Газеты и журналы»

агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Кого мы победили в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов?

Анатолий Цветков

Ответ на этот вопрос у нашего народа однозначный – немецкий фашизм, а точнее, капитализм в лице германского фашизма и всей капиталистической Европы, втайне поддерживаемой Соединенными Штатами Америки.

Действительно, в Великой Отечественной войне капиталистический мир, не сумев одолеть социализм в годы Гражданской войны, решил взять реванш и сокрушить первое в мире социалистическое государство путем новой агрессии, которую возглавила наиболее реакционная страна Запада – фашистская Германия.

В итоге в Великой Отечественной войне столкнулись в смертельном противоборстве два мира – капитализм и социализм. Кто кого?

Гитлер покоряет и мобилизует Западную Европу

Первым шагом, который сделала фашистская Германия перед агрессией Советского Союза, была оккупация ею стран Западной Европы, с тем чтобы обезопасить свой тыл и поставить их экономику и людские ресурсы на нужды войны.

С этой целью гитлеровская Германия, нарушив Версальский договор 1919 г., сумела к середине 30-х годов

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаакович – участник Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 гг., доктор военных наук, профессор. *E-mail:* anatoli2010@gmail.com

Ключевые слова: агрессия, фашизм, капитализм, противоборство, корни Победы, Великая Отечественная война.

прошлого столетия создать надежный военно-промышленный потенциал и вполне современные вооруженные силы.

Военные расходы Германии с 1 августа 1934 г. до 30 августа 1939 г. по всем трем видам вооруженных сил – сухопутным войскам, авиации и флоту, в том числе и расходы, связанные с увеличением вооружений, составили 60 млрд марок. В этот же период общи бюджетные расходы Германии равнялись 105,5 млрд марок, т.е. военные расходы составили почти 60% этой суммы.

Это позволило Гитлеру создать к 1937 г. вооруженные силы численностью около 3 млн чел. и начать осуществление своих агрессивных планов. Им предшествовали определенные политические и дипломатические шаги: были установлены особо близкие отношения с Италией и Японией, заключен с ними Антикоминтерновский пакт, изолированы Франция и Великобритания.

В 1936 г. Германия оккупировала демилитаризованную, согласно Версальскому миру, Рейнскую зону, а ровно через год, в начале марта 1938 г., – Австрию, присоединив ее к рейху. Аннексия Австрии укрепила стратегические позиции Гитлера для последующего нападения на Чехословакию и ее расчленение (октябрь–ноябрь 1935 г., операция «Грюн»).

Захват Чехословакии, присоединение к Германии Судетской области, образование протектората Богемии и Моравии, а также Словацкого государства развязало руки немецкому фашизму. 22 марта 1939 г. Германия ввела свои войска в Клайпеду (Мемель), ранее немецкий город и порт, переданный Лигой Наций в 1923 г. Литве под гарантии Англии и Франции.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, развязав Вторую мировую войну (план «Вейс»). Без поддержки Франции и Великобритании Польша не могла долго противостоять фашистской агрессии и в течение сентября ее армия была разгромлена, потери составили 66,3 тыс. чел. убитыми и 133 тыс. ранеными, 120 тыс. поляков попали в немецкий плен.

Советский Союз для защиты украинцев и белорусов, брошенных польским руководством на произвол судьбы, 17 сентября 1939 г. ввел свои войска в западные области Украины и Белоруссии, вышел на так называемую линию Керзона и очутился лицом к лицу с фашистской Германией, которая стала готовить агрессию против Франции (план «Гельб»), предварительно захватив Данию и Норвегию.

План захвата Дании и Норвегии под кодовым названием «Везерюбунг» был разработан в марте 1940 г., а вторжение 21-й оперативной группы немецких войск в Данию и Норвегию началось 9 апреля 1940 г. Помимо значительного количества военно-транспортных самолетов и судов флота немецкая группировка для захвата Дании включала две пехотные дивизии, одну бригаду и танковый батальон, а для вторжения в Норвегию – 5 пехотных и одну горнопехотную дивизии. Эти силы значительно превосходили вооруженные силы Дании и Норвегии. Дания не смогла оказать немецкой армии какого-либо организованного сопротивления, а вот в Норвегии часть вооруженных сил под командованием генерала О.Рюге и высадившиеся

здесь английские войска оказали оккупантам организованное сопротивление.

Благодаря захвату двух скандинавских стран Германия получила возможность начать войну с Францией. Для этого она создала группировку из 136 дивизий (в их числе 10 танковых и 7 моторизованных), было задействовано 2,6 тыс. танков, 7,4 тыс. орудий и свыше 3,8 тыс. самолетов.

10 мая 1940 г. немецкие войска без объявления войны вторглись на территорию нейтральных Бельгии и Голландии, совершили обход укрепленной линии Мажино и перешли в наступление на Францию. В первых же сражениях до 30 французских дивизий были разгромлены, а остальные войска не сумели организовать сколь-либо устойчивой обороны на подступах к Парижу. 14 июня вермахт без боя занял столицу Франции, а уже 22 июня 1940 г. на станции Ретонд в Компьенском лесу, в том же самом салон-вагоне, в котором 11 ноября 1918 г. был подписан договор о перемирии, продиктованный Германии странами Антанты, генерал В.Кейтель принудил французское руководство подписать договор о перемирии.

По условиям перемирия Франция обязалась демобилизовать свои вооруженные силы. Более 1,5 млн французских солдат и офицеров должны были остаться в германском плену до заключения мирного договора. Франция была разделена на оккупированную и неоккупированную зоны и фактически превратилась в вассала Германии.

После разгрома Франции нацистское руководство Германии стало усиленными темпами готовить агрессию против Советского Союза, предварительно оккупировав Балканы и развивая совместно с Италией военные операции в Северной Африке для захвата Суэцкого канала.

Таким образом, накануне агрессии против СССР Германии удалось без больших людских и материальных потерь оккупировать Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург, северную и центральную часть Франции, Югославию и Грецию. За счет людских и материальных ресурсов этих стран Германия превратилась в могучую военную державу, приобрела господствующее положение среди всех капиталистических стран континентальной части Европы и заняла выгодное стратегическое положение для нападения на СССР.

Продолжая наращивать свои вооруженные силы, Германия создала и надежный стратегический тыл, обратив на военные нужды собственную экономику и экономику Западной Европы, не без согласия и поддержки ее компрадорской верхушки.

Сама Германия по объему промышленной продукции перед нападением на Советский Союз занимала третье место в мире.

Ее доля в мировом промышленном производстве достигло 13,3%, уступая только США (28,7 %) и СССР (17,6%), и лишь немного уступала далее Великобритании (9,2%) и Франции (4,5%), вместе взятых.

Германская промышленность испытывала большую зависимость от экспорта сырья. Эта зависимость составляла по железной руде 45%, по цинку – 25, свинцу – 50, меди – 70,

олову – 90, никелю – 95, бокситам – 99, нефти – 66, каучуку – 80, сырью для текстильной промышленности – 65. Поэтому Германия предприняла значительные усилия для пополнения своих сырьевых запасов за счет оккупированных стран.

Только в качестве трофеев ею было захвачено: 365,4 тыс. т цветных металлов, 272 тыс. т чугуна, 1860 тыс. т железного металлолома, 164 тыс. т химических веществ, 12,2 тыс. т каучука, 363 тыс. т бензина, 220 тыс. т авиационного бензина. На службу Германии было поставлено хозяйство почти всех союзных и оккупированных ею стран Европы; промышленный потенциал фактически увеличился более чем в два раза, а продовольственные ресурсы – в 2–3 раза.

Перед нападением на СССР Германия не испытывала недостатка ни в сырье, им в рабочей силе. В 1940 г. ее промышленное производство в целом, по сравнению с 1939 г., выросло на 6,5%, а в 1941 г. – еще на 10%. Производство автоматического оружия за этот период выросло на 90%, танков и штурмовых орудий – на 231%, самолетов – на 70%.

Кроме того, к июню 1941 г. фашистской Германии удалось поставить под ружье, помимо вермахта, 4 армейских корпуса финнов, две румынские, одну итальянскую, одну венгерскую армии, словацкий корпус, испанскую пехотную дивизию, хорватский полк, военизированные тыловые формирования из чехов и поляков, общей численностью около 900 тыс. чел.

Таким образом, к лету 1941 г. вся капиталистическая Европа во главе с гитлеровской Германией подготовилась к войне против Советского Союза, чтобы сокрушить первое в мире социалистическое государство и силой оружия покончить с коммунистической идеей. Но, суждено ли было сбыться этим планам?

Советский Союз принимает вызов

Германия и ее европейские сателлиты развернули к 22 июня 1941 г. вооруженные силы, насчитывающие 7,3 млн чел., 71,5 тыс. артиллерийских орудий и минометов, 5,6 тыс. танков и 5,7 тыс. боевых самолетов.

Непосредственно против СССР Германия создала группировку, в состав которой входило 4,1 млн чел., 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей. В ее составе было 156 дивизий, в том числе 17 танковых и 14 моторизованных, а также 3 бригады.

Советский Союз мог противопоставить агрессору в западных пограничных округах около 170 дивизий и 14 бригад неполного состава, около 50 тыс. орудий и минометов, около 5 тыс. танков (75% устаревших образцов) и около 4 тыс. самолетов.

Эти силы были относительно равномерно распределены вдоль всей границы и рассредоточены на большую глубину.

В 10–50 км от границы в первом эшелоне армий прикрытия дислоцировалось 52 дивизии и две бригады.

Во втором эшелоне на удалении 50–450 км от границы – еще 52 дивизии, в том числе 24 танковые и 12 моторизированных. В 100–

400 км от границы находились 62 дивизии резерва военных округов.

На рубежи Западной Двины и Днепра из глубины страны выдвигались четыре общевойсковые армии (21 дивизия).

Германия к 22 июня 1941 г. создала на важнейших стратегических направлениях – Ленинградском, Московском и Киевском – многократное превосходство в силах и средствах и сумела за первые две недели войны добиться значительных стратегических результатов. Были оккупированы Прибалтийские республики, большая часть Белоруссии, значительная часть Украины.

Развязав войну против Советского Союза, фашистская Германия, ударная сила западного мира, несла смерть и разрушения на территорию нашей страны. В полную силу был задействован план истребления советского народа «Ост», согласно которому в течение 25–30 лет должны были быть уничтожены и изгнаны со своих земель до 30 до 50 млн чел.

Лозунг нацистов «Уничтожить коммунистов и евреев!» стал идеологическим оружием гитлеровской армии. Солдатам и офицерам вермахта вручалась памятка в которой говорилась: «...убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишься навеки».

Особенно свирепыми убийцами и грабителями проявили себя эйнзатцгруппы СД (полиция безопасности), которые только до середины ноября 1941 г. истребили более 300 тыс. советских граждан. Всего на их счету, по самым скромным подсчетам, свыше миллиона человеческих жертв, в том числе 100 тыс. расстрелянных, в основном евреев, в Бабьем Яру под Киевом. Профессиональными убийцами мирных советских граждан зарекомендовали себя карательные войска под командованием оберфюрера СС Бах-Залесского.

Так, огнем и мечом утверждал западный милитаризм свое господство на советской земле.

Это не много не вызвать справедливого гнева нашего народа, который день ото дня усиливал сопротивление гитлеровскому нашествию на фронте и в тылу немецко-фашистских войск. Призыв «Смерть немецким оккупантам!» стал всенародной клятвой.

Уже в начале декабря 1941 г. по фашистским войскам Красная армия нанесла существенные удары под Тихвином и Ростовом, а разгром гитлеровцев под Москвой ознаменовал зарю нашей победы.

Пережив трагедию лета 1942 г., когда мы потеряли значительную территорию страны, сотни тысяч убитыми и пленными и ценой невероятных усилий остановили немецко-фашистские войска у стен Сталинграда и в предгорьях Северного Кавказа, Красная армия сумела переломить ход событий в Великой Отечественной войне в свою пользу.

Разгром 330-тысячной группировки немецких войск под Сталинградом, изгнание фашистов с Северного Кавказа, мощные удары Красной армии под Воронежем и Курском привели к началу массового изгнания оккупантов с советской земли, расколу гитлеровской коалиции, отказу от вступления в войну против СССР Японии и Турции, а также

оживлению подготовки открытия второго фронта в Европе США и Великобританией.

Выиграв битву под Курском летом 1943 г., Красная армия фактически поставила гитлеровскую Германию перед катастрофой. Войска Третьего рейха окончательно потеряв своих военных союзников в Европе, за исключением остатков румынской армии, вынуждены были перейти к стратегической обороне на всем советско-германском фронте.

Капиталистическая Европа была вынуждена в очередной раз отказаться от попыток сокрушить социализм в вооруженном противоборстве, а немецкий фашизм решил предпринять последние усилия для спасения Третьего рейха от неминуемого поражения.

1944 г., когда Красной армией были нанесены десять сокрушительных ударов по немецко-фашистским войскам, привел к окончательному освобождению советской земли от немецко-фашистских захватчиков и их сателлитов и переносу боевых действий на территорию стран Восточной Европы. Близилась развязка Великой Отечественной войны и закономерный крах фашистской Германии.

Открытие союзниками по антигитлеровской коалиции второго фронта в Западной Европе (июнь 1944 г.) в определенной степени способствовало успешным операциям Красной армии, но не имело определяющего значения в исходе войны. Было ясно, что и без помощи США и Великобритании Советский Союз способен завершить разгром немецкого фашизма.

Развязка Великой Отечественной войны наступила весной 1945 г., когда 16 апреля началась заключительная, Берлинская операция Красной армии. Фашистские войска оказывали отчаянное сопротивление. Особенно трудно было наступать войскам 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г.К.Жукова на позиции немецких войск, закрепившихся на Зееловских высотах.

Тем не менее к исходу 19 апреля оборона противника была прорвана. 24 апреля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов окружили 300-тысячную группировку фашистских войск в районе Франкфурта и Губена. 25 апреля они соединились в районе западнее Берлина, завершив его окружение. Создав внешнее кольцо окружения Берлина, они частью сил продвинулись к Эльбе.

В районе Торгау 5-я гвардейская армия встретилась с 1-й американской армией. Остатки немецко-фашистских войск в Северной и Южной Германии были рассечены и изолированы.

Вечером 30 апреля разведчики 75-го стрелкового полка 150-й гвардейской стрелковый дивизии 3-й ударной армии М.А.Егоров и М.В.Кантария водрузили Красное знамя над рейхстагом.

2 мая гарнизон Берлина капитулировал.

Поздним вечером 8 мая в Карлсхорсте, пригороде Берлина, собрались представители Верховных командований союзных стран. За столом заняли места заместитель Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, заместитель Главнокомандующего экспедиционными силами союзников Главный маршал авиации

Великобритании А.Теддер, Командующий стратегическими воздушными силами США генерал К.Спаатс, Главнокомандующий французской армии генерал Ж.-М. Г. де Латтр де Тасиньи. После этого в зал были доставлены представители Германского Верховного Командования.

Первый пункт подписанного генерал-фельдмаршалом В.Кейтелем Акта о военной капитуляции гласил: «Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящие время под немецким командованием, – Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных Экспедиционных сил».

Фашизм, ударная сила капитализма в Европе, был повержен. 9 мая 1945 г. был объявлен Днем Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Эта Великая Победа далась нам нелегко: погибло более 26 млн советских граждан, были разрушены сотни городов и сел, тысячи промышленных предприятий. Но мы выстояли и победили самые реакционные силы капиталистической Европы, доказав всему миру жизненность и непобедимость нового общественного строя – социализма.

Корни нашей Победы

Что же помогло нашему народу одержать в Великой Отечественной войне всемирно-историческую Победу?

Об этом написано и сказано немало, но хочется еще раз обратить внимание читателя на некоторые факты, которые в последнее время забываются или просто замалчиваются.

Великая Отечественная война советского народа явилась самым значительным событием не только XX в., но и последующих столетий. Она показала всему миру, что при нынешнем характере международных отношений, развитии науки вообще и политических наук в частности, технического прогресса нельзя силой оружия добиться желаемых политических результатов, тем более искоренить такую идеологию, как коммунизм.

К чему привели подобные попытки капиталистических государств, наглядно показала Великая Отечественная война, победа в которой явилась торжеством победы нового общественного строя над капиталистическим, коммунистической идеологии над человеконенавистнической идеологией фашизма. Это, пожалуй, основной фактор нашей победы в Великой Отечественной войне.

Вот почему некоторые политологи у нас и за рубежом никак не хотят признать этого очевидного факта и стараются как только могут принизить значение нашей победы в войне, стремясь сделать ее незначительным эпизодом Второй мировой войны. Если даже кому-то удается заглушить правду о Великой Отечественной войне, то это ненадолго. История расставит все по своим местам.

Вместе с тем наша победа в Великой Отечественной войне была победой советского оружия над вооруженными силами капиталистической Европы, явного превосходства советской боевой техники над фашистской, таланта наших полководцев над немецкими, героизма наших солдат и офицеров над вермахтом и его союзниками.

Многие образцы советской военной техники по своим тактико-техническим характеристикам превзошли аналогичные образцы немецкого оружия.

Это прежде всего танки Т-34 и ИС-2, реактивные установки («Катюши»), самолеты Ил-2 и Ла-5, автоматы ППД и ППШ.

Несмотря на понесенные перед войной потери в командном составе Красной армии по причине необоснованных репрессий, наши офицеры и генералы быстро приобрели на войне необходимый боевой опыт и стали настоящими мастерами военного дела. Гордость советского народа – полководцы, как Г.К.Жуков, К.К.Рокоссовский, А.М.Василевский, И.С.Конев, Н.Ф.Ватутин, Л.А.Говоров, К.А.Мерецков, Ф.И.Толбухин, И.И.Масленников, И.Д.Черняховский.

На полях сражений родились многие тысячи Героев Советского Союза, кавалеров боевых орденов и медалей.

В годы Великой Отечественной войны экономический потенциал Советского Союза превзошел экономической потенциал капиталистической Европы, прежде всего фашистской Германии. Мы стали больше добывать сырья для промышленности и выпускать больше боевой техники для армии, чем Германия и ее союзники.

За годы войны, как по среднегодовому выпуску, так и по общему объему произведенной военной продукции, Советский Союз почти вдвое превзошел Германию.

Если среднегодовой выпуск артиллерийских орудий в СССР составлял 47 тыс. ед., то в Германии – 25,5 тыс., танков соответственно 23,8 тыс. и 13,5 тыс., боевых самолетов – 27 тыс. и 19,7 тыс. ед.

Здесь прежде всего сказались преимущества социалистического строя перед капиталистическим, с его частной собственностью. Советский Союз сумел накануне войны в относительно короткий исторический срок осуществить индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. При этом не обошлось без ошибок, просчетов и силового подавления оппозиционно настроенных элементов. Об этом достаточно говорилось, не без перехлестов, в многочисленных исторических трудах.

Но бесспорно одно: к началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе была создана мощная экономика, которая превзошла в годы войны показатели капиталистической Европы. И это несмотря на то, что она в годы войны старалась выжимать из своей экономики все возможное. Экономический потенциал, созданный в нашей стране накануне и преумноженный в годы Великой Отечественной войны, позволил Советскому Союзу в короткий срок восстановить народное хозяйство, разрушенное войной.

Существенным вкладом в победу советского народа в Великой Отечественной войне явилось морально-политическое единство советского общества. Оно является существен-

ным фактором в деятельности любого государства. Поэтому на его создание и укрепление направляются значительные силы существующего в государстве режима.

Гитлер, приидя к власти, начал с проповедования величия германского духа, превосходства немецкой нации над другими народами, ее единения вокруг национал-социалистической партии Германии. На протяжении многих лет фашистские руководители внушали немцам идею реванша за поражение в Первой мировой войне, а также необходимость ликвидации социализма в России. Такое систематическое воздействие на умы и сердца миллионов немцев дало свои результаты, что позволило Гитлеру держать армию и народ в повиновении вплоть до позорного часа капитуляции.

И все же капиталисты Западной Европы не устояли. Их превзошло морально-политическое единство советских людей.

Советский Союз всегда заботился о создании и поддержании высокого морально-политического состояния общества, каждого человека нашей многонациональной страны.

Это было необходимо как для успешного созидательного труда народа, так и надежного отпора агрессору, посягнувшему на нашу страну. Поэтому непреклонная вера в наши идеалы, дружба народов, взаимовыручка, ненависть к фашизму – наиболее воинственному отряду капитализма, готовность защищать Отечество всегда были в поле зрения советского руководства. На это были накануне и в ходе войны направлены теоретические исследования, пропаганда, произведения литературы и искусства. Тысячи пропагандистов, писателей, журналистов, художников, учителей, преподавателей вузов активно включились в эту созидательную работу.

В результате за короткий срок удалось создать мощную морально-политическую основу общества, вооруженную передовой идеологией, верой в правоту идей социализма и способность руководства страны защищать ее интересы в самых сложных и трудных условиях. Был создан достойный авторитет как высшего политического и хозяйственного руководства страны, так и руководителей среднего звена, среди которых не было ни явных карьеристов, им взяточников, ни проходимцев, ни расхитителей. Это были люди, прошедшие царскую каторгу и тюрьмы, свершавшие Великую Октябрьскую социалистическую революцию, перенесшие трудности и лишения индустриализации и коллективизации.

Их еще называли бойцами за светлое будущее. Таких закаленных, преданных делу социализма и народу кадров история еще не видела. Поэтому высокое морально-политическое состояние личного состава армии и флота, тружеников тыла во время войны было тем оружием, которое надежно работало на нашу Победу.

В заключение справедливости ради нельзя не отметить, что, преследуя свои корыстные интересы по устранению опасной конкуренции на мировой арене в лице фашистской Германии, США и Великобритания оказывали нам во время Великой Отечественной войны определенную помощь оружием (правда, не лучших образцов), транспортными средствами, отдельными видами сырья и про-

довольствия. Поставки осуществлялись главным образом северным морским путем и через Иран.

Всего с июля 1941 г. по сентябрь 1945 г. союзниками были отправлены грузы в СССР по всем маршрутам в объеме 17,5 млн длинных тонн (1 дл. т = 1,016 метрической). Затраты США на поставки по ленд-лизу Советскому Союзу составили примерно 10,7 млрд долл. (24% от общей суммы американских затрат). Великобритания израсходовала на помощь СССР 15% от общей суммы своих затрат, а Канада – около 5%.

В очередную годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне нельзя не отметить ее всенародного характера, проявившегося в грандиозной битве двух миров – капитализма и социализма, и выразить уверенность, что и впредь в войнах за светлые идеалы человечества будут побеждать силы, вооруженные передовой идеологией и верой в правоту интересов народных масс.

Подписка на 2012 г.

на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на полугодие

36789 — на год

Преступный Пакт без преступления

Игорь Шишкин

За пактом Молотова – Риббентропа прочно закрепилась репутация преступного документа, одного из самых противоправных и зловещих договоров в истории дипломатии.

По утверждению главы Комиссии историков при президенте Латвийской Республики И.Фелдманиса, «договор от 23 августа, как пакт войны, раздела и уничтожения, не имеет себе аналога во всей истории Европы XIX и XX столетий. Трудно представить еще более грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств»[1].

Руководствуясь подобным пониманием договора о ненападении между СССР и Германией, более 400 видных европейских политических деятелей в 2008 г. выступили с призывом провозгласить день подписания пакта Молотова – Риббентропа Днем памяти жертв сталинизма и нацизма. Минул год, и соответствующая декларация уже официально была принята Европарламентом.

Не осталась в стороне и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: Парламентская ассамблея ОБСЕ утвердила резолюцию «Воссоединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой полностью поддержала инициативу Европарламента объявить 23 августа Общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма.

ШИШКИН Игорь Сергеевич – заместитель директора Института стран СНГ (Москва), профессор РГТЭУ. E-mail: geomant-rus@yandex.ru

Ключевые слова: Вторая мировая война, информационная война, фальсификация истории, пакт Молотова – Риббентропа.

В 2011 г. уже официально на уровне Евросоюза 23 августа отмечался День памяти жертв тоталитарных режимов.

В настоящее время можно с полной уверенностью утверждать, что Пакт занял одно из ведущих мест в широкомасштабной кампании по насаждению новой концепции Второй мировой войны, основанной на тождестве нацизма и сталинизма и равной ответственности СССР и Германии за мировую бойню.

Однако обвинения в преступлении должны опираться не на эмоциональные характеристики и филиппики о попрании светлых идеалов, а на указание конкретных норм международного права, которые попрал («преступил») советско-германский договор. Это аксиома.

К счастью, за последние годы Пакт был объектом не только исторической политики, но и исторической науки. По проблемам предвоенной истории в целом, пакта Молотова – Риббентропа и связанных с ним событий, в частности, проведено огромное количество научных исследований, конференций и дискуссий, в которых участвовали ведущие российские и зарубежные ученые (порой прямо противоположно оценивающие Пакт). В научный оборот введены значительные пласты недоступных ранее документов. Российское общество получило возможность выработать собственное отношение к Пакту, опираясь на накопленные наукой знания, а не пропагандистские штампы, фальшивки и лозунги.

Договор о ненападении

Автор одного из первых историко-правовых исследований советско-германских отношений в межвоенный период, А.А.Пронин, причем стоящий на позиции безусловной виновности СССР в развязывании войны и преступного характера пакта Молотова – Риббентропа, смог найти только две юридические зацепки для осуждения собственно Договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, а именно: Пакт «обесценил» франко-советский договор о взаимопомощи 1935 г. и не содержал положения о его автоматическом расторжении в момент начала агрессии другой договаривающейся стороной против третьего государства[2].

Рассмотрим эти обвинения по порядку.

Советско-французский договор, как и все аналогичные французские договоренности с восточноевропейскими государствами, «обесценились» не в результате пакта Молотова – Риббентропа, а в Мюнхене, когда Франция отказалась выполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией.

В.П.Смирнов, один из крупнейших специалистов по истории Франции XX в. и Второй мировой войны, пишет, что «после Мюнхенской конференции Франция и, видимо, Англия считали Восточную Европу сферой преимущественного влияния Германии и не исключали, что Германия может использовать связанных с нею украинских националистов для отделения Украины от СССР, т.е. прибегнет к тому, что потом назвали “косвенной агрессией”.

Они согласились, что в таком случае Франция откажется от своих обязательств по франко-советскому договору о взаимной помощи (выд.– *Авт.*)»[3].

Не менее определенно на это последствие Мюнхена указывает и Н.А.Нарочницкая: «Западные страны в Мюнхене перечеркнули систему французских союзов в Восточной Европе, советско-французско-чехословацкие договоры и франко-польский союз, положили конец Малой Антанте»[4].

Поэтому странно считать преступлением «обесценивание» того, что уже ничего не стоит.

Еще более странным является попытка вменить в вину СССР отсутствие пункта об автоматическом расторжении договора в случае начала войны другой договаривающейся стороной против третьего государства.

Действительно, во всех многочисленных договорах о ненападении, заключенных СССР ранее, такой пункт был. Но определялось это не нормами права, а политической целесообразностью. СССР тогда пытался построить систему коллективной безопасности в Европе, предполагающую совместное наказание агрессора. После Мюнхена, знаменовавшего провал советской политики коллективной безопасности, положение кардинально изменилось.

Как отмечает В.П.Смирнов, «Мюнхенская конференция привела советское руководство к мысли, что на Англию и Францию нельзя положиться; политика коллективной безопасности показала свою несостоятельность, и, следовательно, Советский Союз должен заботиться только о своей собственной безопасности, независимо от интересов других стран»[3].

В настоящее время можно спорить о том, насколько данное решение Советского руководства соответствовало интересам страны, но с юридической точки зрения оно было безупречным. Не существовало ни одной нормы международного права, обязывающей СССР отказаться от нейтралитета и вступить в войну в случае более чем вероятного на тот момент нападения Германии на Польшу. Тем более что последняя несколько раз в преддверии заключения Пакта официально отказывалась принимать от России гарантии своей безопасности.

С.З.Случ дополняет обвинения, выдвинутые А.А.Прониным, указанием на несовместимость советско-германского и советско-польского договоров о ненападении.

По его мнению, «пойдя на соглашение с Третьим рейхом в той форме, в какой это имело место 23 августа 1939 г., советское правительство сразу же нарушило статью 3 договора о ненападении между СССР и Польшей... Согласно этой статье, СССР и Польша обязывались “не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне”... Все это свидетельствует о том, что с международно-правовой точки зрения открытая часть советско-германского договора о ненападении, оцениваемая в рамках конкретной военно-политической обстановки конца лета 1939 г., входила в явное противоречие с взятыми советским руководством ранее обязательствами в отношении Польши»[5].

Однако «открытая часть» Пакта, равно как и «закрытая», не содержали никакой договоренности об агрессивных или просто враждебных действиях договаривающихся сторон против Польского государства. Отсутствие пункта об автоматическом расторжении договора в случае агрессии одной из сторон против третьего государства, как уже говорилось выше, таковой договоренностью считаться не может.

Пакт был договором с Германией о ненападении друг на друга, а не о нападении на Польшу, как нам упорно пытаются представить.

Именно это позволило М.И.Мельтюхову, автору исследования по истории советско-польских войн, утверждать, что с правовой точки зрения «советско-германский договор был вполне совместим с советско-польским соглашением, поскольку буква договора не нарушалась. Конечно, в реальных условиях 1939 г. советско-германский пакт противоречил духу советско-польского соглашения. Но если говорить откровенно, дух того или иного соглашения – вещь достаточно условная и воспринимается скорее под влиянием субъективных факторов. Как бы то ни было, официально Варшава в тот момент не увидела в действиях Москвы нарушения действующего договора»[6].

Особую важность здесь представляет указание М.И.Мельтюхова на реакцию Польши, которая была вполне определенной: «Мы первые заключили с СССР пакт о неагрессии, первые подписали соглашение об определении агрессии, мы имеем нормальные отношения с СССР и большего не хотим, причем СССР нашу позицию понимает. Берлин получил от СССР только то, что мы уже имеем давно, т.е. пакт о ненападении, а что касается участия СССР в игре в Европе, то мы неоднократно предупреждали западных друзей, что созидательной роли СССР играть не может»[7].

Польское руководство по вполне понятным причинам с особым вниманием следило за советско-германскими переговорами и было прекрасно осведомленно о содержании договора, за исключением Секретного протокола, о котором ни англичане, ни французы не сочли нужным поляков проинформировать, «чтобы не ослаблять в Польше дух борьбы»[8] (по определению современного польского историка Я.Милевского). Знало польское руководство и об отсутствии в Пакте пункта о его автоматическом расторжении в случае агрессии против третьего государства, и при этом никакого противоречия советско-польскому договору о ненападении в «открытой» части Пакта оно не нашло. В отличие от современных поборников его противоправного, т.е. преступного, характера.

Что же касается несоответствия Пакта духу советско-польского договора, то и здесь все не так однозначно.

Помимо того что «дух» договора – понятие действительно субъективное, его едва ли оправданно рассматривать вне контекста «духа» советско-польских отношений в целом. Если бы Польша и СССР были союзными государствами или просто добрыми соседями, то о нарушении в Пакте «духа» еще можно было бы говорить. Да и то с моральной, а не с правовой точки зрения.

Однако Польша и Советская Россия все предвоенные годы являлись друг для друга врагами номер один.

Советско-польский договор о ненападении был призван в какой-то мере разрядить напряженность, не более того. Показательно, что он вполне нормально, в польском понимании, уживался с прямо (не по «духу») антироссийским польско-румынским договором. Все попытки СССР добиться даже не отмены, а хотя бы придания польско-румынскому договору общего характера ни к чему не привели и априори отвергались Варшавой.

Это, кстати, сыграло с Польшей позже злую шутку – союзная Румыния оказалась не обязана помогать Польше против немецкой агрессии.

Полпред СССР в Париже Я.З.Суриц докладывал о разговоре с румынским послом после начала немецкого вторжения: «С нескрываемым чувством облегчения румын вспоминал, что в свое время поляки уклонились от придания польско-румынскому пакту характера более генерального и в результате “должны считаться сейчас с румынским нейтралитетом”»[7].

В условиях такого «духа» польско-советских отношений ставить в вину СССР несоответствие пакта Молотова – Риббентропа «духу» советско-польского договора о ненападении равносильно обвинению в нарушении Вечного мира с Польшей от 1686 г.

Секретные протоколы

Центральное место в системе доказательств преступного характера пакта Молотова – Риббентропа отводится Секретным протоколам (имеются в виду все секретные протоколы, подписанные СССР с Германией в 1939–1941 гг.). Именно они подаются как наглядное воплощение заговора двух тоталитарных империй.

Показательно мнение Н.С.Лебедевой, представляющей Россию в российско-польской комиссии по сложным историческим вопросам Секретные протоколы были направлены «на ликвидацию государственного суверенитета и территориальной целостности четырех стран и как таковые грубо нарушали общепринятые нормы международного права»[9].

Даже в «компромиссном» постановлении Съезда народных депутатов СССР (1989 г.) о правовой оценке Пакта, признавшем собственно Договор о ненападении с Германией соответствующим нормам международного права и договорной практике того времени, Секретные протоколы безоговорочно осуждаются: «Съезд констатирует, что протокол от 23 августа 1939 г. и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничение “сфер интересов” СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран»[10].

Достижения современной исторической науки позволяют усомниться в обоснованности подобных трактовок Секретных протоколов и поставить под вопрос широко распространенное мнение о том, что они

и по форме, и по содержанию не соответствовали нормам международного права того времени. При этом проблему соответствия «ленинским нормам» можно оставить за скобками.

С точки зрения формы секретные договоренности между государствами не являются чем-то необычным в международной практике.

– В рамках англо-франко-советских переговоров 1939 г. в Москве, предшествовавших подписанию Пакта, одним из камней преткновения был отказ Польши и прибалтийских государств принять гарантии своей независимости от СССР. Франция предложила решить проблему вынесением списка гарантированных стран в секретное приложение к англо-франко-советскому договору.

– Через два дня после подписания пакта Молотова – Риббентропа Великобритания заключила с Польшей договор о взаимопомощи, к которому прилагался секретный протокол, оговаривающий направленность договора исключительно против Германии, а не какой-либо третьей страны (подразумевался СССР).

– Все договоры СССР о взаимопомощи с прибалтийскими республиками сопровождались «конфиденциальными приложениями», в которых оговаривалась численность и дислокация создаваемых советских баз на территории Латвии, Литвы и Эстонии.

– Великобритания в октябре 1940 г. предложила СССР «сугубо секретно и конфиденциально» заключить соглашение, в соответствии с которым Советская Россия должна была:

а) проводить в отношении Великобритании политику «благожелательного» нейтралитета;

б) продолжать поддержку Китая, не позволяющую Японии в полную силу обрушиться на британские владения в Азии;

в) заключить, как только «станет практически возможным, пакт о ненападении, подобный действующему ныне между Германией и СССР».

В обмен на это Англия, со своей стороны, гарантировала бы СССР признать «*de facto* власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях бывшего Польского государства, которые теперь находятся под Советским главенством»[11].

– При разрешении Карибского кризиса, наряду с договоренностью о возвращении с Кубы советских ракет, была достигнута «конфиденциальная» договоренность о выводе и американских ракет из Турции.

– Между США и Японией в 1969 г. был подписан секретный договор, позволяющий американским кораблям с атомным оружием на борту заходить на свои базы в Японии в нарушение японской конституции[12].

Примеры можно множить и множить. Причем вовсе не для оправдания по принципу «все воруют». Чужие преступления не отменяют собственной вины.

Примеры свидетельствуют совсем о другом: секретные договоренности являются обычной практикой, нормой для дипломатии. Без элементов секретности ни дипломатия, ни оборона, ни экономика не в состоянии эффективно функционировать по определению.

Конечно, предание гласности любого секретного договора вызывает скандал, но это ни в коей мере не ставит под сомнение правомерность существования государственной или коммерческой тайны.

Не будучи преступными по форме, Секретные протоколы не являются преступными и по содержанию.

В качестве подтверждения «вопиющего попрания» протоколами норм международного права чаще всего приводится разделение Восточной Европы на «сферы влияния» (хотя в тексте протокола «сферы интересов»), принятие решений обязательных для третьих стран, и, соответственно, нарушение принципа суверенного равенства государств, составлявшего «основу международного права с XVII века»[13] (ни много ни мало).

Рассмотрим по порядку и эти обвинения.

Для предвоенного периода разграничение «сфер влияния» не могло рассматриваться ни как нарушение норм международного права, ни даже как анахронизм. Достаточно вспомнить, что в основе биполярного мироустройства уже **второй половины** XX в. лежало деление мира на «сферы влияния» между двумя сверхдержавами.

«Сферы интересов» были, есть и будут у всех государств, которые не изолированы от внешнего мира. Причем чем активнее и разностороннее политические, экономические, культурные, человеческие контакты с другими странами, тем обширнее «сферы интересов» государства за пределами его границ.

В рамках «сфер интересов» объективно существуют и «сферы жизненных интересов». К ним относятся территории, от событий на которых прямо зависит безопасность государства, можно сказать, его жизнь.

Насколько серьезно государства относятся к своим «сферам жизненных интересов» свидетельствует пример США. «Гуамская доктрина», вошедшая в историю как *«Доктрина Никсона»*, провозглашала: «Мы предоставим щит, если ядерная держава станет угрожать свободе государства, находящегося в союзе с нами, или **стране, выживание которой мы считаем жизненно важным для нашей безопасности** (выд. – *Авт.*)»[14].

Эту же линию продолжала и *«Доктрина Картера»*, изложенная 23 января 1980 г. в ежегодном президентском послании конгрессу США: «Пусть наша позиция будет абсолютно ясна всем: попытка внешней силы овладеть контролем над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено всеми необходимыми средствами, включая военную силу»[15].

Данные примеры показывают, что даже государство, не обремененное традициями «старой дипломатии», рассматривает угрозу своим «сферам жизненных интересов» как непосредственную угрозу собственной безопасности и готово защищать их всеми доступными средствами, вплоть до развязывания глобальной ядерной войны.

«Сфера жизненных интересов» – это ключ от безопасности государства, в силу каких-то причин оказавшийся за пределами его границ. Поэтому каждое государство, независимо от общественно-экономического

строя и формы правления, стремится по возможности включить «сферу жизненных интересов» в свою «сферу влияния» и противодействовать ее превращению в «сферу влияния» других держав.

В отличие от «сфер интересов», имеющих объективный характер, «сферы влияния» являются результатом целенаправленных действий государств по защите своих интересов за рубежом. Такие действия, в свою очередь, могут быть как правомерными, так и противоправными. Само же по себе естественное стремление государства сделать «сферу жизненных интересов» своей «сферой влияния» противоправным не является – все зависит от того, какими методами оно реализуется.

Нет никаких оснований рассматривать проблему «сфер влияния» исключительно в логике конфронтации, империализма и подавления слабых стран сильными. В создании «сферы влияния» могут быть в равной мере заинтересованы все стороны, включая страны и народы, территория которых в силу исторических причин является «сферой жизненных интересов» другого государства. Жизненные интересы народов и государств необязательно противостоят друг другу.

В течение веков, включая почти весь XX в., сферы влияния были нормой международных отношений.

Как отмечает украинский историк права В.С.Макарчук: «Зловещую окраску термин “сферы влияния” приобрел уже в наше время, когда международное право подверглось едва ли не самым кардинальным за все время своего существования переменам»[16].

Причем связано это было не с гуманизацией международных отношений, а исключительно с государственными интересами и возможностями США. Победа в холодной войне сделала Соединенные Штаты единственной супердержавой, открыла путь к однополярному миру, что фактически означало превращение всего мира в сферу влияния США. В этих условиях демонизация принципа «сфер влияния» была неизбежна, так как малейшая попытка любого государства заявить о наличии своей собственной зоны влияния в современных условиях воспринимается в качестве прямого вызова *«Pax Americana»*.

В связи с этим, если не отождествлять международное право с интересами США, придется признать, что сам принцип «сфер влияния», примененный в пакте Молотова – Риббентропа, не может рассматриваться в качестве противоправного и, следовательно, преступного. Другое дело, какими методами данный принцип был реализован при подписании Пакта и его воплощении в жизнь.

А.А.Пронин утверждает: «Секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября 1939 г., от 10 января 1941 г. являются недействительными с самого начала, потому что они противоречили принципу суверенного равенства государств, то есть императивной норме международного права… Перечисленные секретные договоренности имели неправомерный объект. В “сферу интересов” договаривающихся государств они включали территорию третьих стран… Такой договор нарушает общепризнанный принцип права договоров – договор не предоставляет

прав третьей стороне, не налагает на нее обязательств»[2].

Трудно не согласиться с автором и его единомышленниками в том, что всякий договор, касающийся интересов третьих стран и обязывающий их к чему-либо, грубо попирает принцип суверенного равенства государств. Только при чем здесь пакт Молотова – Риббентропа. Все это про Мюнхен. Именно в Мюнхене четыре державы (Англия, Франция, Италия и Германия), даже не пригласив в зал заседаний Чехословакию, заключили соглашение, обязывающее последнюю отказаться от части своей территории.

Впрочем, независимо от правомерности или неправомерности произошедшего в Мюнхене, к Пакту Молотова – Риббентропа, включая Секретные протоколы, попрание принципа равенства государств никакого отношения не имеет. В Москве, в отличие от Мюнхена, не принималось никаких решений, обязательных для исполнения третьими странами.

Широко распространенное обвинение в том, что в Секретных протоколах Гитлер передал Сталину Прибалтику, Восточную Польшу и Бессарабию, являются не более чем пропагандистским штампом. Гитлер в принципе даже при всем желании не мог отдать того, что ему не принадлежало.

Собственно Договор о ненападении в открытой его части содержал обязательство СССР сохранять нейтралитет по отношению к Германии, независимо от ее столкновений с третьими странами, Секретные же протоколы к Договору, в свою очередь, оформили обязательство Германии не вмешиваться в дела СССР на европейской части постимперского пространства. Ничего более.

По аналогии: договор банка и торговца семечками у его входа: первый обязуется не торговать семечками, второй не одалживать деньги клиентам банка.

Формулировка ст. 2 Секретного протокола от 23 августа 1939 г.: «В случае территориально-политической перестройки областей, которые входят в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет проходить приблизительно вдоль линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о том, является ли во взаимных интересах желанным сохранение независимости Польского государства и какими будут границы этого государства, может быть полностью выяснен только по ходу дальнейшего политического развития»[11], несомненно, звучит для поляков зловеще. Но утверждения о том, что это договоренность о «четвертом разделе Польши», абсолютно беспочвенны.

Постановка (не решение) вопроса о возможных границах Польского государства не являются противоправными. В настоящее время на международной арене активно обсуждается вопрос о границах Израиля «в случае территориально-политической перестройки», связанной с признанием Палестинского государства. Никто, кроме радикальных израильских кругов, не обвиняет участников подобных переговоров в преступном сговоре с целью раздела Еврейского государства.

Не может трактоваться в качестве противоправной в условиях августа 1939 г. и заявленная готовность к обсуждению (опять-таки не решению) вопроса о самой независимости

Польского государства. За несколько месяцев до договора с карты Европы исчезла Чехословакия.

Главное, что ни в одном из пунктов Секретного протокола не оговаривается **намерение** провести территориально-политическую перестройку Польши и не определяются ее **формы**. В Секретном протоколе лишь зафиксировано обоюдное обязательство в случае подобной перестройки действовать с учетом интересов друг друга.

Именно поэтому, подчеркивает В.С.Макарчук, – нет оснований «считать, что Риббентроп и Молотов в августе 1939 г. согласовали "четвертый раздел Польши"». Стороны договорились о «сферах интересов», т.е. о тех территориях, «где сторона-контрагент должна воздерживаться от активных действий (концессии, капиталовложения, влияние на правительственные структуры, поддержка повстанческих движений и т. д.) при любом развитии событий.

Советский Союз не брал на себя обязательств осуществить военную операцию против Польши и тем самым нарушить действующие с этой страной двух- и многосторонние международно-правовые договоренности»[16].

Найти в Секретном протоколе договоренность о «четвертом разделе Польши» также невозможно, как и черную кошку в темной комнате, когда ее там нет.

Особо следует подчеркнуть, что понятие «территориально-политическая перестройка» не является дипломатичным прикрытием понятий «война» и «агрессия».

Изменения границ были, есть и будут. Весь вопрос в том, как они происходят, в каких формах и какими методами, насколько соответствуют нормам международного права.

Германия, СССР, Литва и Словакия (государства, считавшие, что Польша за 20 лет своей независимости оккупировала части их территории) вполне могли вместе или по отдельности предъявить имевшиеся территориальные претензии и добиться их выполнения, не прибегая к войне и не выходя за рамки международного права. Примером мирного решения территориальных проблем того времени является не только Мюнхен, но и 1-й и 2-й Венские арбитражи.

Ссылки на польский гонор и готовность погибнуть, но не поступиться чужой территорией не могут служить доказательством заведомой невозможности мирного исхода.

В «арсенале "легальных" (для 30-х годов прошлого столетия) способов международного влияния и давления были не только отзыв послов, реторсии и репрессалии, но и «мирная», и «военная» блокады и другие методы, от которых современное международное право практически отказалось»[16].

Показательно, что Англия и Франция предоставили Польше гарантии независимости, но отказались давать гарантии территориальной целостности, не взирая на все ее настояния.

Славомир Дембский, директор польского Института международных дел, признает, что «по поводу Гданьска Польша соглашалась на устранение Лиги Наций из Вольного города и готова была вести переговоры с Берлином в рамках двустороннего соглашения о будущем статусе

этого города. Также и по вопросу "экстерриториальной автострады" Польша была открыта для диалога с Гитлером, о чем свидетельствуют далеко идущие предложения министра Бека от 25 марта 1939 года»[17].

Германия избрала путь войны. Для нее территориальные претензии к Польше были лишь средством на пути к господству в Европе и мире. Это был ее выбор, и она несет всю полноту ответственности за него.

Таким образом, есть все основания утверждать, что пакт Молотова – Риббентропа в полной мере соответствовал нормам международного права межвоенного периода.

Единственное, что ему можно вменить, да и то с большой натяжкой, противоречие «духу» советско-польского договора о ненападении от 1932 г.

Впрочем, даже если это обвинение справедливо, то и тогда придется признать, что пакт Молотова – Риббентропа, столько лет громогласно объявлявшийся преступным, цинично попирающим нормы международного права, не имеющим прецедентов в международной практике, в реальности оказался всего лишь попранием некоего «духа» мало кому известного ныне и мало что значившего в то время договора.

Подобно тому, как человек, всенародно и официально обвиненный в страшных серийных убийствах, по результатам расследования оказался виновен только в переходе улицы на красный свет.

В настоящее время приходится только удивляться, каким образом советскому руководству в критически сложных условиях начинающейся мировой войны удалось оформить свои действия по обеспечению безопасности страны в полном соответствии с нормами международного права, не заложив ни одной юридической мины.

Примечания

[1] *Фелдманис И.* Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты // URL: http://www.am.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects

[2] *Пронин А.А.* Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия // Международный исторический журнал. 2000. № 10–12 // URL: http://militera.lib.ru/research/pronin/index.html

[3] *Смирнов В.П.* Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 23, 37.

[4] *Нарочницкая Н.А.* «Концерт великих держав» накануне решающих событий // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009. С. 11.

[5] *Случ С.З.* Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.) // Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 346–347.

[6] *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. С. 397.

[7] Документы внешней политики СССР. 1939. Сентябрь–декабрь. М.: Международные отношения, 1992. Т. 22. В 2-х книгах. Кн. 2. С. 657, 91.

[8] *Милевский Я.* Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941): новая точка зрения // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 64.
[9] *Лебедева Н.С.* Сентябрь 1939 г.: Польша между Германией и СССР // Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 409.
[10] Известия. 1989. 27 дек. С. 2.
[11] Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. Январь-ноябрь 1940. М.: Международные отношения, 1995. Т. 23. В 2-х книгах. Кн. 1. С. 702–705, 632.
[12] URL: http://lenta.ru/news/2009/12/22/agreement
[13] *Дембский С.* Мюнхенское соглашение и Пакт Риббентропа – Молотова через семьдесят лет: проблемы, интерпретации влияние // Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков. М., 2009. С. 55.
[14] URL: http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/guamskaya-doktrina.php
[15] URL: http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/doktrina-kartera.php
[16] *Макарчук В. С.* Государственно-правовой статус западноукраинских земель в период Второй мировой войны: историко-правовое исследование / Пер. с укр. Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 157, 152, 161.
[17] *Дембский С.* Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны // 65 лет Великой Победы. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. 1. С. 235.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER
http://www.rau.su
E-mail: observer@ru.ru

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2012 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Столыпин – образец для подражания или..?

Николай Кротов

На протяжении всей истории развития человечества всякий реформатор, претендующий на роль великого деятеля и желающий занять значимое место в памяти потомков, ищет обоснование и оправдание своих деяний в свершениях предшественников. При этом чем дальше отстоят эти предшественники в прошлом и чем меньше осталось документальных свидетельств об их деятельности, тем более они предпочтительны для современных «реформаторов».

Последнее десятилетие ознаменовано появлением в России нового кумира – Петра Аркадьевича Столыпина.

С 2008 г. торжественно вручается медаль П.А.Столыпина, рядом с Домом правительства в ближайшем будущем появится его памятник. В.А.Мау пишет, что современная реинкарнация Столыпина – это его (Мау) политический учитель Е.Т.Гайдар[1]. С ним спорит А.Р.Кох. Альфреду Рейнгольдовичу ближе в столыпинской ипостаси В.С.Черномырдин…

Стоит разобраться, не создаем ли мы в очередной раз мифического кумира, возвышая его по велению неких кукловодов. Сделать это интересно именно сейчас, так как с момента новых реформ (1992 г.) прошло ровно 20 лет. О них так страстно мечтал П.А.Столыпин, его крылатая фраза «Дайте нам двадцать спокойных лет, и вы не узнаете Россию…» известна практически каждому россиянину.

Экономическая история – это наука о граблях, и ею стоит заниматься, чтобы не наступить на них снова.

Я согласен с тем, что Столыпин – честный патриот (что для нынешнего времени действительно немало).

КРОТОВ Николай Иванович – журналист, историк экономики. *E-mail:* nk@letopis.ru

Ключевые слова: П.А.Столыпин, аграрная реформа, община, финансирование сельского хозяйства, собственность на землю, либеральная экономика.

Предлагаю этот аргумент для его защиты не использовать.

Имя Столыпина неразрывно связано с утвердившимся в исторической науке термином «столыпинская аграрная реформа».

Увы, «реформатор» не оставил практически никаких письменных обоснований своих замыслов. Кроме нескольких ярких выступлений в Госдуме, обсуждать нечего. Не занимался он и вопросами финансовой политики, так как всегда считал, в отличие от С.Ю.Витте, своей опорой МВД. Хорошо, что его страховал опытный министр финансов В.Н.Коковцев, да и член Госсовета Витте был невдалеке.

Во всяком случае, заслугу «широкого кредитования крестьян» Столыпину приписывать не стоит, этим начал заниматься Витте. Да и кооперативы Петру Аркадьевичу были не по нраву, неслучайно они активизировали свою работу после 1911 г.

Каковы были главные цели его реформы? Если упрощенно, их можно свести к двум: разрушить систему хозяйствования, основанную на коллективизме и взаимопомощи, а также провести массированную приватизацию – сделать землю предметом свободной продажи и залогов.

Ничего вам это не напоминает? Аналогичные цели ставил через 85 лет А. Б. Чубайс.

Действия Столыпина были направлены на устранение революционных настроений в крестьянстве путем решения жизненно важного для Российской империи земельного вопроса. Задача Чубайса была – любыми средствами сделать невозможным возвращение советской системы хозяйствования.

Колоссальная проблема России начала XX в. состояла в нехватке сельскохозяйственных земель и нерешенности в определении права собственности на нее. Перед современной Россией стоит совершенно иная задача – ввести в сельхозоборот пустующие земли.

По официальным оценкам, сейчас простаивает более 40 млн га сельхозугодий.

Права собственности на землю в России в начале 90-х годов решили в ходе приватизации. Все колхозные и совхозные земли, в соответствии с советским конституционным правом колхозников на долю в колхозной собственности, были безвозмездно переданы им и разрешены к свободной продаже. Одномоментно была решена земельная проблема, которая на протяжении нескольких веков считалась для России задачей неразрешимой. И что в результате? Глубокая деградация сельского хозяйства, десятки миллионов гектаров простаивающей пахотной земли и угасающие деревни.

При этом был нарушен один из основополагающих догматов экономического либерализма, сформулированный Людвигом фон Мизесом.

Догмат гласит: «Двойственная система защиты, представляемая обладанию при различении владения и собственности, наиболее ярко проявляется в сущности закона как миротворца – да, миротворца любой ценой. Собственность защищается, даже если она, как говорят юристы, не является титулом*. Не только честные и бесчестные собственники, но даже грабители и воры могут требовать защиты своей собственности... Мы те, кто видит лишь функцию закона – творить мир, должны осознать, что эта функция не могла возникнуть никаким иным путем, кроме признания существующего положения дел, каким бы образом оно ни возникло. Попытки поступить

иначе возобновили бы борьбу и сделали бы ее постоянной»[2].

Тем более нельзя было приватизировать государственную собственность тем кулуарным способом, как это было сделано. В результате такой «аграрной реформы», практически по Столыпину, Россия превратилась в крупнейшего импортера продовольствия.

В стране нет до сих пор обещанного земельного кадастра. Земля у нас вроде и не бесхозная, но не обрабатывается, она вся либо в долгосрочной аренде, либо в личной и частной собственности непонятных владельцев (в основном, жалуются в регионах, москвичей). Никаких законодательных инициатив по поводу обязательного использования сельхозугодий по назначению в перспективе не предвидится. Но развивается тенденция скрытой продажи земель сельхозназначения иностранным компаниям и гражданам. А некоторые госчиновники прямо призывают к передаче земли иностранцам, что не вписывается в понятие государственного суверенитета и, как правило, не практикуется нигде в мире.

Но обратимся, однако, к истории вопроса. Бытует мнение, что П.А.Столыпин волею случая был вознесен на вершину государственной власти исключительно за собственные достоинства и заслуги по решительному и жестокому силовому подавлению крестьянских волнений, будучи саратовским губернатором.

Однако причиной появления подобной фигуры на правительственном олимпе Российский империи можно считать идею, изложенную председателем комитета министров С.Ю.Витте во Всеподданнейшей записке императору от 9 октября 1905 г., с предложением общего плана преодоления глубочайшего политического кризиса.

Записка представляла собой обоснование необходимости реформ в области государственного устройства и управления. С.Ю.Витте поставил императора перед выбором: либо избрать путь политических реформ, либо найти подходящую кандидатуру на роль диктатора и наделить ее соответствующими полномочиями. В качестве кандидатов в диктаторы Витте предлагал адмирала Н.М.Чихачева и графа А.П.Игнатьева. Но сам Витте рассматривал реформаторский путь как наиболее подходящий.

К сожалению император выбрал второй путь и поручил спасение страны П.А.Столыпину.

9 ноября 1906 г. именным высочайшим указом Сенату была провозглашена аграрная реформа, получившая историческое определение «столыпинская». Этот указ принято считать главным делом жизни Столыпина.

В конце XIX в. в России крестьянско-общинное производство на надельных и арендованных у помещиков землях распространялось на 90% пахотной земли. Столыпин проводил свою реформу за счет крестьянских земель, земли помещиков оставались неприкосновенными. Он заявлял,

* Отсутствие титула собственности – неподтвержденность прав собственника соответствующими документами.

что, проводя реформу, правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных».

Однако что было делать с основной частью крестьян?

Даже в 1910 г. на более чем 20 млн крестьянских дворов приходилось всего 5,5 млн железных плугов. А у трети (31,6%) в 1912 г. не было своих лошадей, впряглись женщины.

Как собирался Петр Аркадьевич выделять крестьянские хозяйства из общины, не предусмотрев финансовых влияний в деревню? Совершенно непонятно!

Реформатор в своей деятельности просто обязан просчитывать все последствия своих деяний и сводить кредит с дебетом.

Таким образом, основная реальная цель реформы состояла в создании за счет раскола относительного единства и общности интересов крестьянского мира условий для формирования аграрного капитализма в его консервативно-помещичьем, «прусском» варианте, и укреплении социальной опоры самодержавного строя.

Правительство совершенно сознательно устранялось от решения базовых экономических проблем, обеспечивающих развитие национального аграрного сектора.

Столыпин в своем выступлении в Думе (16ноября 1907 г.), отстаивая реформу, говорил: «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силой, а признание неприкосновенности частной собственности… – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы»[3].

Свои слова он подтвердил делом. Весь период столыпинской аграрной реформы сопровождался правительственными репрессиями.

Военно-полевые суды, введенные практически повсеместно, вершили судьбы в течение трёх суток – 48 часов на рассмотрение дела и 24 на приведение приговора в исполнение.

В деревнях производились массовые порки, аресты и высылки.

Но в какой же мере удалось реализовать намеченные реформы?

По сведениям губернаторов, которые были явно не заинтересованы в преуменьшении успехов в проведении реформы и принуждали крестьян силой уходить на отруба, к 1 января 1916 г. из общины выделилось (причем часто лишь формально) 2,5 млн дворохозяев (27% всех общинных дворов), имевших 15,9 млн десятин (14% всех общинных земель).

Вольное экономическое общество говорило о 2 млн семей (в основном южных, юго-восточных и северо-западных губерний, где проживало в основном нерусское население).

Со всей очевидностью можно сказать, что аграрная реформа Столыпина провалилась еще до 1911 г. Поэтому безосновательны всякие утверждения о том, что для успеха реформы, а следовательно, и для торжества в России порядков, установившихся в Западной Европе, не хватило мирного времени.

Это подтверждает и сотрудник Столыпина С.Е.Крыжановский, относящийся к начальнику с симпатией: «И в политике своей Столыпин во многом зашел в тупик и последнее время стал явно выдыхаться».

Очевидно, что курс на ликвидацию общины потерпел провал, и это подрывало возможность достижения основной цели реформы. И дело здесь не только в том, что выделилась из общины лишь пятая часть дворов. Из нее вышли отнюдь не только наиболее состоятельные крестьяне, стремившиеся вести предпринимательское хозяйство. Из общины уходили в значительной мере и пролетаризированные ее

слои («пьяные и слабые»), стремившиеся продать свой надел.

Стоит сказать несколько слов об общине. Представители либерального крыла пытаются внушить, что община представляла собой мир средневекового мракобесия. Но следует признать общину и «как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз», в котором остро нуждалось крестьянство, в том числе и зажиточное. Это было низовое звено государственной системы управления.

Община решала административные, юридические, социальные вопросы на селе. Именно она руководила жизненно важными общественными работами, занималась образованием, организовывала медицинское обслуживание на селе.

Пытаясь уничтожить сложившуюся систему управления государством на низовом уровне, столыпинская реформа ничего ей в замену не предлагала.

Д.И.Менделеев, говоря об индустриализации страны, отмечал: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение»[4].

Это в конце концов понял и сам Столыпин.

После поездки в Сибирь он признался, что практически все отправленные туда крестьяне на новых местах создавали общину, и это было разумно – в одиночку в условиях Сибири не выжить.

Реформу еще пытались «углубить». В 1910 и 1911 гг. новые законы предусматривали принудительную приватизацию общинных наделов. Но тщетно! Видимо, у русского народа в начале XX в. было больше здравого смысла.

Каковы же другие результаты реформы?

Историк экономики С.В.Онищук, ссылаясь на данные, приведенные в фундаментальном труде известного экономиста А.Финн-Енотаевского[5], пишет: «Эффект столыпинской кампании был ничтожным. Падение всех показателей на душу населения в сельском хозяйстве продолжалось, обостряя секторный разрыв.

Количество лошадей в расчете на 100 жителей Европейской части России сократилось с 23 в 1905 г. до 18 в 1910 г., количество крупного рогатого скота – соответственно с 36 до 26 голов на 100 человек... Средняя урожайность зерновых упала с 37,9 пуда с десятины в 1901–1905 гг. до 35,2 пуда в 1906–1910 гг. Производство зерна на душу населения сократилось с 25 пудов в 1900–1904 гг. до 22 пудов в 1905–1909 гг.

Катастрофические масштабы приобрел процесс абсолютного обнищания крестьянства перенаселенного центра страны.

Избыточное рабочее население деревни увеличилось (без учета вытеснения труда машинами) с 23 млн в 1900 г. до 32 млн человек в 1913 г.

В 1911 г. разразился голод, охвативший до 30 млн крестьян»[6].

В самый урожайный 1909 г. в 35 губерниях (с общим населением 60 млн чел.) было произведено по 15 пудов зерна на человека.

Это было официальным физиологическим минимумом[7].

В 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. голод охватил центральные и восточные губернии страны, голодали даже в достаточно благополучной Новороссии[8].

Временное правительство в 1917 г. официально признало реформу несостоявшейся.

Столыпин заявлял о своем стремлении принести народу успокоение, но принес лишь новое всеобщее озлобление.

Лев Толстой в 1909 г. пишет в статье «Пора понять», что «царское правительство... в насмешку над законными требованиями крестьян дало им закон 9 ноября, вносящий только еще новое зло в их отчаянное положение»[9].

Ранее, в 1908 г., Лев Толстой пишет статью «Не могу молчать!». В ней он говорит: «Еще недавно, в 80-х годах, был только один палач во всей России. Помню, как тогда Соловьев Владимир с радостью рассказывал мне, как не могли по всей России найти другого палача, и одного возили с места на место. Теперь не то».

И далее: «А те, кто главные виновники и попустители этих ужасных преступлений всех законов божеских и человеческих – г-н Столыпин говорит бесчеловечные, глупые, чтоб не сказать отвратительные, спокойные речи... Ведь это ужасно. Нельзя и нельзя так жить. Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не хочу и не буду»[10].

3 января 1911 г. Столыпин посягнул на святая святых – остатки демократических свобод университетов, их автономию. Вышел правительственный циркуляр «О надзоре за учащимися высших учебных заведений». Через неделю новый циркуляр запретил проведение студенческих собраний.

28 января ректор А.А.Мануйлов, его помощник и проректор П.А.Минаков в виде протеста подали в отставку. Это привело к демонстративному уходу еще около 130 профессоров и преподавателей. Среди них были всемирно известные: естествоиспытатель В.И.Вернадский, биологи Н.К.Кольцов и К.А.Тимирязев, физики П.И.Лебедев и С.А.Чаплыгин, философ С.Н.Булгаков.

А еще следовало бы помнить историю своей организации и роль превозносимого ими великого реформатора и современным думским деятелям.

Первая Дума была распущена практически сразу после назначения Столыпина министром внутренних дел. Вторая была закрыта Столыпиным после первого созыва.

С Третьей он просто не считался.

Уже упоминавшийся ближайший сотрудник Столыпина С.Е.Крыжановский просто сравнивал Думу с канализацией, позволяющей брать антиправительственные настроения под контроль и сплавлять их в нужном направлении.

При Столыпине активизировалась перлюстрация писем, несмотря на то что Россия подписала международную конвенцию о соблюдении тайны частной переписки.

Наконец, в 1910 г. по распоряжению Столыпина был создан секретный агентурный отдел, занимающийся провокаторами.

На это дело не жалели средств, оклад самого известного агента Азефа был равен 1000 руб. в месяц (депутаты Государственной думы в 1907 г. получали жалование в размере 350–450 руб.). Кстати, до столыпинского призыва Азеф был простым осведомителем полиции.

А теперь давайте порассуждаем, что произошло бы, если бы российские крестьяне воспользовались бы правом закладывать землю.

Денег в деревне не было, она чрезвычайно нуждалась в оборотном капитале. Ростовщики (а кто еще мог дать денег?) с удовольствием предоставили бы эту услугу. Через некоторое время деньги (с большими процентами – от 50 до 200%) пришлось бы отдавать.

В Ставропольской губернии, где реформа прошла относительно успешно, в 1910 г. земля оказалась в руках городских кулаков (скупивших по 30 и более наделов), в дереве их называли мироедами («тот, кто пожирает общину (мир)»).

Ими были в основном крестьяне, переставшие заниматься землей, разбогатевшие на ростовщичестве и торговле – фактически сельские рантье.

Кстати, с кулаком впервые стали бороться не в сталинские времена. На

аграрных съездах начала XX в. единогласно признавалось, что кулак – главная опасность для деревни.

На наших глазах происходит развязка «чуда потребительского кредитования». Без имущества остались люди, более финансово грамотные, чем российские крестьяне начала XX в. Причем не только в России, но и по всему миру.

К 1910–1911 гг. в случае успеха реформ Столыпина по просторам Российской империи скиталось бы несколько десятков миллионов безземельных крестьян. Их не могла принять и трудоустроить российская промышленность (рассказы о ее фантастическом росте весьма преувеличен)[11].

Численность фабрично-заводских рабочих мужского пола в 1905 г. не превышала 1,5 млн чел.[12]

В ходе столыпинской реформы крестьяне окончательно потеряли веру в Царя и Отечество. Прежде самый главный защитник Империи – консервативное крестьянство – превратился в самый революционный элемент России. Люмпенизированные крестьяне, если бы процесс реформ был более «успешным», устроили бы в России революцию еще задолго до начала Первой мировой войны.

Л.С.Черной, изучая влияние маргинализации населения на увеличение социальных рисков, отмечает, что «криминализация массового социокультурного психотипа российского рабочего» стала основной причиной Февральской и Октябрьской революций[12]. Роль столыпинской реформы в этом не последняя.

Кстати, подобные реформы не прошли и в Индии, там тоже удалось «модернизировать» в капиталистическом духе только около пятой части крестьянских хозяйств, остальные продолжали оставаться общинными (конечно, в местном варианте). Неслучайно столь популярна была в индийских деревнях и кооперация.

Возникает вопрос: кто же и зачем создает миф о чудодействии реформы Столыпина?

Лучше всего можно ответить словами создателя сингапурского экономического чуда Ли Куан Ю, высказанными по поводу появления портрета Мао Цзэдуна на площади Тяньаньмэнь в Пекине. На вопрос американского корреспондента Тома Плейта о том, уберут ли его [портрет] когда-нибудь, он ответил: «Конечно. Но только не сейчас, пока что он придает некоторую легитимность властвующей элите»[13].

Можно выделить две категории пропагандистов.

Первая – представители творческой интеллигенции. Ну, их благими намерениями вымощены целые проспекты в ад. Вторая категория – политики, которым надо оправдать сотворенное в 90-х годах. Все-таки приятнее быть сподвижниками великого человека, всегда есть на кого сослаться…

Закончить статью хочется призывом Льва Николаевича Толстого: «Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы»[10].

Примечания

[1] *Мау В.А.* Судьба реформаторов: Столыпин: два юбилея // Ведомости. 2011. 6 сент.

[2] *Mises L. von.* Socialism: An Economic and Sociological Analysis. L: Bradford & Dickens, 1951. P. 45–46.
[3] *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М.: Молодая гвардия, 1991.
[4] *Менделеев Д.И.* Собр. соч. М., 1952. Т. 20. С. 326.
[5] *Финн-Енотаевский А.* Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911.
[6] *Онищук С.В.* 1995. Исторические типы общественного воспроизводства (политэкономия мирового исторического процесса). М.: Восток, 1995.
[7] *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. М.: Алгоритм, 2003.
[8] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. В 14 томах / под. ред. К.К.Арсеньева и заслуженного проф. П.П.Петрушевского. СПб., 1913. Т. 14.
[9] *Толстой Л.Н.* Пора понять. Избранные публицистические статьи (1880–1910 гг.). 3-е изд., М.: ВК, 2010.
[10] *Толстой Л.Н.* Не могу молчать. Полное собр. соч. в 90 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 37.
[11] *Финн-Енотаевский А.* Обзор экономической жизни России. СПб., 1911.
[12] *Черной Л.С.* Социальные факторы и риски экономического развития России. История и современность. М.: Академкнига, 2004. С. 179, 178.
[13] *Плейт Т.* Беседы с Ли Куан Ю.М.: Олимп-Бизнес, 2012.

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.
Интернет-издание, компьютерное обеспечение
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.
E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: http://www.rau.su

Подписано в печать 10.07.2012. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 205.

ISSN 2074–2975 JULY 2012 No 7 (270)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents

Conflict scenarios for Russia's south in the context of socio-cultural development of the region 5

V. Avksentiev, B. Aksyumov

Conflict scenarios for Russia's South and possible involvement of the region in the conflict of civilizations are discussed in the article. A particular attention is paid to the socio-cultural context of the region. The conclusion is made that it is necessary to form Russian civilizational identity which will play the role of the main factor in the integration of North Caucasus into Russia's socio-cultural space and in the implementation of the positive scenario for the region.

Key words: Russia's South, North Caucasus, conflict scenarios, socio-cultural development, civilization conflict, religion, Islam, traditionalism, civilizational identity.

About the authors: AVKSENTIEV Victor A. – PhD, Director of Institute for Socio-Economic Studies and Humanities of Southern Scientific Center of RAS;

AKSYUMOV Boris V. – PhD, associate professor at the Chair of Social Philosophy and Ethnology, Stavropol State University.

On legal principles and use of military conflicts 15

A. Stroitelev

The article discusses approaches in theory and methods applied to describe the nature and use of legal principles of military conflicts as an independent branch of International Law; analyses a number of legal principles in that sphere and responsibility of combatants for war crimes.

Key words: international law; legal principles; military conflicts; theoretical approaches, methods; the Hague and Geneva Conventions; methods of war; responsibility; war crimes.

About the author: STROITELEV Alexei Nikolaevich – PhD in Law, rector of a Law College/School.

About the project of the National system of chemical and biological safety of the Russian Federation 23

V. Andreyev, V. Baranenko

The article examines the key aspects of the safety of chemical and biotechnological complexes of Russia, reveals and identifies the external and internal threats, preventing the innovative development of these industries. In order to neutralize the threats the project of the National system of chemical and biological security of the Russian Federation has been proposed, the structure of the system has been justified and the characteristics and the hierarchical relationship of its main components have been given. It was found that technological modernization is a priority component of the National system.

Key words: National system of chemical and biological safety, chemical and biotechnological systems of Russia, technological modernization.

About the authors: ANDREEV Vladimir G. – Ph.D. in Chemistry, honored inventor of the Russian Federation, Deputy General Director of LLC «Engineering Technical Center «Spetspromteh»;

BARANENKO Valery V. – General Director of LLC «Engineering Technical Center «Spetspromteh».

Migratory moods of young compatriots as the indicator of diasporal policy in Russia 37

O. Savina

In the article the estimation of diasporal politicy of Russia is analyzed by representatives of the young Russian-speaking population in the CIS countries. Investigating sociopolitical models of behavior of compatriots, the author reveals amplifying tendency of moving of Russian youth from the former republics of the Union in the far abroad countries for study, work and a constant residence. Results of research contain some recommendations for more effective cooperation of Russia with the diaspora.

Key words: diasporal politics, compatriots, CIS, youth, migration, education, citizenship.

About the author: SAVINA Olga – research assistant of department of diaspora and migration of Institute of the CIS countries.

Basque terrorism: principles of prevention and experience for Russia 44

A. Rozanov

This article discusses the phenomenon of Basque terrorism, identifies its main features and factors affecting the development of extremism in Spain. The aim of this study is an analysis of international experience of combating terrorism and development of appropriate recommendations for improving Spanish and Russian systems of prevention of the terrorism.

Key words: Basque terrorism, international terrorism, nationalist terrorism, the prevention of the international terrorism.

About the author: ROZANOV Alexander S. – post-graduate, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, head of research department.

Globalization and National Security 53

A. Borsch

The article which is based on an assessment of Russia's relations with other countries in the context of globalization, in which the issues are disclosed on how to reduce the role of military forces, improve and stabilize tje role of policy measures to prevent and resolve crises; and it also pays attention to the full cooperation in ensuring the national security of Russia.

Key words: multi-vector policy, vector analysis, multi-vector policy, security and cooperation in Europe and Asia, Asian Treaty Organization.

About the author: BORSCH Alexander Aleksandrovich – the candidate of law.

The phenomenon of the global governance in the interpretation of European and American scientists 60

D. Trukhin

This article is a review of a set of scientific literature considering the phenomenon of global governance. Mainly it covers works of scientists of Western Europe and the United States of America, as well as a number of Russian researches are covered. Author formulates characteristic features of Western approach to the phenomenon of global governance and examines the depth of studies on the range of problems.

Key words: global governance, global regulation, globalization, world governance.

About the author: Trukhin D.V. – Postgraduate in the Moscow State University, Global Studies department.

France-Belgian cross-border cooperation: trade-unions call the shots 68

E. Ermakova

Pan-European integration in the sphere of the free movement of labour becoming more and more important has made trade-unions rethink their role and tasks. In the past decades new European trade-union organizations appeared to deal with the harmonization of the contacts between the European countries in the political, economic, juridical and social domains. The study of the role of the trade-union cooperation between France and Belgium, two countries in the center of Europe, helps to draw conclusions concerning perspectives, real possibilities and evident disadvantages of the European cross-border trade-union cooperation at the present stage.

Key words: France-Belgian cross-border cooperation, European trade-unions, International trade-union confederation (ITUC).

About the author: ERMAKOVA Ella – PHD researcher, Department of Sociology of the Moscow State Institute for International Relations (University) –MGIMO.

Peasantry: problems of social philosophy and social theory 76

A. Fursov

Starting from the discussion devoted to relationship between peasantry and the authorities, the author analyzes the specifics of Russian peasantry in accordance with particularities of the overall social product being created in Russian conditions, as well as some problems of Stolypin's reform and collectivization. Special attention is paid to the negative impact of ideology upon scholarly discourse.

Key words: overall social product, Stolypin's reform, collectivization, ideology.

About the author: FURSOV Andrey I. – Director of the Centre of Russian Studies of Moscow University for the Humanities, Active Member of the International Social Science Academy (Innsbruck, Austria).

Events and People

Who we won in the Second World War II? 99

A.Tsvetkov

The article of the Second World War II veteran, which is based on documentary material, specifies the targets of aggression of capitalist Europe in the face of Nazi Germany against the Soviet Union in 1941, the capture of Hitler's Europe, the forced entry of the USSR into the war and examines the roots of the Soviet people's victory in the Second World War II.

Key words: aggression, fascism, capitalism, struggle, and the roots of victory, the Second World War II.

About the author: TSVETKOV Anatoly Isaakovich – a veteran of the Second World War II, Doctor of Military Sciences, professor.

Criminal Pact without crime 109

I. Sishkin

There are all grounds to assert that the Molotov-Ribbentrop Pact was in full compliance with the norms of international law of the interwar period. It can be blamed only a contradiction to the «spirit» of the Soviet-Polish non-aggression Pact, and even then with great stretch of the imagination.

Key words: The Second World War, informational war, falsification of history, Molotov – Ribbentrop Pact.

About the author: SISHKIN Igor Sergeyevich – Deputy Director of the Institute of the CIS countries (Russia).

Stolypin – the false idol 121

N. Krotov

The article discusses the phenomenon of a new idol in the environment of the Russian bureaucracy P. A. Stolypin. Also the possibility of using the experience of its reform efforts in modernizing the Russian economy is discussed.

Despite the mixed assessment of the role of this statesman, the article shows the utter impossibility of the use of his figure as the ideal model for the reform of modern Russia. It is absolutely impossible to apply the forms and methods of the Stolypin reforms in modern Russia.

Key words: historical character, Stolypin agricultural reform, community, funding for agriculture, ownership of the land, liberal economy.

About the author: KROTOV Nikolai I. – journalist, economic historian.

Дизайн и верстка
Юданова Н.И.

Интернет-издание, компьютерное обеспечение
Королев Н.В.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.
E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: http://www.rau.su

Подписано в печать 14.06.2012. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО "Джей Ти Принт". Заказ № 205.